

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Г. П. Сердюченко*

Н.А. СЫРОМЯТНИКОВ

КЛАССИЧЕСКИЙ
ЯПОНСКИЙ
ЯЗЫК

Издание второе

324 63 41

ДВ государственная
научная библиотека
Отдел литературы
на иностранных
языках

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

2002

УДК 811.521
ББК 81.2Яп-03

C95

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*В.М.Аллатов (и.о. председателя),
Н.А.Лисовская (ученый секретарь), М.С.Андронов,
В.А.Виноградов, З.М.Шаляпина, Г.Ш.Шарбатов*

Ответственный редактор
И.Ф.Вардуль

Сыромятников Н.А.

C95 Классический японский язык / Н.А. Сыромятников ; Отв. ред. И.Ф. Вардуль. — 2-е изд. — М.: Вост. лит., 2002. — 152 с. — (Языки народов Азии и Африки / Осн. сер. Г.П. Сердюченко). — ISBN 5-02-018343-1 (в обл.).

Книга представляет собой очерк классического японского языка IX–XII вв. — эпохи расцвета японской литературы. Содержит подробное описание фонетики, системы письма, лексики, лексических и грамматических различий, свойственных разным жанрам, а также грамматического строя, принятого в дальнейшем как эталон старописьменного языка, просуществовавшего до XX в.

ББК 81.2Яп-03

Научное издание

Сыромятников Николай Александрович
КЛАССИЧЕСКИЙ ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК
Издание второе

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редакторы Е.А.Поцелуевский, И.А.Штуттина
Художник И.О.Бритвенко. Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор Г.А.Никитина
Корректор Л.С.Кузнецова

Подписано к печати 04.11.02. Формат 60×90¹/16
Печать офсетная. Усл. л. 9,5. Усл. кр.-отт. 9,75
Уч.-изд. л. 9,71. Тираж 1000 экз. Изд. № 8062. Зак. № 6937

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Н.А.Сыромятников, 1983, 2002

© Российской академия наук

Издательская фирма

«Восточная литература», 1983, 2002

ISBN 5-02-018343-1

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очерк доктора филологических наук Николая Александровича Сыромятникова (1911–1984) «Классический японский язык» был издан в серии «Языки народов Азии и Африки» в 1983 г., став последней прижизненной книгой ее автора.

За последующие годы проблематика, затрагиваемая в книге, в нашей стране почти не изучалась. Единственной крупной работой была кандидатская диссертация А.В.Вовина «Язык японской прозы второй половины XI в.» (ЛГУ, 1987). Можно указать также на очерк В.М.Аллатова «Старояпонский язык», вышедший в 1997 г. в книге «Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык». Этот очерк более краток, чем очерк Н.А.Сыромятникова, и во многом на него опирается.

Следует также отметить, что ряд упоминаемых в очерке Н.А.Сыромятникова памятников, к 1983 г. по-русски не издававшихся или издававшихся в отрывках, к настоящему времени изданы на русском языке. Это прежде всего «Гэндзи-моногатари», «Кокинсю», «Ямато-моногатари», «Сарасина-никки».

Работ, сколько-нибудь полно описывающих язык классических японских памятников, на русском языке по-прежнему нет. Поэтому редакция серии сочла возможным переиздать книгу Н.А.Сыромятникова, не потерявшую своего значения.

* * *

Н.А.Сыромятников родился 1 (14) декабря 1911 г. в г. Чугуеве Харьковской губернии в семье инспектора народных училищ. В 1929 г. он поступил на японское отделение Всеукраинского вечернего техникума и одновременно учился на филологическом факультете Харьковского педагогического института.

В 1931 г. Н.А.Сыромятников переехал во Владивосток и поступил на третий курс восточного факультета Дальневосточного университета. В 1933 г. он окончил университет и остался там же преподавать японский язык. Его первая работа — дипломное сочинение о переходных и непереходных глаголах.

В 1938 г. Н.А.Сыромятников уехал в Ленинград для учебы в аспирантуре. Темой будущей диссертации он избрал язык кёгэнов — памятников японской литературы XVI в., отражавших разговорную речь того времени. Эта тема занимала Н.А.Сыромятникова в течение многих лет.

В первые месяцы войны Н.А.Сыромятников оставался в Ленинграде, где пережил самый тяжелый блокадный период. В начале 1942 г. он был призван в военно-морской флот и в июне 1942 г. снова попал на Дальний Восток в качестве преподавателя курсов военных переводчиков Тихоокеанского флота. В конце 1943 г. его перевели в Москву, где он стал преподавателем Военного института иностранных языков. Одновременно он преподавал японский язык в Дипломатической школе НКИД (МИД)

СССР, на историческом факультете МГУ и в других учебных заведениях. Возобновил он и учебу в аспирантуре, теперь заочной. В 1950 г. Н.А.Сыромятников покинул Военный институт и перешел в Институт востоковедения АН СССР, с которым связана вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Когда в начале 1958 г. в Институте образовался Отдел языков, Николай Александрович вошел в его состав и оставался здесь до конца жизни.

Становление Н.А.Сыромятникова как лингвиста было достаточно сложным. Продолжая заниматься кёгэнами, он увлекся японской фонетикой и фонологией. В Военном институте он самостоятельно разработал курс японской фонетики; курс не был опубликован, но оказал влияние на методику ее преподавания в московских вузах. Затем Н.А.Сыромятников написал статью «Система фонем японского языка», которая появилась в 1952 г. и стала его первой большой публикацией, если не считать вышедшего годом ранее «Японско-русского словаря», составленного им вместе с Л.А.Немзером. Статья Н.А.Сыромятникова о фонемах и сейчас представляет несомненный интерес.

Занятия языком кёгэнов и других японских памятников XVI в. привели Н.А.Сыромятникова к исследованию весьма сложного вопроса о категории времени в японском языке. Постепенно он пришел к мысли, что именно эта тема должна быть диссертационной. К 1953 г. была готова большая работа, посвященная анализу категории времени в японском языке с XVI в. до современности.

После защиты диссертации в 1956 г. Н.А.Сыромятников продолжал работать над рукописью о временах, подвергая ее значительной правке. В 1971 г. как итог более чем двадцатилетнего труда вышла большая книга «Система времен в новояпонском языке». Н.А.Сыромятников выдвинул новую концепцию, в соответствии с которой основное значение времени в японском языке — не абсолютное, а относительное, связанное с предшествованием или непредшествованием времени данного действия времени некоторого другого действия, взятого за точку отсчета. Эта книга Николая Александровича и другие его работы о временах не только заняли заметное место в нашей японистике, но и повлияли на исследования проблемы времен в отечественном востоковедном языкоznании вообще.

Он продолжал исследования японского языка XVI в., постепенно охватывая весь период от появления в начале этого века первых памятников, отражающих разговорную речь, до конкретного преобразования японского языка в середине XIX в. Две книги Н.А.Сыромятникова по этой тематике: «Становление новояпонского языка» (М., 1965) и «Развитие новояпонского языка» (М., 1978) — стали первым монографическим исследованием японского языка того времени не только в отечественной японистике, но вообще в японоведении за пределами самой Японии. В книгах довольно детально описана фонологическая система раннего новояпонского языка, хорошо засвидетельствованная в изданных португальцами текстах на латинском алфавите; столь же подробно описана грамматика, в несколько меньшей степени — лексика. Эти две фундаментальные книги, пожалуй,

составляют наибольший вклад Николая Александровича в науку. В 1979 г. Н.А.Сыромятников успешно защитил докторскую диссертацию.

В течение многих лет Н.А.Сыромятников совмещал лингвистическую деятельность с составлением словарей. Первый из них — средний по объему «Японско-русский словарь» — был составлен им еще в начальный период научной деятельности совместно с Л.А.Немзером под редакцией Н.И.Фельдман. Словарь выдержал в СССР три издания (1951, 1960, 1965) и дважды издавался в Японии (1952, 1966). В течение двух десятилетий словарь был основным пособием, которым пользовались все наши японисты.

Затем Н.А.Сыромятников вошел в авторский коллектив «Большого японско-русского словаря» под редакцией Н.И.Конрада, работа над которым продолжалась около полутора десятилетий. Двухтомный словарь, вышедший в 1970 г., содержит более 100 тыс. слов. Как сказано в предисловии к словарю, Н.А.Сыромятникову принадлежит 15,58% объема словаря. До сих пор это самый большой в нашей стране японский словарь. Он также переиздавался в Японии (в одном томе) в 1971, 1973, 1975 гг.

За участие в составлении словаря Н.А.Сыромятников был удостоен Государственной премии СССР. По окончании работы над большим словарем Н.А.Сыромятников приступил к работе над новым вариантом своего первого словаря, снова совместно с Л.А.Немзером, но после смерти Н.И.Фельдман редактором стал Б.П.Лаврентьев. Этот словарь, вышедший в свет в 1984 г., в значительной степени составлен заново. Кроме составительской работы Николай Александрович взял на себя труд снабдить заглавные слова указанием на ударение (во всех предыдущих словарях ударения не проставлялись) и написал приложенный к словарю краткий очерк японского ударения.

В 60-е годы, еще не закончив исследования по новояпонскому языку, Н.А.Сыромятников приступил к изучению более древнего периода японской языковой истории. Результатом стала книга «Древнеяпонский язык», предназначенная для серии «Языки народов Азии и Африки». Работа над ней была закончена к 1968 г., книга вышла в свет в 1972 г. Лучшие ее разделы написаны в том же стиле, что и работы автора о новояпонском языке: дается столь же скрупулезный, хотя и менее подробный из-за ограниченности объема анализ фонологии и грамматики языка древнейших японских памятников VII в. н.э., особенно «Кодзики» и «Манъёсю». В 1981 г. в той же серии очерк в несколько расширенном варианте был издан на английском языке. Пока что это единственная большая работа Н.А.Сыромятникова, доступная зарубежному читателю (не считая нескольких мелких публикаций в Японии).

Он работал также над разделами так до сих пор и не законченной коллективной «Грамматики японского языка», написал ряд статей, в частности посвященных новейшим тенденциям в развитии японского языка в том виде, в котором они отражаются в письменных, прежде всего в газетных, текстах.

Труды Николая Александровича Сыромятникова не только вошли в историю отечественного востоковедного языкоznания, но и до сих пор представляют интерес для изучающих японский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Японским классическим языком (далее КЯЯ) называется язык IX—XII вв. («эпохи Хэйан», по традиционной периодизации) — поры расцвета старой японской литературы и культуры вообще. Кодифицированный, он лег в основу старописьменного языка (бунго), на котором сохранилась богатая литература. В качестве литературного языка он использовался вплоть до XX в. Поэтому знание грамматики (а в известной мере и лексики) классического языка остается в Японии необходимым компонентом образованности и по сей день. Многочисленные письменные памятники (в особенности произведения художественной литературы) продолжают переиздаваться не только в переводах, но и в оригиналах, с комментариями и разъяснениями старых реалий, а также вышедших из употребления слов и форм. Знакомство с настоящим очерком облегчит чтение таких комментированных изданий для русскоязычных читателей-японистов.

Если грамматика старописьменного языка могла быть в значительной мере ограждена от изменений, происходивших в живой речи, то его фонетика, как и в любом языке, менялась хотя и медленно, но неуклонно. И сегодня классические тексты в прочтении вслух современными японцами звучат уже в соответствии с произносительными нормами XX в. Однако в данном очерке (в отличие от работ ряда европейских авторов) применяется транскрипция, передающая с предельно достижимой точностью звучание того времени (об ударениях см. раздел «Система ударений»).

Грамматический строй КЯЯ отличается исключительной сложностью и богатством синтетических форм глаголов и прилагательных. Связи между компонентами сложного предложения выражались многочисленными деепричастиями, но союзных элементов было еще немного. Широко применялись гонорифические и скромные вспомогательные глаголы — в художественной прозе, особенно часто в произведениях, отражающих придворную жизнь (даже в речи от автора). Но личные местоимения были еще не столь многочисленны, как в языке XVI—XVIII вв., и употреблялись они реже.

В поэзии же, представленной в основном малыми формами

(так, танка состоит из 31 слога и делится паузами на пять синтагм), заимствования из китайского и длинные гонорифические формы почти не встречались.

Какие-либо произведения на местных диалектах до нас не дошли. Это говорит о большом влиянии и престиже столичного диалекта (г. Киото), который лег в основу классического языка. Отсутствие внешних и внутренних войн в течение 400 лет способствовало сохранению однотипной языковой ситуации на протяжении всей эпохи.

Наряду с прозой и поэзией, развивавшими традиции древнеяпонской литературы, существовали и переводные художественные произведения, насыщенные китаизмами и (в меньшей мере) заимствованиями из санскрита. Это прежде всего «*Kōnjaku-monogatari*» — многотомный сборник рассказов, новелл, житий буддийских святых, монахов и праведников — индийских, китайских и японских последовательно. Постепенно ранг героев снижается, и в XXIX части повествуется уже о разбойниках. По жанру и языку эти новеллы близки к обширной комментаторской литературе, которая была призвана донести до читателя японца буддийские и китайские классические книги, историю, философию и литературу.

Японские лингвисты этой эпохи развития ЯЯ уделили наибольшее внимание. Существуют тысячи работ по самым разнообразным сторонам КЯЯ. Учесть в данном кратком очерке всю эту огромную литературу не представилось возможным. Он посвящен самому языку, а не теории или истории его изучения. Широко привлекались лишь новые монографии — Цукисима Хироси (по языку комментаторской литературы в сравнении с языком художественной) и Мабути Кадзую (по фонологии). В советской японистике грамматики этого периода коснулась лишь Е. М. Колпакчи [1], рассмотревшая в своей работе, посвященной истории морфологии, финитные формы наклонений, времен, залогов и видов КЯЯ. Неконечные формы были отнесены ею к синтаксису и соответственно не рассматривались. Мне такое построение представляется искусственным. В данном очерке, который является первой работой на русском языке, специально посвященной классическому японскому языку, каждая модальная, временная или залоговая форма (как простая, так и сложная) представлена пятью модификациями, зависящими от синтаксической позиции: финитной, определительной, срединной (если она имеется в формах данной категории) и двумя деепричастными. Наряду с морфологическими особенностями форм рассматривается специфика их синтаксического употребления.

Проф. Мабути Кадзую высказал критическое замечание по поводу недостаточного учета в лингвистических исследованиях, в частности в моем очерке «Древнеяпонский язык» [3], жанровых различий, а также языковых различий, зависящих от возраста, пола, общественного положения разговаривающих. В на-

стоящем очерке это замечание всячески учитывалось. Если какие-то формы уже тогда были устаревшими или вышли из употребления, отсутствовали в тех или иных памятниках (в зависимости от их жанра и времени создания), это отмечается.

Японские историки языка в силу традиции оперируют вырванными из контекста примерами, приводимыми нередко с ссылкой на старое издание без указания страниц: переводом на современный язык они обычно не сопровождаются. Как понимал данное предложение сам лингвист, приведший его, нередко остается загадкой. Лишь самостоятельное чтение всего произведения с учетом комментариев к нему может обеспечить правильное его понимание.

Подавляющее большинство использованных в данном очерке примеров самостоятельно найдено в текстах автором, а не извлечено из многочисленных японских работ по классическому языку (естественно, что весьма богатая литература периода IX—XII вв. не могла быть использована исчерпывающим образом).

Несколько слов о принципах подачи языкового материала. Если цитата начинается не с самого начала предложения, отточие обычно не ставится. Знаки препинания в цитатах из источников взяты из современных изданий — в древних рукописях их не было. Если в памятнике есть отклонения от орфографической нормы того времени (например, *i* вместо *wi*), они сохраняются, хотя в ряде случаев их появление могло зависеть от позднейшего переписчика.

Ряд памятников (например, «*Makura-no saushi*») сохранился в нескольких рукописях, имеющих разнотечения. В хороших японских изданиях они указываются в примечаниях, которые в полной мере учитывались. Формы, зафиксированные всего один-два раза, считались ошибочными и в данный очерк не включались.

Большую помощь в понимании текстов оказали переводы классических произведений на европейские языки. Но, разумеется, автор давал к примерам из памятников в основном свои переводы, более близкие к оригиналу, чем литературные, преследующие чисто художественные цели. Слова, отсутствующие в оригинале, в переводе везде взяты в квадратные скобки. Это или личные местоимения, которые в КЯЯ употреблялись довольно редко, или слова, необходимые для понимания ситуации. Примеры, приводимые японскими историками языка, обычно не использовались, поскольку не был ясен контекст, а необходимость переводить на русский язык имена и глаголы в том или ином числе, указывать род при глаголах в прошедшем времени нередко не давала возможности точно их перевести.

В очерке используется как транскрипция (латинскими строчными буквами), так и транслитерация (прописными).

ФОНЕТИКА

ПОДСИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Гласные в КЯЯ претерпели значительные изменения по сравнению с древнеяпонским языком. Число гласных фонем сократилось: конвергенция $e \times \ddot{e} = e$, $i \times \ddot{i} = i$ привела к сокращению числа гласных с восьми до шести. К концу VIII в. этот процесс завершился. Дольше удерживалось различие между *o* и *ō*, но в IX—X вв. исчезло и оно.

Подсистема гласных фонем в языке IX в.

i
e *o*
 a
 ū
 ō

Подсистема гласных фонем в языке XI в.

i
e *o*
 a
 ū

Как и в ДЯЯ, при столкновении двух гласных на стыке слов (в случае отсутствия паузы между ними) один из них мог выпадать. Это объясняется правилом, существовавшим и в ДЯЯ, по которому в составе фонетического слова не должно было быть сочетаний гласных. Легче всего заметить проявление этой закономерности в стихах, представлявших собой чередование синтагм в пять—семь слогов. Тут выпадение гласного можно зафиксировать даже тогда, когда на письме оно никак не отразилось: в таком случае полная запись преследует морфологические цели (понятность текста), а звучание согласуется со стихотворным размером. Так, если читать строку стихотворения, как оно записано — *midu-po otō-pi*, — получится нарушение размера из-за лишнего слога. Значит, произносилось *midu-poto-pi* 'на поверхности воды'. Такая синкопа, в частности, исследована на материалах довольно крупного памятника эпохи Хэйан «Ямато-моногатари» Л. М. Ермаковой.

Мне представляется, что, если между соседними словами одного и того же стиха была хотя бы небольшая пауза, выпадение гласного не имело места: *fatuturu* (глагольное определение) *ito-fa* (определяемое имя, начинающееся с гласного) 'обтрепанные нити'. Не исключена возможность того, что выпадение, утратив обязательность в живой речи, сохранилось в поэзии по традиции.

В прозе автор обладал большей свободой, поэтому стечения гласных в ней — частое явление. Особенно часто в эту эпоху встречалось сочетание *ai*. Первоначально это было сочетание

фонем, в стихах расцениваемое как две моры. Оно появилось как в исконном слое лексики (в результате выпадения согласного, чаще *-k*, в интервокальном положении), так и в заимствованиях из китайского (*uai* 'подобно'). Позже сочетание перешло в дифтонг, а затем в долгий гласный (в XVI в.). Но в эпоху Хэйан дифтонгов, можно думать, еще не было. Были лишь сочетания гласных *oi* (*oi* 'старея'), *ui* (*kui* 'раскаиваясь'), *ai* (*maite*<*mashite* 'тем более'). В подобных словах между *a* и *i*, *u* и *i* проходит морфологическая граница (ср. *kuu-i* 'раскаиваться'). В канго (заимствованиях из китайского) в одной морфеме с *ai* или с *au* морфологической границы нет, но есть и двухморфемные слова, в которых *a*, *u*, *e* относится к первому корню, а *i*, *u* — ко второму. В таких словах налицо стече-ние гласных фонем (а не дифтонг) даже и в современном языке. Таким образом, если произношение двух гласных как дифтонга и существовало, это могло быть лишь усвоенной вместе с заимствованной лексикой чертой произношения, распространявшейся только на одноморфемные корни. Думается, однако, что сочетания гласных в канго произносились по образцу сочетаний в исконных словах.

Сложившийся в эпоху Хэйан японский алфавит *goji:onzu* («Таблица 50 звуков», т. е. слогов) отражает только пять гласных:

Произношение букв «Таблицы годзюон» в КЯЯ

10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
<i>wa</i>	<i>ra</i>	<i>ya</i>	<i>ma</i>	<i>fa</i>	<i>na</i>	<i>ta</i>	<i>sa</i>	<i>ka</i>	<i>a</i>
<i>wi</i>	<i>ri</i>	—	<i>mi</i>	<i>fi</i>	<i>ni</i>	<i>ti</i>	<i>shl</i>	<i>ki</i>	<i>i</i>
—	<i>ru</i>	<i>yu</i>	<i>mu</i>	<i>fu</i>	<i>nu</i>	<i>tu</i>	<i>su</i>	<i>ku</i>	<i>u</i>
<i>we</i>	<i>re</i>	<i>ye</i>	<i>me</i>	<i>fe</i>	<i>ne</i>	<i>te</i>	<i>she</i>	<i>ke</i>	<i>ue</i>
<i>wo</i>	<i>ro</i>	<i>yo</i>	<i>mo</i>	<i>fo</i>	<i>no</i>	<i>to</i>	<i>so</i>	<i>ko</i>	<i>o</i>

Буквы читались сверху вниз и справа налево. При этом каждый горизонтальный ряд обозначал слоги на один и тот же гласный, а вертикальный — на один и тот же согласный, хотя графически гласный и согласный никак не выделяются.

Долгие гласные. Долгие гласные как фонемы в ту эпоху еще не появились, но долгие звуки зафиксированы письменно: они обозначались добавлением к слоговой букве соответствующей гласной: 794 г.: КАА 'комар', ТИ 'крючок (рыболовный)', ФИ 'челнок (ткацкого станка)'; 948 г.: МИ 'смотря!'; 1000 г.: ЯА 'миг' [19, с. 395]; 1008 г.: КИ 'надевая', ТИ — растение императора; 1040 г.: НУУ 'болото'; 1136 г.: ВАА 'кольцо' [19, с. 396]. Это первые случаи фиксации на письме свойственного западному диалекту удлинения гласного в односложном слове, приводящего к ликвидации крайне малочисленных одноморфных слов (тенденция, общая с малайскими языками).

Однако зарегистрировано несколько примеров удлинения гласного и в неодносложном слове: 1008 г.: ASAAYAKA 'чистый и светлый' (ср. ASA 'утро'), SAAKURU 'рваться', NAAGISA 'побережье', KEEDURU 'строгать', MIIYARI NO FOKO — вид копья; 1024 г.: FIJKURE 'сумерки' (совр. *higure*), MAATO NI 'в цель'; 1116 г.: SUUYA 'гнездо'; 1151 г.: FAANI 'глина'. Лишь некоторые из этих случаев можно объяснить сохранением долгого гласного в односложном корне, выступающем в качестве компонента сложного слова (например, FI 'день'+KURE 'сумерки').

Нередкие уже тогда сочетания гласных *i+i* и *i+i* дали впоследствии долгую фонему *ii*. По-видимому, она возникла раньше долгих, образовавшихся из дифтонгов.

Есть немало примеров удлинения гласного в китайских корнях, хотя в самом китайском языке долгота не используется для смыслоразличения: 800 г.: KII 'всадник'; 830 г.: KAAFUU (позднее KABU) 'песни и пляски'; 948 г.: KOO 'сирота'; 1008 г.: KEEKI (=geki) 'обувь' [19, с. 431]; 1136 г.: KUWAA (=kʷa) 'цветущий' [19, с. 432]. В первый и средний периоды Хэйан таких примеров сравнительно много. Возможно, тут сказывалось влияние китайского тона соответствующего слога, а также удлинения гласного в одноморных корнях японского происхождения. Но в дальнейшем долготы такого типа не удержались в языке: долгие звуки в канго новояпонского языка происходят из китайских дифтонгов.

Разумеется, в памятниках немало ошибочных начертаний и чтений китайских знаков, называемых *f'akusheiyuomi* 'крестьянские чтения' [19, с. 432]. Немногие из них привились, например FIKI — счетный суффикс для животных.

Памятники отмечают только отдельные случаи удлинения. Нормой оно еще не стало.

Прогрессивная ассимиляция гласных. Колебания в написании отдельных неодносложных слов вызываются влиянием одного или двух предшествующих гласных на гласный следующего слога (дистантная ассимиляция): TODOMORU (<TODOMARU) 'останавливаться', OSORORAKUFA (<OSORU) 'бояться'; SUKUFORU (<SUKUFARU) 'быть спасаемым' — частичная ассимиляция [19, с. 396].

Регрессивная ассимиляция гласных встречается несколько чаще: OGOKU (<UGOKU) 'двигаться', MINUKUSHI (<MI+NIKUSHI) 'противный на вид', UTUWARU (<ITUWARU) 'лгать'. Все вышеупомянутые примеры были, видимо, отдельными нарушениями нормы и в языке не привились.

Однако новая форма YUME (877 г.) вытеснила старую IME (<*jime) 'сон' (неполный перелом гласного *i*). Почему вместо MAYO 'бровь' появилось MAYU (810 г.) [19, с. 398], не ясно.

Было немало случаев и «синхронной вариативности», когда оба варианта сосуществовали (далее на первом месте дается

укоренившаяся в языке форма): ITONAMI/ITANAMI 'занятие', INABIKARI/INOBIKARI 'молния', FABIKORU/FOBIKORU 'разрастаться' (чредование *a/o*); OFOYOSO/OFOYOSU 'вообще', SOKOBAKU/SOKOBAKO 'до известной степени', YOROKOBU/YORUKOBU 'радоваться', MUSABORU/MUSABURU 'домогаться', USOBUKU/WOSOBUKU 'посвистывать' (видимо, U- здесь восходит к **wi*), TAMOTU/TAMUTU 'держать в руке', MOSHI/MUSHI (1000 г.) 'если' и др. (чредование *o/u*) [19, с. 398].

В VIII в. стечения гласных в сложном слове, как правило, не допускались. Даже *tō+iri* 'говорит, что...' стягивалось в *tipi* или *tōri*. В эпоху Хэйан ТО IFU дает TEFU [19, с. 400]. Выпадение одного из двух гласных (чаще первого) имеем в формах: SA+ARI>SARI 'так (есть)', SA+AREBA>SAREBA 'если так', MOTI+ARI>MOTARI 'имеет', ZO+ARIKERU>ZARIKERU 'оказывается, есть', TO+ARI>TARI (суффикс прилагательного), KOSO+ARURASHI>KOSARURASHI 'видимо, именно так', -ZU+ARI>-ZARI 'не ...', -KU ARI>-KARI (суффикс прилагательного), KAKU+ARI>KAKARI 'так есть' [там же]. Такие новые формы могли сохраняться и в КЯЯ.

Передача китайского дифтонга *ai*. Как установил Арисака, морфемы, обозначавшиеся иероглифами типа FAU 'головной убор', BAU 'буря', MAU ' волосы', в китайском языке имели дифтонг *ai*, но, если согласный перед ним был губной (*f*, *b* или *m*), дифтонг по-японски передавался как *oi* [19, 429]. Еще в манъёгане знак BAU использовался как знак BO, а MAU как MO. С начала эпохи Хэйан таких примеров много: 800 г.: BOU; 1050 г.: FOU и т. п.

Однако есть и примеры передачи этого дифтонга при помощи слоговой буквы, обозначающей слог на *-a*, + буква WO: 800 г.: TAWO (позднее TAU) 'керамика'; 850 г.: KAWO 'летнее небо' (позднее KAU) (ср. русскую транскрипцию этого китайского дифтонга — *ao*) [19, с. 430].

ПОДСИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Расположение столбцов в «Таблице годзюон» подчинено определенному принципу: порядок столбцов в «Таблице» не произволен, а зависит от места артикуляции согласных, начиная с гортани и кончая губами. (Знаки, обозначающие слоги на *у* и *г-*, стоят как бы не на своих местах. Дело, однако, в том, что *у*, *г* и *ѡ* считались полугласными. Поэтому они помещены особо в конце таблицы. Но и здесь общая закономерность выдержана: сначала более задний — среднеязычный *у*, затем переднеязычный *г* и только потом губно-губной *ѡ*.) Это, казалось бы, дает повод предположить, что и отдельные гласные предварялись гортанным взрывом. Однако существовавшее в ДЯЯ правило, по которому два гласных не могли стоять

рядом в одном слове (один из них выпадал), противоречит такому предположению: если бы гортанный взрыв был самостоятельной фонемой, всегда предшествовавшей гласному, не имеющему впереди себя другого согласного, его наличия было бы достаточно, чтобы предотвратить такое выпадение. То, что при произнесении гласных напрягаются и выбирируют голосовые связки, видимо, послужило причиной того, что гласные были поставлены на первое место (вертикальные строки располагаются в китайско-японском письме справа налево). Но, анализируя «Таблицу» с фонетической точки зрения, нельзя забывать, что расположение букв в ней испытывало влияние санскритской азбуки деванагари, в третьем столбце которой находятся буквы, передающие слоги на [tʃ] (ч) или [ts] (ц). Это служит для Арисака Хидэё одним из доводов в пользу того, что и нынешнее японское *s*- восходит к [tʃ] [3, с. 25]. Однако ни один из современных диалектов не сохранил [tʃ] на месте [s], что, конечно, говорит против такого предположения. Кроме того, Арисака базировался только на китайском произношении тех морфем, заимствованных в японский, которые в современном японском языке начинаются на *s*-: Китайские согласные в таких слогах неодинаковы: ЯЯ *s*- в канго<кит. [s], [ts], [ʃ] или [tʃ]. Видимо, четыре свистящие и шипящие фонемы в словах, заимствованных из китайского, заменились одним японским *s* за отсутствием других более близких соответствий. Если бы новояпонское [s] произносилось в КЯЯ как [tʃ], сохрания древнее звучание, то [tʃ] в соответствиях алтайским языкам единообразно сохраняло бы свое качество. Однако в действительности [tʃ] алтайских языков имеет три разных соответствия в ЯЯ: 1) алт. [tʃ]~ЯЯ [s]: маньчж. чара (>рус. чара)~ЯЯ *sara* 'тарелка'; эвенкийск. ча:^{чи}-да 'ближайшее будущее', 'далше'~ЯЯ *saki* 'впереди', 'далше'; эвенкийск. чорэн- 'рассечь грудью' (в полете и т. п.)~ЯЯ *sorosoro* — о неторопливом движении; 2) алт. [tʃ]~ЯЯ [t]: монгол. *cigiray* 'сильный'~ЯЯ *tikara* 'сила'; эвенкийск. чипича: 'птичка'~ДЯ *tipisa* 'маленький'; эвенкийск. чөлбөл- 'проткнуть'~ДЯ *torog-i* 'пронзать'; эвенкийск. чулба-ма 'зеленый'~ЯЯ *tubo-m-i* 'быть покрытым почками (бутонами)'; 3) алт. [tʃ]~ЯЯ [k]: монг. *cikin* 'ухо'~ЯЯ *kik-i* 'слышать' (см. также [3, с. 24–25]). Вместе с тем тюркскому *s*- всегда соответствует ЯЯ *s*-: др.-турк. (ДТ) *saga* 'подножие горы'~ЯЯ *saka* 'склон'; ДТ *saq* 'внимательный', 'чуткий', 'настороженный'~ЯЯ *saka-si* 'умный'; ДТ *sariy*, монгор. *shira* 'желтый'~ЯЯ *shiro-/shira-* 'белый' (здесь переход [s]>[ʃ] позиционный — перед [i]); ДТ *sewär* 'любимый', 'любящий'~ЯЯ *shewa* 'забота' (ср. и индонез. *sewaka* 'уважение', 'обслуживание'); ДТ *sek-* 'прыгать', 'быстро идти'~яп. *shek-* 'торопиться' (перед *e* в эту эпоху и позже согласные смягчались, *s*- переходило в *sh*-); ДТ *sig-* 'впитываться' (о воде), *sig-är-* 'поглощать', 'вливать'~ЯЯ *shigure* 'осенний дождь' (эвенкийск. *cigir* 'дождь с ветром'); ДТ *sīn*

'могила' ~ яп. *shin-u* 'умирать'; ДТ *sī̥lun* 'марал-самец' ~ яп. *shika* 'олень'; ДТ *soq* 'всовывать', 'погружать (в жидкость)' ~ яп. *soko* 'дно' и др.

Таким образом, ни сравнение с другими языками, имеющими те же корни на *s*-, ни данные диалектов не подтверждают предположения Арисака о происхождении японского [s] из [tʃ]. Для начала эпохи Хэйан он предполагал уже [ts]-, но это также не подтверждается. Все авторы, сравнивающие ЯЯ с другими языками, исходят из предположения об отсутствии аффрикат в ДЯЯ. Но перед *i* и *e* *s*- уже тогда перешло в *sh*- (мягкий шипящий звук). В современных южных диалектах *sh* перед *e* удерживается.

Звонкие согласные. Бросается в глаза отсутствие особых букв для слогов с начальным звонким. Ведь в предшественнице слоговой азбуки «каны» эпохи Хэйан, так называемой манъёгане, были в VIII в. специальные знаки для таких слогов, различавшие *ka* и *ga*, *ta* и *da* и т. п. Правда, как отмечает Инукаи Такаси, употребительность разных знаков для обозначения слогов с глухими и звонкими была неодинакова в разных памятниках: выше всего она была в «Кодзики» (712 г.), несколько ниже в «Манъёсю» (середина VIII в.), а в двух документах, написанных манъёганой в 762 г., не только все слоги со звонкими пишутся знаками, предназначенными для обозначения слогов с глухими, но встречается и обратное: слог с глухим обозначается знаком для слога со звонким [7, с. 3—4]. Таким образом, отсутствие особых знаков для слогов со звонкими не отражает ослабления фонологического статуса звонких (противопоставление их глухим в системе фонем даже усилилось благодаря появлению звонких и в начальной позиции в слове), оно опирается на орфографическую традицию, идущую еще от письма манъёганой. Тенденция здесь заключалась в максимальном сокращении числа знаков, обозначающих один и тот же слог. Избыточность способов обозначения одних и тех же слогов в VIII в. была очень велика. Некоторые слоги могли писаться 20 различными знаками. Это создавало определенные трудности как для пишущих, так и для читающих: одно и то же слово или словосочетание писалось по-разному в разных местах одного и того же текста. Это лишало и процесс письма и процесс чтения необходимого автоматизма. Тенденция к сокращению числа знаков, которыми мог быть написан один и тот же слог, приводила в идеале к однаковому написанию одного и того же слова как в данном тексте, так и в любых других, в которых эта тенденция проявлялась, что должно было облегчить письмо и чтение.

В ходе унификации обозначений одинаковых слогов слоги с начальными звонкими были приравнены к слогам с начальными глухими. Как это могло произойти? Прежде всего это соответствовало общей тенденции к сокращению знаков, облегчало

процесс письма и обучение ему. Кроме того, подобный подход отражал объективную артикуляцию глухих и соответствующих звонких согласных: положение и работа органов речи при произнесении, например, *t* и *d*, *s* и *z* совершенно идентичны, вся разница заключается лишь в отсутствии или наличии вибрации голосовых связок. Ученые той эпохи правильно поняли характер звонкости как дополнительной артикуляции. В дальнейшем (в конце эпохи Хэйан [19, с. 622]) был введен и специальный знак в виде двух штришков для обозначения озвончения, который ставится и теперь справа сверху от буквы. Однако надо иметь в виду, что этот знак (отсутствующий в китайской письменности) был изобретен не сразу. К тому же и после его появления употребительность его в текстах была невелика — применение его стало обязательным лишь в XX в. Правда, во многих текстах и более раннего времени этот знак широко применялся, но, как отмечают японские историки языка и письменности, именно в эпоху Хэйан различение на письме глухих и звонких проводилось реже, чем в любую другую эпоху истории ЯЯ. При этом, вероятно, учитывалась реальность смешения разных слов или морфем. Так, можно было и не обозначать звонкость *b* в форманте *beshi*, поскольку форманта **feshi* не было, и смешения не могло произойти. Таким образом, отсутствие слова (или морфемы), которое отличалось бы от лексемы (или морфемы) в тексте только глухостью одного из согласных, давало возможность обойтись без дополнительного знака. Кроме того, в ЯЯ на всем протяжении его зафиксированной истории имеет место озвончение начального глухого второго компонента сложного слова (разновидность внутреннего сандхи) для указания на объединение двух корней (или основ) в одно слово. И такое явление могло не находить отражения в письме каной, так как не приводило в сознании говорящих к подмене второй морфемы какой-либо другой.

Разумеется, степень фонетической воспроизведимости текстов, записанных с минимальным использованием знака *dakuten* (букв. ‘помутнение’, традиционный японский термин для озвончения), с течением времени сокращается. Сейчас трудно установить, какие ономатопоэтические наречия в хэйанских текстах начинались со звонких согласных, а какие — с глухих, если они записаны без использования знака озвончения. Но, если, например, падежный формант *-ga* писался и в предыдущую эпоху и в последующие с начальным звонким, очевидно, таким же было его произношение и в IX—XII вв.

Авторы семитомной «Истории японского языка» не считают вопрос о причинах отсутствия знаков каны для слогов со звонкими окончательно решенным (см. [9, II, с. 385]). Отмечая назализованность гласных перед звонкими в некоторых текстах, записанных латиницей в XVII в., они высказывают предполо-

жение, что такая назализованность была свойственна гласным в этой позиции еще в эпоху Хэйан. Поскольку звонкие встречались только в интервокальном положении, еще не известно, что имело фонологический характер (например, в *āda* 'враг') — назализованность ли гласного или звонкость согласного, т. е. либо в языке того времени было пять назализованных гласных фонем и пять неназализованных и не было звонких согласных как самостоятельных фонем, или были звонкие согласные (фонологически отличающиеся от глухих лишь не в начале морфемы), а гласные приобретали носовой оттенок в качестве позиционного признака.

Мабути Кадзую приводит ряд цитат из памятников, описы-вающих произношение санскритских звуков в сопоставлении с японскими эпохи Хэйан, например скр. *ba* «произносится как слог *ba* в нашей стране» [11, с. 72]. О *da* сказано: «Его произносят как *da* в нашей стране. Причем добавляют зубной звук» [11, с. 70]. Из этого Мабути делает вывод, что японское *d* было альвеолярным, кончик языка при его произнесении не касался зубов. «О *z* данных нет», — отмечает он [11, с. 69]. О *ga* сказано: «Этот звук *ga* нашей страны» [11, с. 66]. О *va*: «Его произносят как наше назализованное *GA*» [там же]. Мабути отмечает, что в китайском языке *GA* ('я') произносилось как *va*. Следовательно, в японском этот знак использовался для записи неназализованного *ga*. «Было ли в эпоху Хэйан такое же позиционное различие между *g* и *v*, как в современном языке, — замечает Мабути, — неясно» [11, с. 67].

Как известно, в китайском языке в диалекте У, источнике более древних заимствований в японский («гоон»), противопоставление «глухие : звонкие» было. Но в северном диалекте Хань (источнике более поздних заимствований, называемых «канъон») это противопоставление сменилось противопоставлением «придыхательные : непридыхательные» (фонетически полу-звуковые, воспринимаемые русскими как звонкие, а японцами как глухие).

Ассимиляция согласного перед выпавшим *-i-*. Важной проблемой японской фонологии и фонетики является вопрос о появлении специфического японского звука, обозначаемого знаком *-N*, который в настоящее время можно считать вторым элементом дифтонгов, начинающихся на любой гласный [4, с. 344 и сл.]. Тексты, из которых ясно, что этот звук уже появился, относятся к первому периоду эпохи [19, с. 374]. Причиной его появления было выпадение гласного *i* после *n* или *r* перед *n* или *s* следующего слова: *sakari nari* > *saka[n]ari* 'быть в расцвете'. Выпадение *i* между двумя *n* не могло привести к появлению принципиально (фонетически) нового звука. Очевидно, возникало двойное *n*. Аналогичная картина получилась и в случае выпадения *i* между *r* и *n*, когда можно говорить об ассимиляции *r* последующим *n*: *narini* > *nanni* 'стал'.

ARASANARI можно интерпретировать как *arazannari*<*araza-ru+nari* или *arazari+nari* 'не было'. Первоначально новый звук никак не обозначался на письме. Такая тенденция в ряде памятников сохранялась на протяжении всей эпохи [19, с. 375], но с середины ее появляются примеры обозначения нового звука буквой MU: *narinu*>*naMUnu*. Отсутствие обозначения, видимо, объясняется не полным выпадением слога, а тем, что графическая система не располагала буквой, которая обозначала бы удвоение следующего сонанта. Отсутствие буквы можно понимать и как продолжение существовавшей и ранее традиции не обозначать долготу сонантов *n:*, *m:*, *y:*, если она существовала и в VIII в.

Конечнослоговые сонанты. Одновременно с появлением конечнослогового сонанта -N в японских словах в заимствованной лексике появляются *-n*, *-m*, *-y*, причем не только в середине слова, но и в независимой позиции — в ауслауте. Первоначально они различались, точнее, «считалось, что их надо различать» [19, с. 411]. Фонетический строй заимствований из китайского в эту эпоху заметно отличался от строя нативных слов. Им приходилось овладевать в процессе обучения письму и чтению вслух. В учебниках и словарях того времени, дававших указания на «китайское чтение» иероглифов, находим несколько способов передачи конечнослоговых сонантов.

1. Какое бы то ни было обозначение отсутствовало: NASO (<*nani so*), т. е. *nanzo* 'что?', *ke[m]* 'клиновидный' [19, с. 411], *shi[m]* 'погружение', *ta[m]* 'поиски'; *ka[n]* по 'китайский', 'ханьский' [Ts, с. 412], *je[n]* 'свинец', *wo[n]* 'благодействие'; *we[y]* 'процветание' (совр. *ei*), *te[y]* 'темный' (НЯ *mei*), *ku-wija[y]* (>*k'ω'aŋ*) (НЯ *k'au*>*k'o:*) 'потеря сознания' [19, с. 414].

Разумеется, отсутствие обозначения не может служить доказательством не только различия трех конечнослоговых сонантов, но и самого наличия их в то время.

2. Обозначение знаком MU применялось в основном для *-m*: *i-keMU* 'честь', *aMU* 'читать вслух', *kaMU* 'чувство' [19, с. 412] и, частично, для *-y*: *taMU* (для *tag* 'Тан'), *foMU* (для *foŋ* 'сторона'), *t'aMU* 'остановка' (более позднее чтение *tei*), *KNYAMU*, позднее *g'ai* 'стебель' [19, с. 415]. К концу X в. обозначение *-m* стало производиться в основном знаком MU. Он же появляется в глагольных формах вместо FI, BI, MI, т. е. при выпадении гласного *i* любой из этих губных мог обозначаться при помощи MU и скорее всего превращался в *-m*: *yeramUte* 'выбрав' (<*yerabite*) [19, с. 376], *nuMUmono* 'шить' (<*nufimono*), *yatoMUte* 'наняв' (<*yatofite*) [19, с. 377]. Отсутствие указания на звонкость в текстах не дает возможности установить, превращалось ли последующее *t* в *d* сразу или спустя долгое время после выпадения *i*. Выпадение *i* и последующие изменения согласных находим и в ряде сложных имен: *akiMUto* 'торговец' (<*aki-bitō*) [19, с. 377], в дальнейшем

выпадение *k* в определительной форме прилагательных и в деепричастной и других формах глаголов. Уже в XIII—XIV вв. сокращенные формы становятся нормой, конечно разговорной.

2. Выпадение *-sh-* в деепричастии на *-te* и производных от него формах свойственно только западному диалекту, на котором написаны и памятники IX—XII вв. Оно фиксируется начиная с X в. 900 г.: KUDA[SH]ITE 'опустив', FU[SH]ITE 'улегшись'; 950 г.: OF(B?)IYAKA[SH]ITE 'пригрозив', OKO[SH]-ITE 'разбудив'; 1002 г.: SHIRU[SH]ITE 'написав'; 1050 г.: TOF-(B?)O[SH]ITE 'зажегши', KAKU[SH]ITE 'спрятав' [19, с. 367]; 1082 г.: OKA[SH]ITE 'нарушив'; 1100 г.: KOK(G)A[SH]ITE 'опалив' [19, с. 368].

Есть примеры выпадения *-sh-* и в художественной литературе: MA[SH]ITE (ISN, с. 402) 'тем более'; WATA[SH]ITAREBA (Sa, с. 492) 'когда приехала'; OBO[SH]ITARISHI KOSO (ISN, с. 429) 'подумала', KOKORO MO SAWAGA[SH]ITAMAFAZU (G, с. 1546) 'он не волновался', OSHIFENA[SH]ITATEMATURI-TAMAFITEKERI (G, с. 1551) 'изволила научить' и др.

Однако в вабуне выпадение *-sh-* фиксируется лишь в сравнительно поздних памятниках. В «Genji» оно встречается реже, чем выпадение *-k-*, которое представлено там широко.

Нельзя сказать, что *-k-*, *-g-*, *-sh-* выпадали во всех случаях. Выпадение имело место лишь в производных формах и сложных словах, понимаемость которых на слух выше, чем более коротких простых слов. Следовательно, причина такого изменения не чисто фонетическая.

Выпадение согласных перед *u* (японский термин *u-OMBIN*) не означает, что *U* продолжало фиксировать тот же гласный, что и прежде. Выше показано, что в канго *U* мог обозначать и конечноблоговой сонант. Еще в «Манъёсю» находим написания как MAWOSU, так и MAUSU 'говорить'. В эпоху Хэйан случаи, когда *u* оказывается после гласного, учащаются. 810 г.: YAUYAKU 'наконец'; 830 г.: MAUT(D)E 'паломничество'; 850 г.: MAUKE 'подготовка'; 883 г.: KAUBASHI 'ароматный'. В отличие от случаев выпадения перед *i* здесь сочетание гласных образуется в корне слова, выпадение согласного не связано со спряжением или словообразованием; не всегда ясно, какой именно согласный выпал. Не исключено, что по крайней мере часть этих слов заимствована из алтайских или малайских языков. Но едва ли возможна была вставка *u* в корень (например, в *kaibii-gu* 'надевать на голову', совр. *ko:be* 'голова'), так как инфиксация в японском не обнаружена [19, с. 371].

Неоднократно в памятниках встречается *tai* 'десять' (вместо *towo*) [19, с. 372]. Этот факт подкрепляет сопоставление *towo* как с *towot-i/tawat-i* 'сгибать' (пальцы при счете), так и с маньчж. *ziwan* десять (метатеза?).

С 900 г. появляются примеры выпадения *-k-* перед *u*, в основном в наречной или в срединной форме прилагательного.

В западных диалектах *-k-* выпадает здесь параллельно с *-k'* в определительной форме прилагательных, но в восточных диалектах такая норма не сложилась.

Уже в IX в. были случаи перехода FI (WI?) в U: OTOUTO 'младший брат', WOUTO 'муж' (<*wofito* букв. 'самец-человек').

Наконец, буква U появляется и в деепричастии на -TE вместо FI и MI: KAKAUTE, TANOUTE, что также свойственно западным диалектам.

Цукисима обращает внимание на то, что *i* нередко выпадало между *r-* и *-s:* FORI-SU>*fossu* 'желать', KAFERI+SA>*kafessa* 'возвращение', WORISHIKI>*wosshiki* 'стать на одно колено', KUSURI-SHI 'лекарь' >*kususshi* [19, с. 385].

Поскольку ошибок в написании *zu* и *du*, *zi* и *di* почти не было, можно считать, что в эту эпоху DU произносилось как *du*, а DI — как *di* [19, с. 386], т. е. превращение звонких согласных в аффрикаты в этих слогах относится к более поздней эпохе.

Чередование *-m-/b-*. Хотя *m* и *b* всегда были разными фонемами, эти два губных фонетически звонких согласных звука в отдельных случаях могут заменять друг друга: *shimashi/shimara*>*shibaraku* 'некоторое время', TUBAFIRAKA>TUMAFIRAKA (совр. TSUMABIRAKA) 'подробный', KEBURI>KEMURI 'дым' (1074 г.) (под влиянием *kumori* 'облачность'), KANASHIBU>KANASHIMU 'грустить', IYASHIBU>IYASHIMU 'презирать'.

Наряду с такими диахроническими изменениями были и варианты синхронного порядка: *amateki/abaneiki* 'повсюду', *fito/fibo* 'завязки', *matoru/maboru* 'охранять', *sonetu/sonebu* 'завидовать', *kamabisushi/kamamisushi* 'шумный' и т. п., которые встречались параллельно [19, с. 389].

Варианты начального /u/. В нескольких словах с *um-*, за которым следует *a*, *e*, реже *u*, наблюдаются варианты обозначения начального звука: при более старом U позже возникает MU или первый слог вообще не обозначается: UMA/MUMA/MA 'конь', UME/MUME 'слива', UMU/MU 'рождать', UBAFU/BAFU 'похищать'. Но MUDAKU древнее, чем UDAKU/IDAKU/DAKU 'обнимать'. Видимо, как и в новояпонском, здесь возникал «слоговой [п]» как позиционный вариант фонемы /u/ перед *ta/me*. Перед *d*, естественно, возникал «слоговой [п]».

Чередование *ni/mi*. Без всякого изменения значения ряд слов существовал в двух вариантах — с *n'* или с *m'* на первом месте перед *i*: *nira/mira* 'аллиум (съедобная трава-приправа)', NIFOIFI/MIFOIFI 'запах', NIFO/MIFO 'поганка (птица)', NINA/MINA 'моллюск' [19, с. 390], *migaku/nigaku* 'полировать', *nigir-u/migir-u* 'сжимать в руке', *finemosu/fimemosu* 'днем', 'при свете дня' [19, с. 391].

Конечнослоговые имплозивные согласные. В эпоху Хэйан заимствования производились в основном из среднекитайского языка, в котором еще сохранялись конечнослоговые согласные (имплозивные) *-p*, *-t*, *-k*. При записи чтения китайских иероглифов слоговыми знаками они первоначально никак не обозначались, что, однако, не значит, что они не произносились. Те, кто обучались китайскому письму, учились произносить их. 850 г.: MA 'конец' (ср. 1603 г.: *mat*); FI — счетный суффикс для животных (1603 г.: *fiki*), RA 'удобство' (позднее *raku* [19, с. 419]).

Однако с последнего периода эпохи *-p* начинают писать в основном знаком FU (<*pu*>); *-t* — TU, TI; *-k* — KU, KI [19, с. 419—420]. Но до конца XI в. для переднеязычного имплозивного применялись и три различных специальных знака, а также и буква MU. Так, чтение иероглифа *at* 'трение' записывалось в 948 г. AMU, *tot* 'сталкиваться' — TOMU, *shet* 'убивать' в 1000 г. — SHEMU и т. п. [19, с. 420]. Этот факт еще раз говорит о том, что буква MU в ряде случаев обозначала не слог *ti*, и даже не одно *-t*, а чуть ли не любой конечнослоговой.

В одном из памятников (1024 г.) как *-t*, так и *-n*, т. е. любой переднеязычный конечнослоговой, обозначался точкой: KA. (=kat) 'скорпион', FA. (=fan) 'доска', E. (yen) 'дым' [19, с. 420].

В памятнике 1082 г. есть написания FIV 'насадить', TAV 'похищение' для *fit* и *dat* соответственно [19, с. 420].

Вошедшие в широкое употребление заимствованные слова FAKASE 'ученый', SHEUSOKO 'известие', DAITOKO 'великая добродетель' получили «недостающий гласный» (*a* или *o*) из предшествующего слога (ср. более «правильные» позднейшие начертания FAKUSHI, SHEUSOKU, DAITOKU, где добавляется самый узкий краткий гласный *u*). В памятнике 1150 г. фамилия и имя человека IKIT FAKTOK прочитаны как IKI-NO FAKATOKO [19, с. 421], т. е. такое имя можно было написать этими знаками, потому что они читались так в других словах. Цукисима находит в таких случаях остатки древней гармонии гласных.

Появление мягких согласных фонем (традиционный японский термин *kaiyo:on*). Палатализованные согласные появлялись не только в заимствованиях из среднекитайского как таковых, но и в текстах, в которых указывалось произношение китайских слов, в комментариях к тем или иным книгам на китайском языке. Поскольку в некитайском слое лексики палатализовались только согласные перед *i* (и, возможно, *e*), мягкие перед другими гласными стали обозначаться буквами KI, SHI, TI...+соответствующая гласная: 800 г.: RIAKU (позднее *r'aku*, *reki*) 'календарь', SHIAKU (=shaku) 'комментарий'; 830 г.: KIAKU (позднее *g'aku*) 'наоборот'; 810 г.: FIO (позднее

f'ou/b'ou) 'требовать'. С начала XI в. к знаку, обозначающему слог на *-i*, стали приписывать еще I+слоговую букву, обозначающую йот+соответствующий гласный, т. е. если раньше на палатализованность указывали один раз, то теперь стали указывать три раза. Возможно, впрочем, что таким образом пытались отразить неслоговое *-i-* в китайском слоге. 1002 г.: KIIYA (позднее *k'ai*) 'западный варвар'; KIIYOMU 'воротник', SHI-YAKU 'след' [19, с. 425].

Однако в художественной литературе и словарях первоначально просто заменяли слог с палатализованным согласным на слог с соответствующим непалатализованным: 830 г.: KO (вм. *k'o*), SA (вм. -SHA), SUKU (вм. SHUKU), RAKU-SHITE (вм. R'AKU) 'сократив'; 900 г.: KAU (позднее K'AU) 'склоняться набок', SA (позднее SHA) 'телега', TAKU (вм. T'AKU) 'враг'; 948 г.: TOO (вм. T'O) 'зарабатывать'; 1024 г.: SOMU (вм. *shon*) 'подниматься'; 1134 г.: SU/SHIYU (= *shu*) 'голова', SU 'вино' и др.

В общем начертания с YA, YU, YO после букв, обозначающих слоги на *-i*, для записи слогов с палатализованным согласным становятся самыми распространенными с XI в. [19, с. 426]. Однако нельзя сказать, что они не встречались и до этого: 800 г.: SHIYOKU (= *shoku*) 'вытирать'; 810 г.: NIYA (= *n'a*) 'молодой'; SHIYO (= *sho*) 'побережье'. В X в. таких написаний становится гораздо больше [19, с. 427].

Появление лабиализованных заднеязычных *k^w* и *g^w* возникали не только перед *a* (в позиции перед *a* они удерживались до XIX в.), но и перед *e*, *i*. Средства их обозначения на письме выработались не сразу. Первоначально их записывали омонимичными иероглифами: 800 г.: *k^wet* 'кровь' приравнивалось к *k^wet* 'решать', *k^wat* 'жизнь' записывалось *k^wa* 'плод' [19, с. 427]. Однако при записи каной лабиализованные и нелабиализованные первоначально не различались (как и палатализованные и непалатализованные, см. выше). Есть такие написания и манъёганой: *gak^{wi}* 'голодный черт', записано KAKI в словаре «Wam'ausheu» [19, с. 428]. «Но было бы опрометчиво считать на основании таких примеров, что *k* и *k^w* смешивались» [19, с. 428].

С середины эпохи Хэйан впервые появляются две буквы для передачи двух звуков — лабиализованного заднеязычного + гласный: KU+WА для *k^wa*, KU+WE для *k^we*, KU+WI для *k^wi*: 949 г.: KUWEI 'макушка'; 976 г.: WEETI 'говорить' (контаминация WETU/WOTI); 1002 г.: KUWA 'дыня'.

По-видимому, лабиализации подвергался и *s*. Каной это стало обозначаться с XI в.: 1093 г.: SUWIN (-*s^win*) 'это'; 1134 г.: SUTU (позднее *jut*) 'изложение'; 1134 г.: SHIUTU (= *shut*) 'выходить', SUWI> (позднее *jun*) 'обдумывать'.

Конвергенция *e* × *ye=ue*. В манъёгане VIII в. йотированный и нейотированный *e* четко различались. Однако в «Таб-

лице годзоон» специальных двух букв для них уже нет. Но это не значит, что различие между этими слогами было утрачено к началу IX в. Даже в ряде памятников X в. (906 г., 916 г.) для этих слогов продолжали употребляться разные знаки манъёганы. В памятнике 950 г. для нейотированного *e* применяется особый знак, отличный от буквы YE [19, с. 341]. Но уже в 987 г. находим только YE, т. е. знак, обозначавший нейотированное *e*, выходит из употребления. Исходя из современного языка, можно было бы сделать вывод, что выпал йот, но памятники XVI в., написанные латиницей, дают только *ue* в начале слова и после гласного. Таким образом, допустимо предположение, что к концу X в. *ue* вытеснило *e*. В полном согласии с таким предположением находится и тот факт, что из двух знаков вышел из употребления именно тот, который обозначал нейотированное *e*.

Однако свидетельство распространенной «Песни неба и земли» (*«Ametuti-no uta»*), в которой каждый слог употреблен только один раз и лишь YE повторялось дважды, говорит о том, что *e* без йота сохранялось еще в первой половине X в. (*e-po ue* 'железного дерева ветви' — заканчивается песня).

Выпадение *-w-* в интервокальной позиции. В ДЯЯ *w-* встречалось перед всеми гласными, кроме *i*. Правда, в позиции после *w* уже не различались *o* и *ō*, *e* и *ē*, *i* и *ī*. Поэтому мы не можем сказать с уверенностью, что *w-* в раннем ДЯЯ встречалось перед всеми восемью гласными. В классическом языке буквы I и WI, E и WE, O и WO первоначально строго различались. Отдельные буквы для гласного *i* и для *w* в сочетании с тем же гласным имеются и в «Таблице годзоон», хотя для *e* в отличие от *ue* особого знака там уже нет. Мабути Кадзую отмечает, что один из ученых XI в. дал таблицу слогов, в которой для *o* и *wo* приведен только один знак (O), хотя знаки WI и WE сохранены. Из этого можно сделать вывод, что к концу XI в. и различие в произношении между слогами, звучавшими ранее как *o* и *wo*, исчезло. Ранее думали, что исчезал *w* (тенденция к «падению губной работы», по выражению Е. Д. Поливанова). Однако памятники XVI в. удерживают *vo/vo* не только там, где *wo* было и в VIII в. (например, *voru* 'быть'), но и вообще перед любым *o*, *ō* или *o:*, не предваряемым согласным. Скорее всего произошла конвергенция *o×wo=w*. Причем, это имело место не только в интервокальной позиции, но и в анлауте. Однако в начале эпохи Хэйан *o-* еще удерживалось. Так, произношение санскритской буквы О поясняется японским знаком манъёганы O [19, с. 355], а не WO. Но даже если бы различие между *o* и *wo* уже было утрачено, буква O могла быть употреблена с вероятностью 50%. Замена буквы O буквой WO имеет место в IX и X вв., но скорее как исключение. Только с начала XI в. процесс данной конвергенции можно считать законченным [19, с. 356].

В памятнике 1002 г. пишется OSAMU (вм. WOSAMU) 'получать'; в 1008 г. WOTORU 'быть ниже (хуже)' (вм. OTORU), WOFOSO(RA) 'большое небо' (вм. OFOSORA) и т. п. Как видно, изменение происходит в основном в анлауте. Но дело в том, что слог *o* не мог встречаться в середине простого (или производного) слова. В грамматических разделах работы в цитатах из поздних памятников *O* и *WO* не различаются (пишется *WO*).

Можно думать, что *w-* перед *o* возобладало в силу огульности *o* в тот период. Перед *i* (неогубленным гласным) *w* в последующие века (в XIII или XIV в.) выпало. Однако отдельные примеры употребления знака *I* вместо *WI* и наоборот встречаются с начала X в.: 909 г. I(RU)BESHI 'нужно быть' (вм. *WI...*); 930 г.: KAISOKU MUKUWISHEN (*Tosa*) 'дам ответный обед' (вм. KAISHOKU MUKUISHEMU [19, с. 359]. В стихах: TUKUTUKU-TO TABI-NI YA WIDE-NO YAMABUKI-NO FANA (*ISN*) игра слов: *WIDE-NO* 'у колодца' и *IDE-NO* 'появившиеся'—'[О] цветы [кустарника] ямабуки у колодца, [которые я увидел] в пути!', или '[О] цветы [кустарника] ямабуки, которые появились, [когда я был] в пути!'. Сама возможность такой игры слов говорит о том, что различие между *ide* и *wide* (по крайней мере у этого автора) исчезло. В XI в. число таких примеров значительно увеличивается [19, с. 360].

В памятниках X в. найдено всего 12 примеров использования знака *E* (*ye*) вместо *WE* (*we*) или наоборот. К ним относится и TUKUE/TUKUWE 'стол'. Можно согласиться с тем, что TUKI+YE ('ветви')->'ножки столика') — более старая форма [19, с. 360]. В XI в. число таких замен остается примерно прежним.

В памятниках XII в. постепенно растет число примеров равнозначного употребления (не в тех словах, что раньше) трех троек букв: I, FI, WI; YE, FE, WE; O, FO, WO. 1113 г.: URAMI-KUFIKI (вм. KUIKI) 'раскаивался', MAIRASHIME (вм. MAWIRASHIME) 'заставляя войти'; 1132 г.: KOWESHIMU (вм. KOYESHIMU) 'заставляет переходить'; 1134 г.: FEWI (вм. FEI) 'забор' [19, с. 361]; 1136 г.: OWITARI (вм. OITARI) 'состарился', OOKINARI (вм. OFOKI...) 'большой', AOSHI (вм. AWOSHI) 'синий, зеленый'; 1170 г.: FIRAFITE (вм. FIRAITE) 'открыв'; 1178 г.: OFOJI NARA (вм. OFOI) 'если много'. В художественной литературе по спискам XI в. такие примеры тоже есть, но создается впечатление, что выпадение *w* перед *i* было не сплошным, а захватывало сначала только отдельные слова, чаще других MAIRI 'приход' [19, с. 362]. Примеры на замену знаков *I* и *WI*, *YE* и *WE* и наоборот встречаются только в середине слова.

Таким образом, в конце XI в. конвергенция *o×wo=wo* завершилась во всех позициях. Звук *w* выпал перед *i* в интервокальной позиции и уступил свое место у перед *e* [там же].

Конвергенция *i* и *wi*, *ye* и *we* в анлауте произошла уже в эпоху Камакура [19, с. 363].

Конвергенция *-f-* и *-w-* в интервокальной позиции. Суть процесса заключается в озвончении билабиального *f* в интервокальном положении в позиции перед *a*, *o*, *e*. Тем самым утрачивается различие с согласным *w* в той же позиции, знаки FA и WA, FO и WO, FE и WE начинают подменять друг друга. Это явление возникло на рубеже X—XI вв., как показал Ооя Тоору [19, с. 348], хотя отдельные случаи написаний типа URUWASHI (вм. URUFASHI) встречались довольно рано, например KAWO (вм. KAFO) 'лицо' находим в «Манъёсю» [19, с. 348]. Если около 950 г. вместо YUWE 'причина' пишут YUFE [19, с. 350], это говорит о том, что и последнее написание читалось как *uiwe*. К последней четверти X в. относится UFURU 'сажающий растения' (вместо UURU<**iwigi*). Но произносились, конечно, *iwigi*, поскольку перед *u* билабиальный *w-* исчез еще в дописьменный период; когда *f* перед *u* озвончался, он тем самым быстро сходил на нет. Переход *f>w* происходил в основном не в начале морфемы. Это видно по участившимся колебаниям в написании. 1002 г.: SAWAGASHI (WA вм. FA) 'шумный', UFEKI (FE вм. WE) 'посадил'; 1008 г.: TUWIYASHI (WI вм. FI) 'тратя'; 1018 г.: FATU-WO (FO 'колос') 'первые колосья' (переход *f>w* в начале второй морфемы слова). Современное произношение знаменитой с эпохи Хэйан фамилии Фудзивара (вм. Фудзихара) также говорит о случаях *f>w* даже в начале второй морфемы в результате стирания морфологической границы. Наиболее распространенным явлением такого рода является трансформация форманта выделительного падежа: ДЯ *-pa>-fa>-wa*, хотя по правилу должен был удерживаться *f* (перешедший в XVIII в. в *h-*): KOTOFARI (FA вм. WA; на рубеже X и XI вв.) 'отказ' [19, с. 351]. В 1008 г.: AFA (*>a-wa*) 'пена'; KAFAKI (*>kawa-ki*) 'высыхание', URUWOSHI (<*urufoshi*) 'орошение', UFE (*>UWE*) 'высаживание (рассады)'; 1020 г.: MOTIFIRU (*>MOTI[W]IRU*) 'пользующийся'; 1024 г.: FI (вм. WI) 'ранг'; 1045 г.: MOTOFI (*>MOTOWI*) 'основание'; 1058 г.: SHIFAMERU (FA вм. WA) 'морщинистый', KAFORI (FO вм. WO) 'аромат', NEGAU (*u<fu*) 'просить', WOUSHI [19, с. 352] (*u<fu*; совр. *oshi*) 'немой'.

Разумеется, переход *-f->-w-* не происходил во всей лексике одновременно. Случаев, когда падежные форманты FA, FE, WO писались бы иначе, в источниках нет [19, с. 353]. Я думаю, что большая устойчивость согласного в FA, FE объясняется не их частой употребительностью, как полагает Цукисима, а тем, что *f-* находится тут в начале морфемы, где перехода *f->w-* вообще не должно было бы быть и где он если и произошел, то, видимо, позже. Что касается форманта винительного падежа WO, то он звучал в общем так же вплоть до

XVIII в. Устойчивость его написания можно отчасти объяснить традицией, но, поскольку буквы WO и FO стали обозначать одно и то же *w* не в начале морфемы, могли возникать ошибки не только против старой орфографии, но и против произношения, которые выражались в новых написаниях и в начале морфемы. К ним можно отнести использование буквы FI для записи китайца WI 'ранг', хотя в произношении этого корневого слова в то время не должно было произойти изменений. Вряд ли можно согласиться с Цукисима, что написания типа YUFE, UFE отражают действительные колебания не только в орфографии, но и в произношении (ср. [19, с. 354]).

Во всяком случае нельзя с уверенностью сказать, что процесс перехода *-f->-w-* в конце эпохи Хэйан полностью завершился [19, с. 354]. Общее число фонем от этого изменения не стало меньшим, но число позиций, в которых они различались, сократилось.

Основной вывод, который можно сделать из наблюдений над памятниками, в своей орфографии отступающими от традиции, заключается в том, что их написаниям нельзя безоговорочно верить (в отличие от памятников VIII в.), т. е. нельзя считать, что произносили всегда так, как писали. Каждый случай должен быть проанализирован в сравнении с другими, как это и сделано выше. Наличие некоторых слоговых букв (особенно не в начале морфемы) еще не означает, что слог произносился именно так, как читается буква в анлауте. Отсутствие буквы также не означает, что звука (конечнослогового) в действительности не было. Вариативность написаний одного и того же слова еще не говорит о произносительных дублетах. Процесс подыскания графических эквивалентов для конечнослоговых согласных был трудным. Тем не менее само создание слоговой азбуки было огромным достижением в истории японской культуры. Для истории японских звуков и форм написанные слоговой азбукой источники неоценимы.

Вопрос о *p*. Есть проблемы, для решения которых в имеющихся памятниках, видимо, недостаточно материалов. Так, если древнее *p>f*, то не было ли слов или позиций, в которых *p* удерживалось? Из памятников конца XVI — начала XVII в. мы знаем, что такие слова (ономатопеические) и позиции (после [m-]) были. В новояпонской письменности справа сверху над буквой, обозначающей слог с начальным *p*-, ставится кружок ° (японский термин *handakuon* букв. 'полумутный звук'). Однако сам этот значок появился только в начале XVII в., т. е. не раньше, а позже, чем японские тексты на латинице (см. [19, с. 758—759]). Цукисима не касается этого вопроса в главе «Фонемы» [19, с. 323—437]. Китайский *p*- отражался в КЯЯ как *f*. Санскритский *p*- сначала, возможно, сохранял взрывной характер, но затем разделил участь *p*- во всех японских и китайских морфемах, в которых *p>f*- (например, скр.

patra>*pati*>*fati* 'миска'>совр. *hachi*). Правда, *j* не приобрел способности других фрикативных к удлинению. Вместо ожидаемого *-ff-* в памятниках XVI—XVII вв. находим *-pp-*: *tappa jite* 'самое начало', *mappiru* 'полдень' [V, с. 302]. Было ли подобное явление в КЯЯ? Скорее всего, было, но, поскольку *-pp-* не служило средством смыслоразличения и не было фонологически противопоставлено *f* (придавая слову только эмфатическое усиление, ср. *firu* 'день'), большой необходимости в обозначении его на письме не было.

О произношении санскритского *ra* в учебнике санскрита того времени сказано: «Губной звук. Его произносят как наш звук *fa*, но с более сильной работой губ» [4, с. 71]. Это говорит о том, что японское **p* уже перешло в *f*.

Подсистема начальнослоговых согласных фонем

В некитайском слое лексики

<i>k—g</i>	<i>s—z</i>	<i>t—d</i>	<i>n</i>	<i>f—b</i>	<i>m</i>
<i>sh—j</i>		<i>r</i>			<i>w</i>

В канго

<i>k^w</i>	<i>g^w</i>	<i>s—z</i>	<i>t—d</i>	<i>n</i>	<i>m</i>	<i>f—b</i>
<i>k—g</i>		<i>sh—j</i>	<i>t'—d'</i>	<i>n'</i>	<i>m'</i>	<i>f'—b'</i>
<i>k'—g'</i>				<i>r</i>	<i>w</i>	<i>r'</i>

Конечнослоговые согласные фонемы (в канго)

<i>ŋ</i>	<i>n</i>	<i>m</i>
<i>k</i>	<i>t</i>	<i>p</i>

СИСТЕМА УДАРЕНИЙ

Подавляющее большинство памятников эпохи не дает никаких указаний на ударения. В «Кодзики» такого рода пометы были эпизодическими. Однако проф. Киндаити Харухико в 40-х годах XX в. исследовал памятник «Kwantiwin-fonruishu:meigishei», где темными и светлыми кружками помечались ударения в японских словах (а не только тоны в китайских). Сравнив систему ударений в эпоху Хэйан с ударениями, отраженными в более поздних памятниках, и диалектальными системами, он пришел к выводу о большой изменчивости ударений с течением времени [19, с. 401].

Для двусложных слов он отмечает пять разных типов ударений¹:

- 1) ВВ: *ate* 'тянучка', *ushi* 'корова';
- 2) ВР: *aza* 'родимое пятно', *ishi* 'камень';

¹ В — высокий тон, Р — ровный тон, т. е. ударение было, как и сейчас, музыкальным, регистровым.

- 3) РР: *ashi* 'нога', *ami* 'сеть';
- 4) РВ: *ato* 'след', *afa* 'чумиза' (форманты при словах этого типа имели высокий тон);
- 5) РВ: *aki* 'осень', *ashē* 'пот' (форманты при этих словах имели низкий тон) [19, с. 401].

Обозначения ударений по той же системе он обнаружил также в памятнике 1136 г. «Faukwakeitānji», в «Maedabon-irofajiruisheu», «Iwasaki-bunko-fonjik'ou», в старых списках анналов «Нихон-сёки» и антологии стихов X в. «Кокинсю» [19, с. 401].

Комацу Хидэо исследовал «Toshureu-fonruishu:-meigisheu» и памятник 1079 г. «Kinkwoomei-saishouwaukei-ongi». По его мнению, в двусложных именах различались следующие «голоса»²:

- I. а) ВВ: *fafe* 'муха', *fako* 'ящик';
б) ВП: *mizo* 'канава';
- II. а) ВР: *fashi* 'мост';
б) ПР: *niji* 'радуга';
- III. РР: *nafa* 'веревка', *muti* 'бич', *kami* 'волосы';
- IV. РВ: *fune* 'лодка', *kasu* 'гутта', 'отстой';
- V. РП: *abu* 'овод', *firu* 'пиявка'.

Но у глаголов типов меньше:

- РП: *fadu* 'стыдиться';
- РВ: *kiru* 'резать';
- ВР: *oru* 'ткать', *sufu* 'сосать';
- ПВ: *nuru* 'красить'.

По Комацу, слог с падающей интонацией к концу эпохи Хэйан переходит в высокий [19, с. 402].

ПИСЬМЕННОСТЬ

Китайские знаки. Употребление китайских знаков в эпоху Хэйан, как и в предыдущую, было двояким: в одних случаях иероглиф обозначал то японское [корне] слово, которое было синонимично китайскому, записывающемуся тем же знаком (*uata* 'гора', *nagaru* 'течь'), в других — он использовался как слоговой знак (YA-МА 'гора', NA-GA-RU 'течь' записывались соответственно двумя и тремя иероглифами, имеющими китайские чтения *ua*, *ta* и т. д. [19, с. 253]) независимо от значения соответствующей ему китайской морфемы. Не следует думать, что иероглифы в роли слоговых знаков впервые были применены в Японии. В самом Китае уже давно так записывались иностранные собственные имена и заимствования, если их не удавалось этимологизировать. Некоторые из этих слов проникли и в Японию в своем «иероглифическом» облике, например *Indo* 'Индия', *afen* 'опиум'.

² В — высокий ровный, Р — низкий ровный, П — низкий падающий.

Такие знаки (по функции буквы) могли отражать:

а) звучание китайской морфемы (нередко упрощенное, сведенное к формуле японского слога — CV) или

б) звучание японской морфемы, которая может быть обозначена этим знаком, когда он используется как единица поморфемного письма, каким, в сущности, является китайское письмо, по А. Н. Соколову.

Знаки первого типа назывались *оддапа*, знаки второго типа — *киллапа*. Если надо было передать звучание многосложного слова, это могло быть сделано посредством знаков, значение которых не имело отношения к значению записываемой лексемы. Так, слово *natukashi* 'вызывающий приятные воспоминания' записывалось двумя знаками: *natu* 'лето'+*kashi* 'дуб'.

С другой стороны, при записи японского слова иероглифом, но при отсутствии китайского соответствия могло быть дано толкование по смыслу, например *i* записывалось иероглифами со значением 'конское ржание', *bi* — иероглифами со значением 'пчелы звук'.

Все это делало японское письмо и его прочтение гораздо более сложным, чем китайское.

Иероглифы, как таковые, назывались в эпоху Хэйан *tana* или *tappa* 'настоящие имена (т. е. письмена)' [19, с. 254]. Знаки в роли слоговых букв получили название манъёгана (букв. 'временные названия, [примененные в] «Манъёсю»'), так как довольно часто применялись в этой антологии. Однако это не значит, что они не использовались в других памятниках, в том числе и в эпоху Хэйан (ср. [2]). Просто в разных памятниках употреблялось разное число омографов. Скорописные начертания манъёганы получили название *kusa-no kana* букв. 'травяные буквы' (калька с кит. *цаошу* 'скоропись', букв. 'травяное письмо'). Округлые скорописные начертания слоговых букв, с XVII в. называющиеся *firagana*>*hiragana*, в эпоху Хэйан назывались *kanna* (<*kari-na* 'временные письмена'). Такое название дано потому, что, если иероглиф всегда соотносится с определенной морфемой, слоговая буква может обозначать ее только в одном данном случае. Сокращенные уставные начертания знаков, превратившиеся в слоговые буквы, назывались *kata-kanna* (новояп. *katakana*), где *kata* значит 'неполный' [19, с. 254].

Наиболее широкое применение иероглифов, как таковых, находим в камбуне (букв. 'ханьское письмо'), т. е. в текстах, написанных по-китайски или в самом Китае, или уже в Японии. Они очень рано стали снабжаться специальными значками *kin ten*, которые обозначали прежде всего, в каком порядке надо переводить китайские слова на японский язык. Кроме того, нередко к иероглифу дописывались мелкими знаками манъёганы японские падежные суффиксы и другие форманты. Необходи-

мость уместить сложные знаки между строчками или даже иероглифами также способствовала упрощению знаков в роли слоговых букв. Указание чтения иероглифа буквами сбоку называлось *baikin* или *furigana*, буквы, обозначающие последний слог (слоги) спрягаемого слова и пишущиеся после (ниже) иероглифа,— *okurigana*.

Скорописные начертания манъёганы начинают использоватьсь и там, где эти знаки писались отдельно от иероглифов. Но случаев сокращения черт (как в катакане) при этом почти не было [19, с. 255].

В первый и средний периоды Хэйан употребительность манъёганы была довольно значительной. Она применялась в следующих случаях.

1. Для записи японских стихов в тексте, написанном камбуном. При этом в основном один знак обозначал один слог [19, с. 256]. Размер знаков манъёганы в таком случае не отличался от размера иероглифов основного текста. Даже в следующую эпоху, Камакура, есть еще случаи применения манъёганы для записи стихов. Это традиция, идущая от «Манъёсю».

Однако были случаи, когда для записи стихов корень слова писался иероглифом, а форманты — манъёганой: *Mitomo FANAni-fa ODOROKItutu* 'Хотя и смотрю, восхищаясь цветами'. Применение иероглифов, обозначающих двусложные японские имена (*tomo* 'кожаный нарукавник' и *tutu* 'трубка'), для записи омонимичных глагольных формантов в то время уже скорее исключение, чем правило [19, с. 256].

2. В словарях для толкования значения китайских морфем, обозначаемых иероглифами, при помощи японских слов, например в словаре «*Shinshenjik’au*» («Новое зерцало избранных иероглифов», ок. 900 г.), в «*Fonzauwam’au*» («Японские названия основных растений», 918 г.), в «*Wam’auruijushau*» Минамото-но Ситагау (931 г.) и др. В ряде книг манъёгана сохраняет при этом свою первоначальную форму. Но в книге «*Daifann’ak’auongi*», которую относят к началу эпохи Камакура, манъёганой записывается только звучание китайских слов, а толкование значения дается уже катаканой [19, с. 257].

3. В императорских указах разного содержания для обозначения грамматических формантов. При этом знаки манъёганы писались мельче, чем иероглифы основного текста. Такой способ получил название *shemt’augaki* [19, с. 257—258] (от *shemt’au* 'указ'). Сфера применения этого способа была широкой [19, с. 258]. Он использовался и в комментариях к ряду буддийских текстов. В значительной мере это продолжение традиции, существовавшей еще в VIII в. для записи молитвословий Норито.

4. Для обозначения формантов при переводе камбунного текста. В таких случаях иероглифы основного текста писались крупнее, знаки манъёганы, как имеющие вспомогательный ха-

рактер, помещались между строками или ниже (как правило, несколько правее) основных иероглифов. В первый период в такой роли используется исключительно манъёган [19, с. 259]. Затем она начинает использоваться вперемешку со скорописными знаками, а также с *shaukawakukana*, предшественниками катаканы, где число черт уже сокращено. По Касуга Сэйдзи, тенденция заключалась в интенсивном использовании более простых знаков для обозначения одного слога [19, с. 259]. Но в памятниках, связанных с камбунными текстами, немало знаков с большим числом черт. В словарях для указания произношения китайских морфем предпочтитаются те знаки, которые используются в соответствующих китайских словарях, в том числе и довольно сложные [19, с. 260]. Но для обозначения служебных морфем действительно выбирались более простые знаки.

Варианты начертаний иероглифов. Что касается иероглифов как таковых, то в их начертаниях различались *kaisho* ('устав'), *g'ausho* ('полускоропись') и *sausho* ('скоропись'). Пределы их употребления не всегда были четко очерчены, но при копировании сутр и произведений китайских классиков предпочтительно выбирались уставные и полускорописные начертания. Нередко сутры писались на голубой бумаге золотом или серебром [19, с. 302]. Многие из них были иллюстрированы. Они создавались по обету, а не для обучения — в эпоху Хэйан они не снабжались значками, облегчающими перевод на японский [19, с. 302].

Среди поучений святых также было немного написанных скорописью. Скорописные иероглифы применялись чаще в письмах мужчин, в сборниках стихов, в дневниках знати [19, с. 304]. Вероятно, их использовали и для быстрой записи чего-либо. Часть памятников имела, видимо, ценность и с точки зрения каллиграфии. В скорописи применялись различные стили. В некоторых из них знаки пишутся отдельно — между ними делается небольшой пробел, в других — кисть не отрывается от бумаги при переходе от одного иероглифа к другому.

Орнаментальный стиль (*tenshotai*), применявшийся в Китае с IX по III в. до н. э., служил по традиции для печатей [19, с. 163; 304—305]. Знаки в этом стиле употреблялись только в уставном начертании.

Были и китайские тексты с особыми «древними знаками». Такие знаки требовали комментирования.

В некоторых случаях ряд знаков выделялся нажимом кисти. Это также могло иметь значение как один из приемов каллиграфического искусства.

Санскритские буквы (по-японски назывались *bonji* или *shittan*). Буддийские книги появились в Японии не только в переводе на китайский, но и в оригинале, написанные на санскрите. В первый период эпохи Хэйан немало японских монахов

обучались в Танском Китае «санскритской науке» [19, с. 307]. Чтение и толкование санскритских книг потребовали создания учебных пособий иcommentаторской литературы. При этом учили не только понимать текст, но и правильно по-санскритски его произносить. Из этих пояснений мы теперь можем сделать важные выводы и о произношении самих японских звуков в то время (см. главу «Фонетика»). Если санскритский звук казался совершенно таким же, как японский, слог, состоящий из данного согласного + *a*, приравнивался к японскому слогу на -*a*. Если же (как, например, при произнесении ретрофлексных согласных) санскритский звук требовал дополнительной артикуляции, это оговаривалось: «При этом добавляется язычный звук» (т. е. язык работает более энергично, чем при произнесении наиболее близкого японского согласного [11, с. 70]).

Знакомство с буквенной системой письма не могло не оказать влияния и на формирование японской слоговой азбуки: осознание того, что письменность не обязательно должна быть иероглифической, легче могло быть достигнуто при наличии иноземного образца, которым успешно записывались тексты, имеющие престиж.

Немало книг было написано в помощь тем, кто изучал в тогдашней Японии санскрит и его письменность. Однако это не значит, что все монахи знали санскрит. Вероятно, с ним была знакома лишь часть духовенства [19, с. 310]. Некоторые из них даже писали свои буддийские имена санскритскими буквами, особенно в последний период эпохи [19, с. 310].

Хирагана. Знаки слоговой азбуки хирагана графически через «травяное письмо» восходят к знакам манъёганы, т. е. скорописная форма манъёганы, в ряде случаев предельно упрощенная, дала в конце концов буквы, использующиеся уже около тысячи лет. Если же подойти к вопросу о возникновении хираганы с точки зрения текстов, в которых она появилась, установить зависимость характера письма от жанра, то можно обнаружить два источника этого письма: тексты, полностью записанные хираганой, и ее знаки как вспомогательные — для комментирования иероглифического текста [19, с. 283].

Что касается первого источника, то это развитие традиции записи, при которой текст полностью записывался манъёганой, применявшейся со второй половины VIII в. Характер текстов подсказывает, что так писали писцы при дворе или при храмах.

Хирагана как система вспомогательных значков возникла в качестве мнемонического приема, облегчающего чтение иероглифов или служебных морфем, добавлявшихся при интерпретации текста по-японски. В отличие от сплошных текстов буквы тут пишутся раздельно, к тому же встречаются как сокращенные знаки, так и полные, т. е. знаки манъёганы [19, с. 284].

Однако в середине эпохи использование манъёганы в commentаторской литературе постепенно сходит на нет (сохраняют-

ся лишь знаки с небольшим числом черт). Остаются только хирагана и катакана. При этом к XI в. употребительность хираганы снижается. Цукисима приводит 37 таблиц каны из разных памятников, в которых один и тот же слог обозначался нередко не одной, а целым рядом букв. В каждом памятнике свой набор букв, во многом не совпадающий с другими [19, с. 313—322]. Однако общая тенденция заключается в вытеснении манъёганы, а затем и хираганы катаканой. По-видимому, было известное различие в выборе системы знаков и между sectами [19, с. 284]. Хирагана встречается чаще в памятниках секты Тэндай [19, с. 284].

Все это заставляет многих ученых усомниться в традиционном взгляде на появление «Таблицы 50 слов» как на изобретение одного лица (Кобо Дайси). Думается, что отбор знаков происходил если и не стихийно, то во всяком случае в течение ряда веков, что само по себе исключает факт одноразового изобретения их.

В конфуцианской литературе вспомогательные значки появляются лишь в X в. Сравнительно с буддийскими текстами буквы хираганы в них более распространены [19, с. 285]. Не мало знаков хираганы остается в них и в XI в. [19, с. 286]. То же наблюдается и в памятниках, написанных в домах мирян [19, с. 287]. Можно предположить, что это объясняется закреплением в роли вспомогательных определенного числа букв (в том числе и хираганы) еще в первой половине X в. [19, с. 288], т. е. несколько раньше, чем в буддийской литературе.

В текстах с явным преобладанием хираганы смешения ее с катаканой не наблюдается [19, с. 289].

Катакана. Этот вид слоговой азбуки происходит из сокращенных уставных начертаний манъёганы. Большая часть знаков первоначально обозначала китайские морфемы, но некоторые произносились так же, как синонимичные китайские японские.

Большое графическое различие между знаками, катаканы и хираганы объясняется двумя причинами: 1) происхождением хираганы от скорописного начертания знаков манъёганы, а катаканы — от усеченного уставного написания тех же знаков; 2) происхождением буквы хираганы и буквы катаканы, обозначающих один и тот же слог, от омонимичных, но разных знаков манъёганы.

Наличие графически неодинаковых знаков катаканы в разных памятниках говорит о том, что унификация этих знаков не была достигнута. Даже при выборе для создания буквы одного и того же знака могли сокращаться разные его части. По Касуга Сэйдзи, в памятнике 800 г. слог *ти* обозначался четырьмя или пятью знаками [19, с. 291]. Есть памятник, в котором буквы столь непохожи на общепринятые, что возникает даже мысль о том, что такие значения приписаны знакам катаканы наме-

ренно, с целью лишить возможности непосвященного читать текст, т. е. буквы, в большинстве памятников записывающие одни слоги, здесь соответствуют другим [19, с. 293].

В XI в. в большинстве памятников применялась катакана, но начертания ее знаков не во всех случаях совпадают с общепринятыми в дальнейшем. Наиболее существенными отличиями обладают знаки, соответствующие U, KI, KE, SA, SU, SHE, TA, TI, NA, FO, MI, RA [19, с. 295].

В XII в. почти исключительно применялись знаки, обозначающие один слог. Это все знаки с уменьшенным числом черт (*shaukwakugana*) — прообраз катаканы. Но некоторые знаки восходят не к уставному начертанию манъёганы, а скорее к полуторописному. К концу эпохи в связи с общим упрощением письма почти все форманты нередко писались уже каной [19, с. 299].

К этой и даже более ранней эпохе восходит применение знаков, указывающих на повторение иероглифа. Так, еще в «Кодзики» читаем: *Uti-pa porapora soto-pa subusubi* [19, с. 299] ‘Внутри [пусть будет] свободно-свободно, снаружи [пусть будет] тесно-тесно’ (заклинание), где на повторение двух знаков указано разными способами.

«Измененный китайский стиль» (*hentai-kambun*). С своеобразным видом памятников языка эпохи, еще недостаточно изученным, является целый ряд рукописей, авторы которых хотя и не стремились сознательно отойти от нормы ортодоксального китайского стиля, но под влиянием родного языка вводили в него те или иные изменения. Авторы — обычно мужчины, принадлежащие к знати, — вносили те или иные записи в лунные календари, которые были тогда очень распространены. Первоначально записывались какие-то события семейной и общественной жизни для памяти, но затем (после смерти автора) потомки с благоговением переписывали все оставшиеся надписи, сделанные его рукой, и передавали их из поколения в поколение. Уже с X в. таких памятников сохранилось достаточно много, и можно думать, что традиция хранить подобные записи уже была и авторы писали с расчетом и на чтение потомками. Отличия от «чистого камбун» заключались в порядке слов, в применении вежливых слов и формантов, в указании на служебные слова и морфемы при помощи каны и других средств. К подобным источникам относятся также личные письма (также мужские) и письмовники, дававшие указания, как следует их писать. Подлинных рукописей, оставшихся от эпохи Хэйан и написанных «измененным камбуном», осталось довольно много. Аутентичность их высокая [19, с. 216—225].

«Смешанное письмо» (иероглифы в сочетании с катаканой — *kanji-katakana-majiribun*) было самым перспективным из многих систем письма того времени, прообразом возобладавшей впоследствии системы. Служебные морфемы писались катаканой —

каной, лексемы — иероглифами. Такая система восходит к способу записи молитвословий Норито и указов в VIII в. с той разницей, что манъёгана в них была заменена катаканой [19, с. 226]. Другим названием смешанного письма было *katakanna-shett'augaki*.

Как показал Касуга Сэйдзи, этот вид письма возник в конце эпохи Хэйан не на пустом месте, а развился из ранних образцов, появившихся вместе с формированием катаканы. И во второй половине эпохи памятников «смешанного письма» действительно становится чрезвычайно много [19, с. 227]. Расширился и диапазон его применения. Так, если в первый и средний периоды Хэйан такой способ письма использовался в примечаниях к буддийским текстам, в черновиках проповедей, то в последний период мы находим его во многих произведениях повествовательного жанра (*shetuwa* — рассказы, записанные на слух). Раньше это были заметки для себя, для памяти, позже — параллельно с расширением употребления катаканы вообще — «смешанное письмо» легализовалось как общеноародное, его статус повысился, так стали писать и для потомства [19, с. 227]. Это письмо имело разновидности. Одна из них восходит к снабженному пометами камбунному тексту, сохраняет его порядок слов, знаки, указывающие на последовательность перевода на японский. Катакана пишется значительно мельче иероглифов, между строками, вне колонки или (в составе примечания в тексте) двумя строчками вместо одной основного текста.

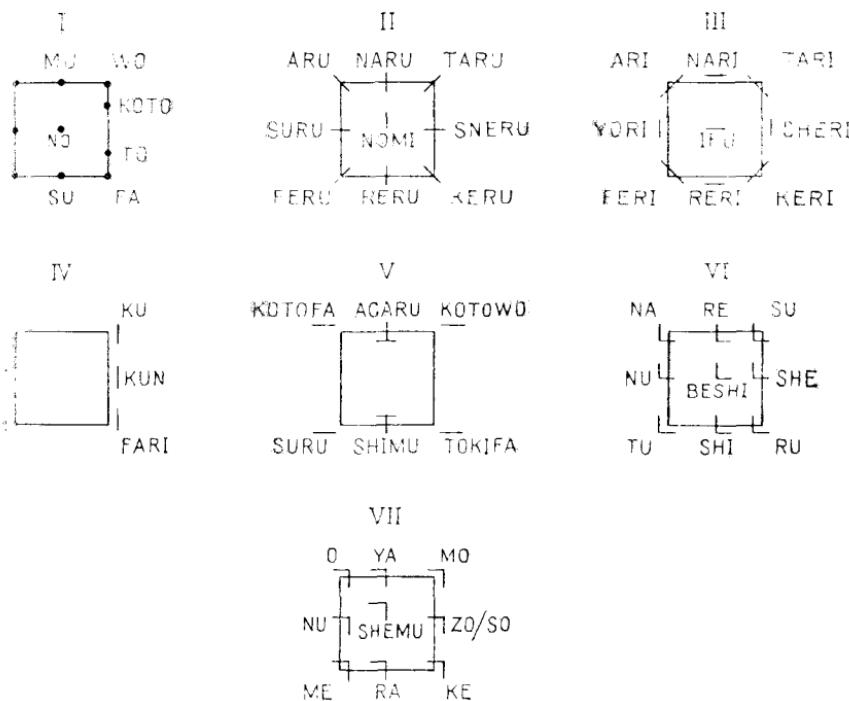
Другая разновидность продолжает традицию указов (*shett'augaki*), придерживается японского порядка слов, вводит японские служебные морфемы. В первой половине эпохи таких памятников нет, но во второй так записывают буддийские гимны в переводе на японский язык, сборники рассказов и т. п. Если первая разновидность имела скорее учебное назначение, то во второй преобладают разговорные элементы [19, с. 228]. Есть и памятники, в которых число иероглифов незначительно, знаки катаканы почти такого же размера, как и иероглифы. Некоторые рукописи представляют собой переписку более ранних — хирагана заменена в них катаканой.

Задача, которую ставили перед собой многие авторы, писавшие «смешанным стилем», заключалась в помощи тем, кто хотел обучиться чтению буддийских и китайских классических книг, а также тем, кто нуждался в китайско-японских словарях и указателях чтений иероглифов. От эпохи Хэйан идет традиция неразличения китайско-японского и японско-японского иероглифических словарей. В один и тот же словарь включаются как китайские слова, совсем не употреблявшиеся в Японии, так и японские, не известные китайцам.

Вокототэн. Одним из распространенных видов письма был камбун, при котором иероглифы снабжались не буквами каны (как в новояпонской письменности), а специальными зна-

зами (точками, прямыми короткими линиями, горизонтальными и вертикальными, а также уголками), которые ставились в разных сторонах иероглифа. Имели значение как форма самого знака, так и место, где он помещался. Система таких знаков не была полностью унифицирована (как и начертания каны).

Одна из наиболее распространенных систем выглядела так:

Анализ показывает, что:

а) форманты, начинающиеся со звонких согласных, в таблице даны как начинающиеся с глухих. Так, KA в первом квадрате должно читаться GA (как формант притяжательного падежа), поскольку здесь сосредоточены в основном падежные суффиксы (NI, NO, WO, TO, FA). Однако для KA (вопросительной частицы) особого знака нет. Видимо, к первому квадрату отнесены наиболее употребительные форманты. Само название такого вида письма — *wokototen* — состоит из WO (оказатель винительного падежа)+KOTO (имя-субстантивизатор)+ten 'точка';

б) некоторые омонимы составители таблицы различали. Так, вны два NU (в VI и VII квадратах). Один из них — формант притяжательного наклонения в определительной форме, а другой — формант вида в заключительной форме. Даны и два SU.

Один из них (квадрат I) — заключительная форма глагола «делать», другой — заключительная (она же срединная) форма отрицательного наклонения ZU (квадрат VI). Однако дан только один KI и один SHI (т. е. не различаются форманты прилагательного в заключительной и определительной формах и омонимичные им глагольные форманты времени воспоминания). SO (квадрат VI) мог, видимо, выражать как суффикс запретительного наклонения SO, так и восклицательную частицу SO/ZO;

в) по крайней мере 10 пар показателей отличаются принадлежностью к определительным или к заключительным формам, т. е. по синтаксической позиции, морфологически выраженной (ср. ARU — ARI 'есть' и др.). В связи с этим возникает вопрос, что обозначали знаки вокототэн : слог или набор слогов независимо от значения (тогда зачем два NU, два SU?) или определенную морфему или сочетание из двух-трех морфем (тогда почему один SHI, а не три-четыре — если выражать отдельно ZI, формант предположительного отрицания?). Видимо, единый принцип не был тут соблюден достаточно строго, разных знаков явно не хватило (недостает RI, ZI, MAZI). Один SURU — глагол «делать» в определительной форме, другой — показатель побудительного залога. Значит, всего различаются три пары омонимов.

Разумеется, помещение знака вверху иероглифа не означает, что он соответствует префиксу. Все обозначаемые такими знаками морфемы постпозитивны (кроме *o*-).

Вокототэн представляет собой одну из разновидностей кунтэн — знаков, указывающих на японскую интерпретацию иероглифического текста. Обнаружены рукописи, в которых красными точками помечалось окончание фразы внутри сложного предложения, и те же точки по углам иероглифа указывали его тон (по-китайски) [19, с. 429]. Еще в конце VIII в. при помощи цифр и особых значков стали указывать порядок прочтения иероглифов, если он расходился с китайским. Обозначая служебные морфемы не так, как полнозначные слова, писатели того времени тем самым проявили понимание различий между ними, с которым можно встретиться еще в памятниках эпохи Нара, где служебные морфемы писались более мелкими знаками манъёганы, чем иероглифы, фиксировавшие полнозначные слова. Особенно нуждались в специальных знаках те морфемы, которые не имели прямых соответствий в китайском тексте.

В разных памятниках не только применение, но и значение и количество самих значков вокототэн не были одинаковыми. Поэтому не представляется возможным дать одну сводную таблицу не только вокототэн, но и знаков каны эпохи Хэйан.

Что же касается записи омонимичных формантов разными слоговыми значками, то надо помнить, что последние присоединялись к разным основам (*uotapi* 'не читающий', но *uotipi* 'прочел'), так что формы в целом не были омонимичны. Но в

иероглифическом тексте, где все основы одного глагола обозначались одним и тем же иероглифом, возникала необходимость различить неодинаковые, хотя и омонимичные форманты.

ЛЕКСИКА

Книжный и разговорный язык. С введением в научный оборот большого числа памятников не только художественной, но и научной литературы изменился и взгляд на время разделения японского языка на письменный и разговорный. Если раньше считалось, что в эпоху Хэйан литературный язык был близок к разговорному и лишь в последующую эпоху (Камакура) кодификация, окостенение литературных норм при игнорировании изменений, происходивших в живой речи, привели к такому разделению, то теперь даже в литературе IX—XII вв. обнаруживают две струи, разные жанры, словарный состав которых имеет существенные отличия. Это наглядно видно на примере синонимов некитайского слоя лексики. Такие слова, как *kedashi* 'возможно', 'ибо', *ani* 'неужели', *nan-surezo* 'почему же?', *gotoshi* 'подобно' относят к словам, не употреблявшимся в обыденной речи уже тогда [19, с. 577]. Правда, они нигде не комментировались, значение их не пояснялось, из чего можно сделать вывод, что они предполагались известными если не с детства, то по крайней мере со школьной скамьи. Наличие синонимических пар типа *gotoshi* и *uau* (китаизм)+*nari* 'подобно', *shikaredomo* и *saredo* 'однако', *tagafi-ni* и *katami-ni* 'взаимно', *fusag-u* и *futag-u* 'преграждать' (первое слово во всех парах более книжного характера) говорит о стилистической дифференциации памятников [19, с. 575]. Устаревшие слова древнеяпонского языка могли удерживаться в силу традиции в определенных жанрах.

Разумеется, первопричиной лексических различий было само содержание памятников. Ясно, что тексты художественного, научного и религиозного содержания обладали во многом не совпадающими наборами слов. К тому же в словах, принадлежавших к разным частям речи, степень дифференциации по жанрам была неодинакова. Больше всего различались имена существительные. У глаголов и прилагательных таких различий меньше. В наименьшей степени стилистическая дифференциация была характерна для наречий, служебных слов и морфем [19, с. 575].

Большие различия находят в языке художественных произведений (*wabun*) и комментариев к текстам на камбуне. Впрочем, поскольку писатели и писательницы знакомились (нередко очень основательно) и с камбуном, известное влияние последнего на японские художественные произведения ощущается. Еще в VIII в. стиль «указов» (*shenn't'au*) подвергался воздей-

ствию камбуна [19, с. 576]. Даже в языке ранних художественных произведений — предисловии к «Кокинсю», в «Тоса-никки» и «Такэтори-моногатари» усматривают влияние камбуна [19, с. 576]. Лишь поэзия, испытавшая влияние народных песен, в основном свободна от иноязычного налета.

Вместе с тем следует отметить, что роли китаизмов в тексте на камбуне и в японском художественном произведении, в записках и проповедях существенно разнятся. Если в вабуне китаизм выступал как ингредиент японской лексической системы, то в камбуне он рассматривался как иностранное слово, подлежащее комментированию и переводу на японский. Комментаторы, как правило, отождествляли китайскую морфему со словом, т. е. переводили или поясняли каждый иероглиф по отдельности, в частности даже такое явное слово, как *renkoku* ‘императорская карета’, при разъяснении разбиралось по двум иероглифам, которыми оно записывалось [19, с. 576]. Нередко разные чтения приписывались справа и слева от иероглифа, т. е. комментировался сам знак, а не обозначаемая им в данном сочетании морфема.

Количественное соотношение имен и глаголов в произведениях разных стилей. Оно Сусуму произвел подсчеты употребительности разных частей речи в различных жанрах древнеяпонской и классической литературы. Оказалось, что если расположить памятники в порядке убывания имен, начиная с тех, где процент последних выше, а спрягаемых слов (глаголов и прилагательных) — ниже, то на первом месте окажется «Манъёсю», на втором — произведения в жанре эссе, на третьем — дневниковая литература, на четвертом — крупнейший роман эпохи «Гэндзи-моногатари». В частности, в «Записках у изголовья» (эссе) имен — 55 %, в «Тоса-никки» — 53, в «Такэтори-моногатари» (IX в.) — 47, в «Гэндзи» — 44 % [19, с. 579]. Это именно жанровое различие. Ведь «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон и «Сказание о Гэндзи» Мурасаки-но Сикибу создавались примерно в одно и то же время на рубеже X—XI вв. В «Такэтори», где сильна фольклорная струя, имен меньше, чем в изысканных эссе и дневниках. Обилие глаголов говорит о близости языка «Гэндзи» к разговорному.

В языке комментариев к камбунным текстам мало сложных слов, аффиксов [19, с. 580]. Если считать и китаизмы, процент имен очень высок — 73,8 % (при 18,7 % глаголов), но если взять только некитайские слова, то имен окажется 29,9 %, а глаголов — 47,4 % (по памятнику 1099 г. [19, с. 580]). Сложных глаголов, образованных при помощи *su* ‘делать’, если учесть и китаизмы, 64,3 % (из 1995), а без них — 12,6 % (из 815). В «Гэндзи» их всего 4,9 % (из 5448 глаголов) [19, с. 581].

Лексические различия в произведениях разных жанров. Общее число разных слов в «Гэндзи» — 14 688 (для одного произведения — огромное количество!), а в одном

из памятников комментаторской литературы 1099 г.—11694, хотя по общему объему он в пять раз меньше «Гэндзи» [19, с. 579]. Такое большое число разных лексем объясняется обилием китайзмов (в том числе и устаревших), которых в «Гэндзи» было еще мало. Разумеется, реализация разных точек зрения на то, что такое слово, даст различные цифры для одного и того же памятника. Но сравнительная картина будет той же при любом подходе — лишь бы все произведения анализировались с одной точки зрения.

Использовались глаголы разных спряжений, чаще всего (53,8—59,9%) 1-го, т. е. больше половины всех глаголов имело корень с согласным исходом (типа *tor-i* 'беря', *tor-u* 'беру'). На втором месте — глаголы 2-го спряжения типа *uk-u* 'получать', *u-ke* 'получая', *uk-u-r-u* 'получающий' (24,9—33,1%). Встречаемость в тексте (при учете всех случаев словоупотребления) отличается не намного (далее в скобках). Например, в «Исэ-моногатари», по исследованию Кодзами Рикидзо, глаголов 1-го спряжения 55,7 (55,3%), 2-го (типа *uki/uke*) — 24,9 (17%), 3-го (типа *mit-u/mit-i* 'наполняться') — 4,2 (2,6%), 4-го (типа *mi-r-u/mi* 'видеть') — 2,8 (4,7%) и т. д. [19, с. 581].

Известный историк японского языка Мабути Кадзуо считает недостатком иностранных японистов (в том числе и автора настоящего очерка) понимание японского языка как единого целого. Японские же лингвисты воспринимают его дифференцированно в зависимости от эпохи, местности (*chiiki*, т. е. по диалектам?) и жанра [11, с. 5]. Действительно, в плане истории литературного языка различия по *iso*: надо принимать во внимание. В словаре Симмура этот термин tolкуется как «различия в языке, возникающие из различий по местности, профессии, полу, возрасту, классу говорящего или же как различия между письменным и разговорным языком». Цукисима имеет в виду именно последние, когда отмечает, что язык комментариев к камбуну и язык японской литературы (*wabingo*) были крайними полюсами по жанровым особенностям в лексике. Были случаи отличий и в грамматике. Так, в комментариях отдавалось предпочтение побудительному залогу на *-shimu*, а в вабуне — на *-su/sasu*; стилистически различались определительные формы отрицательного наклонения на *-zaru* и на *-ni*, условные основы на *-zare* и на *-ne*.

Лексические различия между языком комментариев и художественной литературы иллюстрируются следующими примерами (строчными курсивными буквами даются лексемы, используемые в комментаторской литературе).

Союзы: *karu-ga uiche-ni*, *kare*, *koko-wo mote*, *kono uiche-ni*, *kore-ni yorite*, *kore-wo mote*, *shikaraba*, *uiche-ni*, *uiche-wo mote* — SAREBA 'ибо'; *shikaru-ni*, *shikaru-wo* — SAREDO, SA-FA AREDO 'однако'; *shikau-shite* — SATE 'итак'.

Разъяснительные наречия: *afete* — Е (...ZU) '[не]

возможно'; *ani* — NADO 'неужели?'; *imada* — MADA 'еще'; *iwamti-ya* — MASA-NI (...MU-YA) 'наверно'; *katute* — TUYU (...ZU) 'никогда'; *negawaku-fa* — IKA-DE 'о, если бы', 'желательно'.

Наречия меры: *fobo* — OFOKATA 'по всей вероятности', *masumasu* — ITODO, IYOIYO 'все более и более'; *sukoburu*, *fanafada* — IMIJKU, ITAKU, ITO 'очень'.

Наречия состояния: *arakajime* — KANETE 'заранее'; *arui-fa* — ARU-FA 'или', 'возможно'; *imashi* — IMA 'теперь'; *komogomo* — KATAMI-NI 'взаимно'; *kotogotoku* — SUBETE 'все'; *mama* — TOKIDOKI 'время от времени'; *ma-no atari* — TADA-NI 'даром'; *midari-ni* — MIDARI-GAFASHIKU 'как попало', 'без разрешения'; *moshiku-fa* — MOSHI-FA 'если же'; *shibaraku* — SHIBASHI, TOBAKARI 'некоторое время'; *shikiri-ni* — SHIBASHIBA 'часто'; *sude-ni* — FAYAU 'уже'; *tagafi-ni* — KATAMI-NI 'взаимно'; *tamatama* — TAMASAKA-NI 'редко'; *tayasuku* — TAFA-YASUKU 'легко'; *tuto-ni* — FAYAKU 'рано утром'; *yauyaku* — YAUYAU 'наконец'; *yoriyori* — TOKIDOKI 'время от времени'.

Основы так называемых именных прилагательных (*keiyodo:shi*): *fisoka* — SHINOBI-NI, SHINOBITE, SHINOBIYAKA-NI 'тайком'; *irukashe* — NAFOZARI 'пренебрегаемый'; *odafika* — ODASHI 'тихий', 'спокойный' (совр. *odayaka*); *ogosaka* — IKA-MESHI 'величественный', 'строгий'; *sukoshiki* — SUKOSHI, WADUKA 'немного'; *sumiyaka* — FAYASHI, TOSHI 'быстрый'.

Глаголы: *atawazu* — E...ZU 'не мочь'; *ikidoforu* — MUTUKARU 'раздражаться'; *ikofu* — YASUMU 'отдыхать'; *inu* — NU 'спать'; *imasu* — OFASU 'изволить быть'; *isofu* — KIFOFU 'соперничать'; *kaku* 'недостает' — NASHI 'нет'; *kauburu* — KADUKU 'надевать (на голову)'; *kitaru* — KU 'приходить'; *kitasu* — KOSASU 'приводить'; *kofi-negafu* — NEGAFU 'просить'; *kurushibu* — KURUSHIGARU 'страдать'; *majifaru* — MAJIRU, MAJIRAFU 'смешиваться'; *majifu* — MAZU (совр. *mazergu*) 'смешивать'; *osoru* — ODU 'бояться'; *oyobi* — ITARU 'достигать'; *saduku* — TAMAFU, TAMAFASU 'пожаловать (дарить)'; *saigiru* — FEDATU 'преграждать'; *saku* — YARU 'рвать (на куски)'; *shirizoku* — SHIZOKU 'отступать'; *sonafu* — MAUKU 'устрить'; *tatafu* — FOMU 'хвалить'; *turanaru* — NARABU 'становиться в ряд'; *utu* — AKU 'надоедать'.

Прилагательные: *fanafadashi* — IMIJI 'чрезвычайный', 'ужасный'; *isagiyoshi* — KIYORA-NARI, URUFASHI 'прекрасный'; *isogafashi* — ISOGASHI ' занятой'; *kamabisushi* — KASHIKAMASHI 'громкий'.

Имена: *kafi-go* — KAFI 'яйцо'; *katana*, *turugi* — TATI 'меч'; *kaibe* — KASHIRA, MIGUSHI 'голова'; *kumo* — SASAGANI 'паук'; *manako* — ME 'глаз'; *suna* — ISAGO 'песок'; *tomogara* — FITOBITO 'люди'; *wofuto* 'муж' — WOTOKO 'муж', 'мужчина'; *yubi* — OYABI 'палец' [19, с. 583—584].

Некоторые из «разговорных» слов (такие, как FAYAKU 'быстро', 'рано', FITOBITO 'люди', FOMU 'хвалить', MAUKU 'устраивать', NARABU 'становиться в ряд', NASHI 'нет') проникают в какой-то мере и вcommentаторскую литературу (*kun-doku*). С другой стороны, ряд слов, характерных для письменного языка, встречается почти во всей «литературе на вабуне» за исключением небольшого числа дневников на катакане [19, с. 584]. Но в общем-то число чисто разговорных слов в письменном языке крайне невелико. Они попадаются лишь в отдельных памятниках, в частности первого и среднего периодов эпохи Хэйан.

Важно подчеркнуть, что речь идет о дифференциации по стилям в некитайском слое лексики. Такие синонимические ряды говорят о богатстве словарного состава, много вековой фольклорной традиции. Многие книжные элементы или вовсе исчезли впоследствии, или остаются и сегодня как ингредиенты книжного языка (например, *gotoshi*). Однако едва ли не чаще сохраняются оба элемента: *katana* 'нож' и *tati* 'меч', *moshi* 'если' и *kedashi* 'возможно', *otto* 'муж' и *otoko* 'мужчина', *manako* 'зрачок' и *te* 'глаз', *suna* 'песок' и *isago* 'гравий' (*manako* в значении 'глаз' удерживается в восточных диалектах). Как видно, в подобных случаях происходит известная семантическая дифференциация. Есть и случаи сохранения «письменных» лексем при исчезновении «разговорных» (в национальном языке): *agiiwa* 'или', *koto* 'паук', *shirizoku* 'отступать', *yubi* 'палец'. Видимо, это могло зависеть и от диалектной принадлежности слов.

Разумеется, за тысячу лет могли выйти из употребления и оба члена пары. Так, 'яйцо' теперь называется *tamago*, 'голова'— *atama* (*kashira* 'атаман'), ряд прилагательных вытеснен китайскими.

Цукисима ставит вопрос о том, почему в commentаторской литературе сохранилась только часть древнеяпонской лексики и грамматических формантов. Например, показатели негативных наклонений *-ni/-ne*, *na... -so*, *ue...gi* были и в древности, сохранялись в художественной литературе эпохи Хэйан. В ее начале, хотя и нечасто, они встречаются и во многих комментариях к китайским классикам [19, с. 585] как дань традиции. Но с серединой эпохи за каждым иероглифом закрепился уже определенный *кун* (японское соответствие). Иероглиф со значением отрицания читался *-zaru*, *-zare* или же *nakare* (запрещение), со значением 'невозможно'—... *koto uegi*, а синонимичные им *ni/ne* избегались.

Вообще-то специфическая лексика commentаторской литературы древнее лексики художественной, но бывает и наоборот. Некоторые фонетические изменения проникают и в комментарии, тогда как поэзия чурается их [19, с. 586]. Различия между *sakan* и SAKARI 'расцвет', *yayaMUsureba* и YAYAMOSUREBA

'то и дело', *kotoMUnashi* и KOTO-MO NASHI 'не бывает', *naMuDa* и NAMITA 'слезы' имели стилистическое значение [19, с. 585].

Однако такое явление, как выпадение *-k-* в форманте наречий *-ki*, возникает с середины эпохи Хэйан. Поэтому комментаторы, стиль которых к этому времени устанавливается, не приемлют его как новшество.

По сравнению с комментариями в художественной литературе было гораздо больше аффиксов, особенно в «Гэндзи». И в этом случае незыблемость способов перевода с китайского в ущерб важным нюансам вела к известному обеднению грамматического строя в комментариях. В собственно японской литературе, напротив, наблюдается большое богатство формальных средств — как суффиксов, так и префиксов. Однако, судя по памятникам, отмечаяшим ударения, они были менее связаны с корнем, чем позже [19, с. 588].

Роль заимствований. Язык комментаторской литературы сильно отличается от вабуна обилием китаизмов. В самом вабуне канго еще немного: в «Такэтори» 90 из 1500 слов (т. е. 7%), в «Исэ» 93 из 1492 слов (т. е. 6,2%), в «Тоса-никики» 36 из 909 слов (т. е. 4%), в прозаических частях антологии «Кокинвакасю» 107 из 948 слов (т. е. 11,3%). Но в «Гэндзи» уже 1888 из 14 967 слов (т. е. 12,6%). Сюда включены и неологизмы — сложные слова, составленные автором как из китайских, так и из японских корней в сочетании с китайскими [19, с. 588].

В «Тоса» есть такие слова, как KAIZOKU 'пираты', TEIKE/TEKE 'погода' (ныне *tenki*), ZENI ' деньги', NIKI 'дневник', MOJI 'иероглиф', 'буква', TIUJAU 'чин', где заметна некоторая фонетическая адаптация канго с одной стороны (добавление гласного, упрощение сочетаний одинаковых согласных), и новые для японского языка явления (дифтонги) — с другой. Есть случаи морфологической адаптации, например SHI-SU 'умирать', TONI-NI 'вдруг', когда японские служебные морфемы превращают китайский корень в глагол и наречие соответственно [19, с. 589]. Особенno много таких случаев в «Гэндзи», где, в частности, к удвоенному корню канго нередко присоединяется SHI для превращения его в прилагательное: ZAEZAESHI 'талантливый'. Ср. примеры, иллюстрирующие присоединение других японских суффиксов к канго: DAIJIN-TATI 'министры', DAIJI-DOMO 'важные дела', SAU-GATI 'травы', TIUJAU-DATU 'выглядеть как генерал' [19, с. 590]. SAUZOKU 'наряжаться' (совр. *sho:zoku* 'наряд') — пример понимания имени на *-u* как глагола 1-го спряжения, SHIFUNE-SHI 'упорный' из имени SHIFUNE (ныне *shu:nen*) + SHI. Характерно, что в комментаторской литературе подобных примеров адаптации заимствований нет.

Крупный памятник художественной литературы «Кондзяку-моногатари» в первой своей части состоит из новелл, созданных под влиянием прототипов индийского и китайского происхож-

дения; действие новелл второй части происходит в Японии, здесь все (и реалии и язык) ближе к вабуну. Тома с 1-го по 20-й писались под воздействием камбунных оригиналов и комментаторского языка, что сказалось и на подборе китаизмов, а тома с 22-го по 31-й развивали тенденции вабуна [19, с. 591]. Цукисима сравнил первую новеллу 1-го тома с новеллой 22-го тома. Употребительность китаизмов в последней оказалась втрое меньшей (51 слово, 85 примеров в первой новелле и 34 слова, 54 примера во второй, по объему вдвое большей). Из этих 51 китаизма в «Гэндзи» обнаружено только 9, а из 34 — 17. Это значит, что канго второй части памятника ближе к разговорному языку, стали его компонентом.

Словари, появившиеся в эпоху Хэйан. Одним из важнейших источников для изучения лексики эпохи Хэйан являются словари, составленные в то время. Таковы «Зерцало вновь подобранных иероглифов» (*Shinshenjik'au*), составленный в конце IX — начале X в., и «*Dushōteufonruijumeigishei*», написанный предположительно в начале XII в. Это иероглифические словари (иероглифы в них расположены по ключам). В основном комментируется каждый знак, но редупликации отмечаются особо. Впрочем, приводятся и некоторые двухморфные слова (под названием *renji*). Во втором словаре много канго из буддийской терминологии, есть даже тибетские и индийские географические названия.

Словарь «*Wam'auguijushei*», составленный в 931—938 гг., тематический, предметный. Японское чтение дается манъёганой. Однако его наличие не означает еще, что слово обязательно употребляется только как калька. Например, одно и то же сочетание знаков читается как *akafosi* 'яркая звезда', а в другом памятнике как *t'aijau* [19, с. 593]. Поскольку автор исходил из названий предметов, в словаре немало двухморфных слов.

В отличие от этих словарей, которые можно считать китайско-японскими, словарь XII в. «*Igojajiruishei*» предназначен не для тех, кто хочет научиться читать неизвестные иероглифы, а для тех, кто хочет научиться писать известные им слова. Слова в словаре расположены в порядке алфавита по первой букве. Далее, каждый из 47 разделов подразделяется еще на 21 раздел по значениям: названия животных, названия растений и т. п. Затем есть еще подраздел «важные пункты», например *ii* URUFASHI 'красивый', *in-in* (пояснение иероглифами: скрип телеги — звук), SAKARI-NARI 'цветущий'; «сочетающиеся знаки», например KUMORU FARU ('облачно', 'ясно' — глаголы), *iMUshei* (то же. в китайском чтении) [19, с. 594].

Буддийской терминологии в этом словаре сравнительно мало, но больше, чем в «Гэндзи». Если не считать собственных имен, то из 29 китаизмов новеллы второй части «Кондзяку» в этот словарь включено 20. Сплошные подсчеты лексики в словарях еще дело будущего, однако можно считать, что в этом словаре

помещено много общеупотребительных слов того времени [19, с. 595].

Что касается различий по диалектам, то, хотя они, несомненно, существовали (в «Восточных песнях», помещенных в «Кокинсю», есть несколько диалектизмов), «положение с противопоставлением диалектов в эпоху Хэйан остается почти совсем неясным» [19, с. 596]. Видимо, и в области лексики ведущий столичный диалект вытеснил диалектизмы из литературного языка.

Об именах собственных. Что касается собственных имен людей, то общую их употребительность в текстах можно считать сравнительно низкой. В стихах имена не применялись вовсе. Жена хозяина дома называлась *kita-po kata* букв. 'северные покой', в текстах от автора нередко *wonnagimi* 'барыня' (при *wotokogimi* 'барин'). Дочери: старшая — *ofo gimi* 'большая госпожа', вторая дочь — *nakagimi* 'средняя госпожа', третья — *san-no kimi* 'третья госпожа', четвертая — *shi-no kimi* 'четвертая госпожа' и т. д. Нельзя считать настоящими именами и такие: *tara* 'старший сын' (букв. 'большой парень'), *jirau* 'второй сын' (букв. 'следующий парень'), *sabura* 'третий сын', так как они могли быть даны не любому, а лишь вполне определенному (по старшинству) сыну. Как только сыновья получали какое-либо звание, их начинали называть по званию, не только в диалогах, но и в авторской речи. Зато мужчина — глава семейства — мог называть себя по имени (а не личным местоимением) вежливой речи: *Tadayori*, *Mitiyori* (О, с. 186). Это звучало скромно.

О словообразовании. Характерной особенностью словообразования эпохи Хэйан было превращение сложного имени, состоявшего из соединительной основы глагола + *goto* (субстантивизатор), снова в глагол. При этом конечное -*o* менялось на -*i* (или 'другой гласный в зависимости от синтаксической позиции нового глагола'): «...» *to kikoyegotu fitobito mo wokashi* (S, 104) 'Интересно, что [были] и дамы, которые говорили: «...»; *Yo-wo maturigotamu ni mo...* (G, с. 353) 'И когда будет управлять страной...'; *Utikaferigotitamafite* (G, с. 380) 'Соизволив вернуться...'. По аналогии с соединительной основой на -*i* от глаголов 1-го спряжения некоторые имена на -*i+goto* также превращались в глагол: ... *to utifitorigoite* (G, с. 319) 'Сказав себе...' (от *fitori* 'один человек'); ... *nado shiriugotite...* (G, с. 1511) 'Злословия за глаза, говоря... и т. п.'.

ГРАММАТИКА

Грамматика японского языка эпохи Хэйан нередко отождествляется с грамматикой старописьменного языка (бунго). Однако в последней есть и элементы, развившиеся позже (например,

суффикс желательного наклонения *-tashi/-taki*, в эпоху Хэйан еще редкий). Есть и формы, дополнившие парадигмы по аналогии (например, связка *tari* в памятниках не имеет всех форм, канонизированных в бунго). Сведения о грамматике языка IX в. далеко не полны, так как художественных произведений от этого времени осталось мало. С привлечением в последние годы языка комментаторской литературы как объекта лингвистического исследования выяснилось, что в IX в. сохранялось больше, чем можно было ожидать, элементов языка VIII в. [19, с. 439]. В язык художественной литературы середины и конца эпохи ряд этих граммем не попал. Есть и граммемы вабуна, которых нет в комментаторском языке. Однако часть элементов письменного языка оживает в XIII—XIV вв. в военных эпических произведениях и «псевдоклассической литературе», например *gotoshi* 'подобный', форма *tari* и т. п., хотя в вабуне эпохи Хэйан они крайне редки. Таким образом, оказывается, что их авторы находились под влиянием письменного языка предшествующей эпохи.

МЕСТОИМЕНИЯ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

1-е лицо. Как установил еще Ямада Ёсио, основными словами, указывающими на 1-е лицо, в эту эпоху были *ware* и *wa*. Распространенные ранее *are* и *a* редки, воспринимаются как пережиточные. К тому же встречаются они лишь в определенных сложных словах или словосочетаниях, т. е. в лексикализовавшихся комплексах: *ako* 'мое дитя', *aga fotoke* (букв. 'мой Будда') 'боже мой!'; *aga kimi* 'мой господин', *aga-otomo* (букв. 'моя подружка') — ласковое обращение к женщине, состоящей при дворе; *are ka fito ka* 'я или другой?'; *are-nimo arazu* 'и у меня нет'. Но и подобных примеров в «Исэ», «Тоса», «Дневнике Мурасаки-но Сикибу» и ряде других памятников нет ни одного. В «Гэндзи» *aga* встречается четыре раза, *are* — пять раз.

Этимологически *are* обнаруживается в сложном слове *yatikare* (<*yatuko* 'раб' + *are* 'я') 'я', которое употреблялось в комментаторской литературе. Очень часто в «Нихон-сёки» оно указывается как японское чтение к целому ряду иероглифов.

Wa в VIII в. наряду с *a* выступало и как подлежащее (*wa-pa*), и как прямое дополнение (*wa-wo*) и т. п., но в эпоху Хэйан таких примеров уже нет. *Wa* употребляется преимущественно в притяжательном падеже (*waga* 'мой'): *waga-mi-fa* (G) 'мое тело' > 'я'; изредка в роли подлежащего: *waga kaku fito-ni* (G) 'тому, кому я пишу'. Входит оно также в состав ряда сложных

слов: *waife* (<*wa* 'я' + *ife* 'дом') — *waife-fa tobarit'au*-шото *ta-retaru wo* (Ts, с. 442) 'Я (=в моем доме) опустил занавеску'; *Kuni zo sakayemt ya, waifera zo tomishen ya* (там же) 'Лишь бы страна процветала, [тогда и] мы (=наши дома) будем богатеть'; *wanami* (<*wana*+*mi* 'тело' или <*wa* 'я' + *nami* 'среднее', 'обычное') 'я' встречается только в комментаторской литературе; там же находят и *wakimi* (<*wa*+*kimi* 'господин').

Скромным местоимением 1-го лица было *onore*: *Onore mo sa nami otomu* (Ya, с. 62) 'И я тоже так думаю'; *Onore-ga ariji-nite ofashimashituru fito...* (Kon XXIX, с. 18). 'Женщина, которая была моей хозяйкой'; *Sono oitaru fofushi-fa onorera-ga titi-ni faberi* (Kon XXIX, с. 17). 'Этот пожилой монах — наш отец' (воины — настоятелю).

Но то же слово употреблялось и в качестве возвратного местоимения: *Onorera-ga shauzoku-woba tada toki-ni tokitu* (Kon XXIX, с. 15). 'Свои одежды [они] поснимали'. Нередко в качестве возвратного встречалось и *waga*, *ware*: *Ware-nimo aramu keshiki-shite tateri* (Kon XXIX, с. 15) '[Он] стоял сам не свой' (уличенный в воровстве).

Только в вабуне и в поэзии употреблялись *maro*, *marora*, *nanigashi*, *midukara* ('сам'): *Taka-no ko-fa maro-ni tabaramu* (Ts, с. 443) 'А соколенка мне пожалуют'; *Nanigashi-ga-wo yobubeki fodo naraneba* (G). 'Если не дойдет до того, что меня должны будут позвать...'; *Kashikoki ofoshegoto-wo tabitabi uketamafarinagara, midukara-fa ye-nan-omoitamatetatu-majiki* (G). 'Хотя я часто слышу умные рассуждения, но сам вряд ли смогу так мыслить'.

В значении 1-го лица множественного числа употреблялось *warera*: часто — в комментаторской литературе, редко — в вабуне [19, с. 443]. 'Мы' означало и сложное образование *waga tomogara/wareraga tomogara* (букв. 'мои/наши друзья'). Монахи при обращении к высшему/старшему называли себя скромно *deshi* 'ученик': *Deshi bet-ni shinjau-wo tatematuregi* 'Я преподнес подарок особо' (1099 г.).

Наконец, говорящий мог называть себя по имени. В памятниках нередки выражения вроде *Shin* (*yatuko*:) *Mitinaga ifu* [19, с. 443] — '[Я] вассал Митинага говорю', которые также расцениваются как скромные при обращении к высшим.

2-е лицо. Старинные *na*, *nare* 'ты' удерживаются только в поэзии; в комментаторской литературе и даже в вабуне их уже нет. *Namudi* и *kimidi* для вабуна необычны (в «Гэндзи» их нет): *Nanji-ga motite faberu Kaguufime tatemature* (T) 'Дайте [мне в жены] Кагуяфимэ, которая у вас есть'; *Ikani omofite ka nanjira kataki mono to mawosubeki* (T) 'Подумайте, ведь Вы можете сказать жестоко'; *Namuti nani-no mototuri tokor, ka (ga) aru* (Ts, с. 445) 'А ты что ищешь?' (1050 г.); *Namutira urefuru koto nakare ya* 'Вы (мн. ч.) не печальтесь!' (1102 г.).

В комментариях со значением «вы» применялось и *namudati* (<*namudi+tati*): *Namutati nani fito zo* 'А вы что за люди?' (1116 г.).

Хотя первый слог в *namuti/namudi*, несомненно, восходит к древнему *na* 'ты', общая этимология этого сложного слова не вполне ясна, так как роль знака MU в ту эпоху была неоднозначной. Были и варианты написания этого местоимения: *NAUTI* (1050 г.); озвончение нередко не указывалось.

Нечасто встречались следующие слова:

nushi (букв. 'хозяин'): *Nushi-fa idoko-fe zo* (Коп XXIX, 23) 'Ты куда?' (средняя степень вежливости, обращение к равному);

wanushi (Коп XXIX, 6) 'ты' (дружелюбное обращение городских простолюдинов к слуге из деревни);

wawotoko (там же) 'ты' (обращение господина к крепостному слуге, от *wotoko* 'мужчина');

waotomo 'ты' (обращение крестьянки к подруге): *Sate kori yo*, *waotomo* (Коп XXIX, 35) 'Вот тебе наука!'; *Waotomo-no ko-fa...* (там же) 'А твой ребенок...';

wawin 'вы': *Sono fodo-fa wawin-fa yasumite witare* (Коп XXIX, 17) 'А в это время вы отдыхайте!' (настоятель — вежливо монаху преклонных лет). Комментатор приравнивает это слово к *wasou* и *wagobau*, также вежливым обращениям только к духовным лицам.

В значении местоимений 2-го лица применялись и указательные местоимения: *Kare-fa nado naku zo* (Коп XXIX, 39) 'Ты отчего плачешь?' (воин — девочке-служанке).

Создается впечатление, что в эпоху Хэйан не было местоимений, выражавших высокую степень вежливости. Собеседника предпочитают называть по имени, по званию, термином родства. В вабуне редко указывали на собеседника непосредственно местоимением [19, с. 444]. В роли личных употреблялись пространственные местоимения 2-го плана *soko* (букв. 'там', 'то место') и *soko-moto*, но также не часто; *Soko-ni-koso ofoku tudofetamafurame* (G) 'Именно у вас соберемся в большом числе; *Sokotati-fa saritomo ito kakare to shimo omofarezariken* (G) 'Вы (мн. ч.) все же, наверное, не могли думать: «Пусть это будет так!».

Mashi 'ты' встречалось редко (в «Гэндзи» — один раз).

3-е лицо. Местоимения 3-го лица были еще мало развиты. В значении 'он', 'она' употреблялись *kare* и *kano fito* (букв. ' тот человек'): *Kare-fa fito-no yurushi-kikoyezarishi ni onkokorozashi ayaniku narishi zo kashi* (G) 'Он ужасно рассердился на то, что люди (это) не разрешили'; *Mashite·kano fito-no omofuran kokoro-no uti ika narami to kokorogurushiku omofiyaritamafu* (G) 'С тем большим огорчением [я] думаю о том, как он, наверное, переживает в глубине души'; *Tayasuku kare-ga-wo musubaba* (Ts, с. 446) 'Если их легко связать...' (1136 г.).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

1-й план

<i>kore</i>	<i>koko</i>	<i>kono</i>	<i>ko-fa*</i>	—	<i>koya*</i>	<i>konata*</i> ³
'это'	'здесь'	'этот'	'это'		'это'	'тут'

2-й план

<i>sore</i>	<i>soko</i> ⁴	<i>sono</i>	<i>so-fa*</i>	—	<i>so-ga</i> —	<i>sonata so-mo*</i>
'то'	'там'	'тот'	'то'			'там'

3-й план

<i>kare</i>	<i>kashiko</i> —	<i>ka-fa**</i>	<i>ka</i> —	<i>kaya*</i>	<i>kanata*</i>
'вон то'	'вон там'	'вон то'		'вон то'	'вон там'

После исчезновения *a/are* как местоимения 1-го лица возникает новый ряд указательных местоимений 3-го плана: *are** 'вон то', *ashiko** 'там', *ano** 'тот', *a-fa*** 'то', *anata** 'там'.

Только в вабуне встречаются *koko*, *soko*, *kashiko* в роли личных местоимений 1, 2 и 3-го лица соответственно. *So-mo* 'и то' использовалось только в вабуне, но редупликация *somosomo* в союзном значении 'ну', 'итак' встречается и в комментариях.

Указательные местоимения 3-го плана на *a-* появляются в эпоху Хэйан: *ano* — в «Такэтори», *anata* — в «Исэ», «Кокинсю».

Ka-fa, *a-fa*, *ko-ya* встречаются только в стихах: *Ka-fa to mite...* 'Увидев — вон они...' ; *Kogishē-potī a-fa to miyetutu...* 'Только верхушка дерева виднеется — вон она...' ; *Ko-ya yo-no fito-no madōfu tefu yami* (Ts, с. 447) 'Вот сумрак, в котором блуждают люди этого мира'. *Fa* и *ya* здесь частицы эмоционального характера.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Японские лингвисты чаще называют их неопределенными (*futeisho:*), поскольку они не указывают на определенное лицо или план.

В значениях 'кто?' употреблялись *ta*, *tare*. Но формы *ta-ga* 'чей?' и *ta-so* 'кто же?' свойственны только вабуну (в кунтэне находим только *tare-ga* и *tare-so*): *Are-fa ta so* (G) 'Он кто?' (= 'Кто там?'); *Ta-ga narafashi-kikoyetaru zo* (G) 'Кто же научил [его]?' ; 1113 г.: *Ogi mono-fa nani fito so, kiri mono-fa tare s* (Ts, с. 446) 'Те, кто ткут,— что за люди? А те, кто носят,— кто?' Характерно отсутствие связки при наличии *so*.

Употреблялись также *nani* 'что?', *iduko* 'где?', *iduku* 'куда?', *id ure* 'который? (из)'.

Слова *itu* 'когда?', *iduti* 'куда?' (Ts, с. 446) считают новыми для той эпохи.

³ Одной звездочкой отмечены слова, употреблявшиеся только в вабуне, двумя — поэтические [19, с. 446—447].

Только в вавуне вопросительные местоимения могли обходиться без вопросительной частицы (*ka* и т. п.) в том же предложении (Ts, с. 447). *Itu* 'когда' в кунтэнне не употреблялось, там было только *idure-no toki* 'в какое время?'.

В поэзии *nani*, *idure* могли применять и без частиц: *Faru-gasumi nani kakusuramu* (К) 'Что же скрывают весенние туманы?'; *Namita-no taki to idure takaken* 'Какой же из водопадов слез окажется выше?' Но в кунтэнне они обычно сопровождаются частицами *ka*, *ni*, *nika*, *zo*, *nizo*: *Iduku-nika ofoku-no ta fu-wo tukuru ya* (Ts, с. 448) 'Где строят множество пагод?' (1000 г.); *Wazafafi, idure-ka kore-yori ofoki narami* 'Какое же страдание окажется больше этого?' (1073 г.).

В *ni* происходит выпадение *i*. Наряду с *nanzo* встречаем и *nanzo*, наряду с *idukunizo* — *idukunzo*.

Iduku, *iduko* указывали на место, но в комментариях использовались и в качестве вопроса о причине. С середины эпохи Хэйан *zo* вытесняется частицей *ka* в позиции после вопросительных местоимений [Ts, с. 449], кроме определенных слов. Так, в комментариях на место указывают *idukunika*, *idukonika*, а *idikun[i]zo*, *idukon[i]zo* употребляются только в вопросах о причине.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СКЛОНЕНИЕ

Наиболее существенным видоизменением имен в потоке речи является снабжение их суффиксами — показателями синтаксической позиции. В тех случаях, когда функция имени очевидна, подлежащее и прямое дополнение могут не иметь соответствующего оформления (ср. «закон экономии суффиксов» Г. П. Мельникова). Имена могут снабжаться частицами, при наличии которых вероятность опущения падежного суффикса повышается. Наконец, существует правило «групповой суффиксации» (частный случай проявления «закона экономии суффиксов»), по которому при наличии однородных именных членов предложения указатель падежа имеется только при последнем из них. Сами однородные члены разделяются союзами (например, *to* при полном перечислении или *ya* — при неполном), или паузами, и же тем и другим. Имя от падежного суффикса паузой не 'делялось' — это видно из стихов, где место пауз строго фиксировано (синтагмы имеют по 5—7 слов):

Mina fito-fa
Fana-no koromo-ni
Narinu nari

'Все люди
Цветастые одежды
Надели (букв. одеждами стали)'.

Momodiba-fa
Tada wabibito-no
Tamoto narikeri

'[Мокрые] листья кленов
Совсем как одинокого человека
Рукава стали';

<i>Fudikoromo</i>	'Грубой одежды
<i>Fatuturu ito-fa</i>	Обтрепанные нити
<i>Wabibito-no</i>	Однокого человека
<i>Namida-no tama-no</i>	[Из] капель слез
<i>Wo-to zo narikera</i>	Ожерельем кажутся';
<i>Asagiri-no</i>	'В утра тумане
<i>Okute-no yamada</i>	Дальнее горное поле...
<i>Karisome-ni</i>	Тут ненадолго
<i>Ukiyo-no naka-sho</i>	Бренного мира щету
<i>Omofinuru kana</i>	Довелось мне осознать'.

Даже из этих небольших отрывков из шестнадцатой части антологии «Кокинсю» (примеры взяты почти подряд) видно, что большая часть именных членов предложения даже в поэзии получает оформление. Ни постпозитивные частицы, ни падежные суффиксы не могут начинать собой синтагму, т. е. неотделимы от имени паузой. За падежным или обстоятельственным формантом (*ni*) может следовать частица (*to* 'и', 'также' и т. п.), которая также входит в состав данного члена предложения:

<i>Midu-no [o] to-ni</i>	'На глади вод
<i>Shiduku fana-no[i]ro</i>	Отражающиеся цвета цветов
<i>Sayaka-nimo</i>	Ярки. [Так и]
<i>Kimi-ga mikage-no</i>	Твой облик
<i>Omofoyuru kana</i>	Вспоминается [мне].

В приведенных трех стихах и двух отрывках показатель родительного падежа *-po* встретился 10 раз. В девяти случаях он оформляет определение, представляющее собой название предмета (реже — лица или абстрактного понятия), и только один раз — подлежащее восклицательного предложения (*mikage-po* 'облика'). Почти синонимичное ему *-ga* встретилось только один раз (после местоимения). Один раз определение осталось неоформленным (*fudigoromo* 'грубая одежда'). К полусвязке *nari* 'становиться чем' имеются три разнооформленных дополнения: с показателем дательного падежа (*-ni*), с показателем совместного падежа (*-to*+восклицательное *zo*) и вовсе лишенное оформления (*tamoto* 'рукав'). Подлежащее три раза оформляется выделительным *-wa*, один раз — *-po* и один раз остается неоформленным. Таким образом, у авторов был известный выбор грамматических средств, хотя диапазон их и не был широк.

В целом система падежей по сравнению с VIII в. претерпела некоторые изменения.

1. Число неоформленных именных членов предложения сократилось. [Именную часть сказуемого при связках *-nari* и *-tari* нельзя считать неоформленной, так как суффиксы дательного предикативного и совместного предикативного (*-ni* и *-to*) входят в состав этих связок этимологически].

2. Из четырех вариантов исходно-сравнительного падежа (*-ui*, *-yuri*, *-yo*, *-yori*) остался только один — *-yori*.

3. Сложившийся в ДЯЯ новый суффикс направительного па-

дежа *-fe* (из *re* 'место', 'направление') получил распространение, но только в вабуне (в кунтэне он «почти не употреблялся» [19, с. 549]).

4. Форманты определения *-tu* и *-na* утратили остатки способности выступать в свободных словосочетаниях и сохранились лишь в немногих сложных словах: *aki-tu-kata* 'осенняя пора', *ama-tu-sora* 'небо', *oki-tu-shiranami* 'океанские белые волны', *ta-na-gokoro* 'ладонь' (букв. 'руки сердце'), т. е. окончательно выпали из парадигмы спряжения.

5. Суффикс притяжательного падежа *-ga*, грамматическое отличие которого от *-no* пытались определить многие ученые, раздвоился функционально: в ряде случаев он стал указывать не только на подлежащее в определительном предложении (наряду с *-no*), но и на подлежащее в главном, тем самым превращаясь в формант «нового» (именительного) падежа с логическим ударением на подлежащем; при ответе на вопрос «Кто это сделал?» в русском языке это значение выражается обратным порядком слов: *Это сделал он*. Таким образом, подлежащее-рема стало в основном оформляться формантом *-ga*, а подлежащее-тема — формантом *-fa*. Даже перечисление только главных изменений показывает, что отличия классического языка от ДЯЯ в системе склонения были немалыми.

Родительный падеж (суффикс *-no*). Родительный падеж является самым употребительным. Наряду с *-ga* его показатель может оформлять определение к имени (именное, квазиименное). *-No* после глагола-определения (типа *fana-wō miru-no ki* 'Запись о том, как любуются цветами') вошло в употребление позднее эпохи Муромати (XV—XVI вв.) [19, с. 549]. Пример из памятника 1050 г. *gasshen-suru-no yoshi* 'причина того, что сражаются' скорее является контаминацией *gasshen-suru yoshi* (букв. 'сражаются причина') и *gasshen-no yoshi* ('сражения причина').

Однако (вероятно, не без влияния китайской определительной конструкции на *-ды*) перед именем со значением желания, чувства *-no* после глагола было возможно: *Waga-wō yudzūtamu-no onkokoro tukite ...* (О, с. 208) 'Приняв решение передать [ему] свое [звание]...'; *Fito-ni anadurarejī-no kōkuro-nite kos ...* (Г, с. 1905) 'Горя желанием не быть осмеянным людьми...'; *Wonnagimi-fa mi-yusuru no fudō-narikeri* (Г, с. 1908) 'Оказалось, что госпожа как раз мыла голову'.

В ряде случаев *-no* имеет значение 'подобно, словно, как будто', идущее из ДЯЯ. Такое употребление свойственно языку художественной литературы с его образами, сравнениями: *Rei-no mituka-fe ya mawiritamafu* (Кон XXXI, 27). 'Как всегда пойдете ли [вы] на могилу отца?'; *Watatumii-no fukaki kōkuro-wō Kimi-ni miru kana* (Тоса, 27/XII) 'Вижу у тебя чувства глубокие, как море!'; *Sode-ni minato-no | Safagu kana* (Иши, 26) 'В рукавах волнение как в гавани!'.

Отсутствие относительных прилагательных в ЯЯ компенсируется использованием родительного падежа имени для обозначения признака определяемого, а не только для принадлежности: *kara-no kamidomo* (G, с. 379) 'китайские бумаги' (по месту изготовления, а не по принадлежности).

Определением на -*по* может быть и наречие, в том числе и деепричастного происхождения:

<i>Afimizute</i>	(букв. 'Не видясь друг с другом	'Слезы [того] времени, [когда мы] скорбим, не видясь друг с другом, [я] рассматриваю как дождь обычной осени'.
<i>Shinoburu koro-no</i>	Скорбим времени	
<i>Namida-woto</i>	Слезы даже	
<i>Nabete-no aki-no</i>	Обычной осени	
<i>Shigure-to ya miru</i> (G, с. 380)	Дождем считаю')	

Поскольку к имени не могло относиться указание на место, выраженное именем с суффиксом дательно-местного падежа -*ni*, то и в этом случае находим -*по* (т. е. по-японски 'дорога в горах' — *uata*-*по* *miti* букв. 'горы дорога'): *Yuki fukaki | Miya-ta-no miti-fa ...* (G, с. 628) 'Дорога в горах, где снег глубок...'; *ifane-no matu-ni...* (G, с. 735) 'на сосны, [которые растут] на скалах...'.

Определением с -*по* может быть не только наименование конкретного лица, предмета, явления природы, но и абстрактное существительное: *Kogarashi-no fuku-ni tuketutu matishi tan-i*, *wobotukanasa-по koro-mo fenikeri* (G, с. 379) 'Пока я ждала, обдуваемая холодным ветром (= 'без вестей от вас'), прошло даже время сомнений' [*kogarashi-no fuku-ni* 'холодный ветер дует' — фиктивно-определительное предложение, стоящее в дательном падеже и управляемое глаголом *tuketutu*; его подлежащее также оформлено формантом -*по*].

Определяемое имя может быть опущено: *Tatifikai-по mo kimi-no mo ari* (O, с. 61) 'Пришло (букв. 'есть') и [письмо] меченосца и [письмо] господина'; *San-по onkata-по-то tori motekite...* (O, с. 67) 'Возьму [тазик] третьей барышни и принесу сюда...'.

Иногда -*по* заменяло окончание определительной формы прилагательного -*ki*: *Tanoshige-na-по koto ya* (S, с. 135) '[На вас], видно, нечего надеяться!'; *Aig'au-na-по atе ya* (O, с. 73) 'Какой безжалостный дождь!'; *Ayashi-no fito-по na ya* (O, с. 83) 'Странное имя [для] девушки (букв. 'человека')!'; *Ana wosoroshino koto ya* (O, с. 78) 'Вот как здорово нас угошают на прощание!' (букв. 'Вот какое страшное дело!'). Все собранные примеры на подобное употребление -*по* имеют эмфатический характер.

На протяжении всей письменной истории ЯЯ -*по* может оформлять подлежащее определительного предложения: *Tuki-по sumi kumowi* (G, с. 384) 'Тучи, где живет луна...'. В отличие от современного языка -*по* в классическом языке могло оформ-

лять и подлежащее главного предложения; *Kiri-no turaku m(o) aru kana* (G, с. 379) 'О, как досаден туман!'; *Tatiyoru nami-no | Medurashiki kana* (G, с. 387) 'О, как внушительны вздывающиеся волны!'.

Суффикс *-po* может оформлять и подлежащее развернутого членного предложения: *Uguflsu-no | Mukashi-wo kofite | Safe-duru-wa, | Kidutafu fana-no | Iro ya ashetaru* (G, с. 728) 'То, что камышовка щебечет, любя минувшее, [означает, что] цвет цветов на деревьях поблек' (т. е. 'что я состарился').

Притяжательный падеж (суффикс *-ga*). По любому тексту эпохи видно, что употребительность *-ga* была в то время в несколько раз меньше, чем *-po* (можно прочитать несколько страниц текста «Гэндзи», не встретив ни одного *-ga*). Но и в ДЯЯ *-ga* употреблялось в притяжательном значении. В таком случае *-ga* нередко присоединялось к личным местоимениям (см. раздел «Местоимения»), наименованиям людей, животных и растений: *wotomeko-ga atari* (G, с. 346) 'местопребывание девы'; *matu-ga urashima* (G, с. 387) 'сосновый остров'; *asadi-ga tuuyu-ni* (G, с. 371) 'в росе [кустарника] аланг-аланга'.

Лишь изредка между определением на *-ga* и определяемым вставляется другое слово: *Wono-ga tada | Mi-wo shiru ame to | Womofikera kana* (ISN, с. 140) 'Поняла, что только дождь знает мои чувства' (букв. 'собственное тело'). Сама такая возможность объясняется потенциальной паузой: *Shigure-ni tare-ga//Sode-wa karamashi* (ISN, с. 158) 'Чы же//рукава позамствую [я] в дождь?'.

Исигаки Кэндзи (1914—1947), исследовавший проблему развития *-ga* в показатель именительного падежа, отметил, что в ряде случаев, употребляясь между предложениями, он превратился в противительно-соединительный союз. Параллели такому изменению есть: между предложениями в роли союзов функционируют *kara* 'так как', 'поэтому' (от форманта исходного падежа *-kara*, появившегося также только в эпоху Хэйан), *ni* 'когда, хотя' (от форманта дательно-местного падежа *-ni*), *wo* 'хотя' (от суффикса винительного падежа *-wo*). Однако обращает на себя внимание тот факт, что *-ga* между предложениями появляется не позже *-ga* именительного (в составе имени-подлежащего), а едва ли не раньше его: ... *wokonafitamaferuga ito urayamashikereba...* (G, с. 370) '... когда стало очень завидно, что [он] совершает это...' (здесь *-ga* — показатель предложения-подлежащего); ... *fito-ni tonowotowashetatafutubeki-ga kokorokurushiki koto* (G, с. 706) '... [мне] жаль, что [я] могу беспокоить других'; *Ima mo miteshi-ga ... Yamato nadeshiko* (ISN, с. 184) 'То, что [я] и теперь увидел бы, [это] гвоздика из Ямато' (намек на любимую). Всего *-ga* встретилось в последнем памятнике (в стихах) не больше 10 раз (в основном при местоимениях). Приведенный пример использования *-ga* после глагола — единственный.

Исигаки Кэндзи обращает внимание на то, что *-ga* присоединяется к придаточному предложению в случае его субстантивации. Он различает предложение, повествующее об обстоятельстве, и предложение, повествующее о человеке (*koto* 'то, что' и *mono* 'тот, который' можно было бы вставить перед *-ga*) [8, с. 24–25]: *Afubeki yoshi-no naki (koto)-ga sabushiki* (Т) 'Как тоскливо, что нет возможности свидеться!'; *Womina-no mada yo fezu to oboyetaru (mono)-ga fito-no mimoto-ni shinobite* 'Те, кто помнил, что она еще не покинула мир, прятались у других...' (8, с. 26). Трудно сказать, какое из этих предложений появилось раньше: ведь «Такэтори» и «Исэ» (памятники, где они встречаются) точно не датированы. В эпоху Хэйан *-ga* в такой позиции еще не превращается в союз [19, с. 550]. Все подобные случаи следует толковать как оформление членного предложения именительным падежом.

В комментаторской литературе *-ga* после спрягаемых слов встречается только в начале эпохи. Затем примеры подобного употребления *-ga* исчезают [19, с. 551]. Иными словами, есть предложения, в которых имеются конструкции «спрягаемое слово + *-ga* + имя» и «имя + *-ga* + спрягаемое слово».

После личных местоимений встречалось только *-ga* (но не *-no*): *a-ga*, *waga* 'мой', 'свой', *ta-ga* 'чей', *ono-ga* 'свой', *nandi-ga* 'твой' [19, с. 551]. К редким конструкциям, не получившим впоследствии развития, относится представленная в предложении из «Кокинсю»: *Kono ita-wa ari fito-no ifaku Ofotomo-no | Kuronushi-ga-nari* (Ts, с. 551) 'Об этом стихотворении один человек сказал: [оно] принадлежит (букв. 'есть') Офотому-но Куронуси'.

Определения на *-ga* могли образовывать цепочку: *waga shekoga koromo* (K, I) 'Одежды моего милого'.

Выделительный падеж (с уффиксом *-fa*). Противопоставлен в системе падежей другим преимущественно как падеж темы падежам ремы. Может в большинстве случаев переводиться на другие языки при помощи определенного артикля. В основном *-fa* оформляет в эту эпоху подлежащее (при выделении прямого дополнения применялось *-woba*, т. е. *-wo* еще не могло столь часто заменяться при помощи *-fa*), сфера его функционирования была уже, чем в современном ЯЯ. Таким образом, одно из важнейших возражений против признания *-fa* падежным формантам (неразличение им подлежащего и прямого дополнения) для классического языка недействительно.

Примеры: *Kimi-fa kimi | Ware-fa ware-to* (ISN, с. 180) 'Ты [вы] это ты [вы], а я — это я...' (противопоставление двух известных); *Faru-fa kinikeri* (K, I) 'Весна пришла!'; *Yuki-fa furitutu* (K, I) 'Снег идет'; *Faru kinu to fito-fa ifedomo* (K, I) 'Хотя люди говорят,— весна пришла...'; *Wakarenishi kefu-fa kuredomo...* (G, с. 380) 'Хотя пришел сегодняшний день, когда [я] расстался [с тобой]...'; *Nafo kagaribi-no kage-*

fa sawageru (G, с. 656) 'Все еще огни костров беспокоят [тебя]'; *Fimegimi-fa ito wosonagenaru misama-nite ... itadurani naritama fumajiki waza-fa subekaramu* (G, с. 705) 'Принцесса — очень молодая особа... надо бы сделать так, чтобы [она] не изволила шалить' (*waza* — 'способ, образ действий'). Формантом *-fa* оформляется только подлежащее главного предложения.

Однако этим роль *-fa* не ограничивается. Не менее часто *-fa* оформляет слово-тему, обозначающее не деятеля, а время или место действия: *Yamazato-fa Mono[u]karu oto-ni | Ugu-fisu zo naku* (K, I) '[В] горном селении поет камышовка грустными звуками' (на НЯЯ Мотоори перевел слово-тему *sato-dewa*); *Ugu-fisu-no | Nakani kagiri-fa | Araji to zo [o]mofu* (там же) 'Поскольку камышовка не поет, думаю, что [весны] нет'; *Nafo yufugure-fa | Mono zo kanashiki* (ISN, с. 179) 'Все же [в] сумрак[е] вечернем все так печально!'; *Yufugure-fa | Tare to sa-nomi zo | Omofo yuru* (там же) 'О сумраке вечернем думается всем только так, [как и тебе]'. Наличие *-fa*, выделяющего подлежащее, не препятствует появлению *-fa*, оформляющего обстоятельство: *Kimi-fa sa-fa | Na-no tatu koto-wo | Womoikeri* (ISN, с. 176) 'Оказывается, ты *так* заботишься о своей репутации' (букв. 'о том, что имя встает'). Однородные члены предложения не могут быть оформлены одинаково. Следовательно, одинаково оформленные суффиксами слова являются разными членами (*-fa* тут нельзя «вынести за скобку», как в предложении с несколькими подлежащими к одному сказуемому; ср., далее, раздел, посвященный *-ni*): *Ima-fa faya* (ISN, с. 167) 'А теперь уже'; *Nenuru yo-no | Tuki-fa miru ya to Kesa-fa shimo | Wokiite matedo Tofu fito mo nashi* (ISN, с. 166) '[Подумав:], может, [она тоже] смотрит на луну этой ночи, [я] встал утром, хотя [был] иней, и ждал, но не было никого, кто бы [меня] спросил' (т. е. 'ты не догадалась мне написать').

Помимо суффикса *-fa* существовала и частица *-fa*, омонимичная суффиксу и имевшая другую дистрибуцию. В частности, она встречалась после других частиц, а также в конце предложения после глагола или другой экспрессивной частицы: *Yo-no naka-fa | Mukashi-yori ya fa | Ukariketu* (K, VI) 'А в мире нынешнем печальней, чем было в старину!'; *Wobomeku-bakari | Wasurubeshi ya fa* (ISN, с. 154) '[Я] только помню, [а ты,] наверное, забыла [меня]!'. Эта частица (в виде *wa*) сохраняется и в современном языке (в основном в речи женщин). Но в эпоху Хэйан не было случаев записи ее буквой WA.

Примеры применения *-fa* после других падежных формантов см. в соответствующих разделах.

Винительный падеж (суффикс *-wo*). Наличие восклицательной частицы *-wo* заставляет некоторых авторов думать, что *-wo* падежное имеет экспрессивное происхождение. Другим аргументом является отсутствие *-wo* в составе многих прямых

дополнений. Однако неоформленность прямого дополнения (одно из проявлений «закона экономии суффиксов») была свойственна в какой-то мере только художественной литературе. В комментаторской литературе применение *-wo* было правилом [19, с. 552], так как нужно было уточнить синтаксическую позицию каждого члена предложения разъясняемого (трудного по содержанию) текста. Лишь сложные глаголы, первым компонентом которых является корень, употребляющийся и как имя, могущее быть в предложении прямым дополнением ко второму компоненту в роли самостоятельного слова-глагола, обычно не управляли винительным падежом [19, с. 552]. При глаголах *wegaku* (*we* 'картина') 'рисовать', *naduku* (*na* 'имя') 'нарекать', *metoru* (*te* 'женщина') 'брать в жены', *kiduku* (*ki* 'дерево') 'строить' если и имелись прямые дополнения, они, как правило, оставались неоформленными.

Такое различие между литературой разных жанров в отношении частотности использования форманта винительного падежа говорит о факультативности его опущения, а следовательно, и об отсутствии особого «абсолютного падежа» (по Е. М. Колпакчи), или основного, так как нет позиций, в которых морфологический нуль был бы обязательен. Обращение, не оформленное падежными суффиксами, не стоит в нулевом, «звательном падеже», так как является разновидностью называемого предложения, а не членом идущего далее глагольного.

Даже в стихах большинство прямых дополнений оформлено суффиксом: *Waga gotoku ware-wo omofamu fito...* (K, XV) 'Человек, который любил бы меня так, как я [его]'; *Turenaki fito-wo | Matu to sheshi ma-ni* (K, XV) 'Пока [я] собирался ждать бессердечную'; *Soyo ya soyo | Nadote uatabe-wo | Mizariken* (ISN, с. 172) 'В самом деле, почему же [мы] не посмотрели горы?'. Если же проанализировать, когда *-wo* отсутствует в составе прямого дополнения, то можно выделить те случаи, когда за ним нет сказуемого-глагола (то ли потому, что он отсутствует вообще, то ли потому, что он упомянут раньше):

<i>Miru ya kimi</i> ... <i>Aki-no yo-no tuki</i> (ISN, с. 168)	'Видишь ли, милый, ...осенней ночи луну?'
<i>Wasuru to ya /o/mofu</i> <i>Tamakura-no sode</i> (там же)	'Думаешь, [я] забуду рукава под головой?'
<i>Ima-fa korosaji</i> <i>Kono warafa</i> (ISN, с. 167)	'Тотчас же [я] не убью этого мальца'.

Отсутствие *-wo* в случаях вынесения прямого дополнения в конец предложения встречалось нередко, но не было нормой.

Как и в другие эпохи, *-wo* может оформлять слово, обозна-

чающее сферу движения ('по'), исходный пункт или период времени, когда происходит процесс, выражаемый глаголом-сказуемым: *Soko-wo taitite...* (Sa, с. 481) 'Выезжаем из этого места...'; *Farukano miti-wo idetatite...* (Kon XIV, 3) 'Выйдя в далекий путь...'; *Udiden-wo irite miru ni mo...* (Sa, с. 523) 'И когда въехали в замок Уди и осмотрелись...';

*Netaru yo-wo
Ayashiku nururu
Tamakura-no sode*
(ISN, с. 162)

'Ночью, когда [мы] спали
увлажняющиеся
рукава под головой'.

В отличие от *-no*, *-ga*, *-wa* суффикс *-wo* может сопровождаться той или иной подчеркивающей или восклицательной частицей: *Kimi-wo koso | Suwe-no matu to fa | Kikiwatare* (ISN, с. 146) '[Я] слышала повсюду, что именно тебя [сравнивают] с соснами в Сувэ'; *Yomosugara | Nanigoto-wo ka fa | Womofituru* (ISN, с. 141) 'Всю ночь напролет о чем только [я не] думала?'; *Womofu koto-wo mo, ye-kiyoyezu narinishikaba...* (G, с. 706) 'Так как [он] не мог высказать [ей] и *mo*, что думал...'; *Warafa-woba Ike to mo ima-fa | Ifaji to otofu ka* (ISN, с. 167) 'Теперь вы, наверно, думаете не говорить мальчике «живи», (т. е. собираетесь лишить его жизни).

Прямым дополнением с *-wo* могло быть и предложение: *Aka-no gu-nado-no ari-wo mitamafu ni...* (G, с. 610) 'Когда же [Гэнжи] увидел, что [у нее] есть сосуды для святой воды и прочее...'.

Данный формант превращается в союз тогда, когда в главном предложении уже нет сказуемого-глагола, управляющего членным предложением-дополнением. Такие союзы появились, видимо, еще в дописьменный период. Переходный случай: *Tukikage-fa... aki-ni | Kafaranu wo | Fedaturu kiri-no | Tura-ku m[o]jari kana* (G, с. 379) 'Хотя лунный свет по осени ... не изменяется, заслоняющий [его] туман бывает неприятен!' (глагол *fedaturu* 'заслонять' может управлять винительным падежом, но в данном предложении его нет); *Katura-ni mirubeki koto faberu wo, isa ya, kokoro-nimo arade fodo fenikeri* (G, с. 608) 'Хотя в Катура есть вещи, которые [я] должен посмотреть, [я] как-то, не имея даже намерения, задержался [здесь]'. Такое союзное употребление *-wo* в текстах довольно распространено.

При отсутствии творительного падежа на орудие действия нередко указывало *-wo motte*, т. е. отглагольный послелог (от *motu* 'иметь', 'держать в руках'), управляющий винительным падежом: *Kafa-wo motte koromo-to sheri* (Kon X, 15) 'Оделясь в шкуры' (букв. 'заимев шкуры, превратил [их] в одежду'); *Te-wo motte sashite* (Kon X, 20) 'Показал рукой'; *Sake kufi-wo motte faka-wo maturi ni...* (Kon IX, 17) 'Когда поминали усопших (букв. 'могилы') вином [и] едой...'; *Kono motaru jeni*

goshenr'au-wo motte *kame itutu-wo kafitorite...* (Kon IX, 13) 'На эти имевшиеся [у него] деньги 5000 лян он купил пять черепах...'. Выражаемое этой конструкцией значение орудия понималось широко — не только как предмет, но и как процесс: *Nu'sumi-wo motte waza to shite arikereba...* (Kon XXIX, 19) 'Так как [он] сделал воровство [своим] ремеслом...'; *Sake-wo nomi-wo motte waza to su* (Kon X, 40) 'Взяли себе за правило пить сакэ'; *Kore-wo motte omofu ni...* (Kon IX, 17) 'С учтотом этого можно думать, что...'.

-*wo motte* после слова, указывающего на время: *Nobete fokano fi-wo motte wokonafubeki nari* (Kon XXXI, 1) '[Вы] должны перенести [празднество] и проводить [его] в другой день'.

-*wo motte* после наименования человека, через которого передается сообщение: *Tukafi-wo motte kano Afadaguti-no amano moto ni tukafi-shite ifaku* (Kon XXXI, 1) 'Через гонца послали сказать этой монахине из Афадагути, что...'. Дополнение могло иметь и более абстрактное значение: звук, сила и т. п.

Характерно, что в поэзии и в вабуне эта конструкция не встретилась. В памятникахcommentаторской литературы XII в. -*wo motte* встречалось и между предложениями [19, с. 560].

Возможно, в ряде случаев вместо *motte* читалось еще *motite*.

Дательно-местный падеж (суффикс -*ni*). По употребительности занимает второе место (после родительного). Чаще всего он указывает на местонахождение предмета или на место, где происходит какой-либо процесс: *Matuyama-ni | Nami takashi...* (ISN, с. 146) 'Высоки волны в Матуяма'; *Tuki-wo mite | Aretaru yado-ni | Nagami* (ISN, с. 147) 'Глядя [на] луну, в запущенном доме любуюсь'; *Yo-ni kakuretaru | Shinobine-wo | Ituka fa kikan* (ISN, с. 137) 'Когда же [я] услышу приглушенный голос укрывшейся от света?'.

Поскольку направительный падеж в этот период еще не получил достаточного развития, -*ni* продолжает оформлять слово, обозначающее конечный пункт движения: *Yukubeki mono-wo | Kimi-ga ifedi-ni* (ISN, с. 136) '[Я] должен направиться в путь [к] твоему дому'; *Waga sode-ni | Madakitoki [a]me-no | Furinuru-fa | Kimi-ga kokoro-ni | Aki ya kinurami* (K, XV) 'На моих рукава уже давно льется дождь [слез], — [это] в твоё сердце пришла осень'; *Yoso-nite mo | Wonaji kokoro-ni | Ariakeno | Tuki-wo miru ya to | Tare-ni tofamashi* (ISN, с. 159) 'И в чужой стране | С чувством тем же [что и я] — Любуются ли | на ущербную луну? — У кого бы [мне] спросить?'. Вопрос здесь представляет собой неопределенno-личное предложение (конкретное подлежащее к *miru* 'видеть, смотреть' нельзя считать опущенным). Следовательно, подлежащее в японском предложении (выраженное или подразумеваемое) не является строго обязательным.

Как и в другие эпохи, *-ni* входит в состав именных членов предложения, указывающих на время: *Kogarashi-no | Fukin-i tuketitu | Matishi ma-ni...* (G, с. 379) 'В то время, когда [я] ждала, страдая от порывов холодного ветра...'. Здесь при глаголе *tuketitu* имеется косвенное дополнение-предложение *Kogarashi-no fuki* 'холодный ветер дует'. В НЯЯ такие предложения субстантивируются на синтаксическом уровне. Но в эпоху Хэйан мы не находим каких-либо показателей, отличающих такие склоняемые предложения от определительных, из чего можно сделать вывод о том, что субстантивации в подобных случаях не было; склоняться мог и член предложения — спрягаемое слово — и даже членное предложение с глагольным сказуемым.

Многие сказуемые-глаголы управляет дополнениями с *-ni*. Не все они переводятся на русский дательным падежом: *kataki-ni katu* 'побеждать врага', но *tomo-wo tasuku* 'помогать другу' (= 'поддерживать друга'). В ряде случаев русский язык требует еще и предлога, чаще других *у*, *в*, *на*, *к*: *Yamasato-ni | Kikishi-ni nitaru | Matuka je zo fuki* (G, с. 607) 'Дует ветер [в] соснах, *похожий на* [тот, который я] слышала в горном селении'; *Fisashiki kiku-ni | Kakari ya fa shenu* (ISN, с. 160) 'Не [лучше] ли сравнить [жизнь] с долговечной хризантемой?'; *Namida-ni, kage-fa | Tomaranan* (ISN, с. 161) 'Пусть останется [твой] облик в [моих] слезах'; *namida-ni nuru* (ISN, с. 163) 'намокнуть от слез' (о рукавах) и т. п.

Довольно часто *-ni* сопровождается той или иной частицей. Присоединение *то* 'и', 'также' дает возможность применить несколько одинаково оформленных однородных дополнений к одному и тому же сказуемому: *Shigure-ni mo | Tuui-ni mo atede...* (ISN, с. 162) 'Не касаясь ни дождя, ни росы...'; *Sode-ni mo shimo-fa | Wokitekeri. | Kesa utimireba | Shirotafe-ni shite* (ISN, с. 165) 'Оказывается, иней лег *и на* рукава. Когда утром посмотрела, [они] были как *выбеленные*' (и в дальнейшем *-ni shite* нередко используется в роли неокончательной связки); *Tada kari-ga ne-wo Kiku waza-ni shite* (ISN, с. 158) '[Мне] оставалось только слушать крики диких гусей'.

Нередко *-ni* следует после служебных имен типа *toki* 'время', а также после членного предложения в союзном значении 'когда', 'при', 'хотя': ... *yorodu kokorobosoku woboyefaberituru ni, toshi-no tumoru mama-ni ito namidagati-nite sugushifaberi wo, kono miya-safe kaku utisutetamaferereba, iyo iyo aru ka naki ka-ni tomarifaberi wo, kaku tatiyori wotodurefasheta-mafu ni nami, monowasureshinubeku faberu* (G, с. 658) '... многое [я] вспоминала безрадостно, а по мере того, как шли годы, [я] проводила [их] все больше в слезах; даже эта усадьба такая заброшенная, что [я] живу, [не зная], существую ли [я] в действительности или нет; а тут вы так любезно заехали и навестили — а ведь [меня] можно было бы и позабыть'.

Появление творительного падежа (суффикс *-n i te*). Довольно часто в текстах, особенно прозаических, встречается *-nite*, в конце эпохи спорадически переходящее в *-de*, формант творительного падежа:

а) *-nite*, оформляющее именное (или адъективное) сказуемое, как срединное, так и конечное: *Kefu fa monoimi-nite, watari-tamafanu* (G, с. 1966) 'Сегодня несчастливый день, так что [он] не приедет'; *Sakafu-nite aru | Futowigaf... (Sa, 482)* 'Река Футови, являющаяся границей...'; *Tatu-fa naru kami-po tui-ni koso arikere* (T, с. 19) 'Дракон оказался подобием бога грома'; *Tabi-no yadori-fa turedure-nite...* (G, с. 1927) 'Приют в пути был уединенным...';

б) *-nite*, входящее в состав косвенного дополнения, обозначающего место действия: *Mukashi yama-nite mituketaru* (T, с. 15) 'Давным-давно [я] нашел [ее] в лесу'; *Miti-nite imijiki koto-no arikera-pammeri* (G, с. 1964) 'В пути, видимо, случилось что-то неприятное';

в) *-nite*, оформляющее дополнение, обозначающее орудие действия: *Kimi-fa kafina-wo makura-nite...* (G, с. 1957) 'Господин [подложил] руку [под голову вместо] подушки...'; *Fukaki kafa-wo fune-nite wataru* (Sa, с. 480) 'Глубокую реку пересекаем на лодке'; *Fofusauji-no fodo-made-fa mikuruma-nite, sore-yori zo miuta-ni-fa tatematurikeru* (G, с. 1956) 'Примерно до храма Фофусау ехал в экипаже, а оттуда — на лошади'.

Примеры перехода *-nite* в *-de* единичны: *Nusubito-nari kokoro-de...* (Коп XXVIII, 31) '[У тебя] сердце разбойника...'. Разумеется, творительный падеж появляется не с момента такого фонетического перехода, а тогда, когда применение *-nite* становится нормой.

Как и за *-ni*, за *-nite* могли следовать частицы, обычно *fa, to* и др.

Направительный падеж (суффикс *-fe*). Новый суффикс с совершенно конкретным значением направления движения («из А в Б») был еще мало употребителен. В комментаторской литературе он почти не встречается [19, с. 552]. В стихах его можно встретить лишь изредка: *Isa miyako-fe to | Kite sasofi miyo* (ISN, с. 155) 'Ну, попробуй прийти и пригласить [меня] в столицу!'; *Miyako-fe fa | Itu ka Utide-no | Fama-fa mirubeki* (ISN, с. 154) 'А в столицу когда же — смотреть на берег в Утидэ?'; *Miyako-no kata-fe | Tare sasofiken* (ISN, с. 155) 'В сторону столицы кто же [тебя] пригласит?'.

В текстах, написанных манъёганой, а именно прозаических, *-fe* как суффикс не встретился, в «Кодзики» (в стихах) он употреблен один раз, в «Нихон-сёки» — два, в «Манъёсю» — 29 раз [8, с. 55]. *-Fe* следует непосредственно за именем, обозначающим цель движения (т. е. в своем развитии «имя → суффикс» *-fe* не проходил стадию послелога, управляющего родительным падежом), далее идет глагол движения. Первое

начально речь шла о движении самого деятеля (даже такой глагол, как *kōgi* 'грести', предполагает передвижение не только лодки, но и самого гребца), т. е. в конструкциях со значением «посылаю что-то куда-то» применялось еще *-ni*.

Исигаки отмечает, что тот же корень *-fe* (<ДЯ ре>) входит этимологически в сложные слова *tafe* 'перед' ('глазо-сторона'), *shirife* 'задняя сторона', *inishife* 'прошлое', *uikufe* 'будущее' ('идти-сторона'), *uifufe* 'вечер' и т. п. Однако *ife* 'верх' восходит к *irē*, которое чередуется с *ira-*, т. е. это корне слово неделимо даже этимологически.

В таких повестях раннего периода Хэйан, как «Такэтори», «Исэ», «Тоса» и «Ямато», *-fe* встретился всего 61 раз. За ним всегда следует глагол движения [8, с. 66]. В «Гэндзи» достоверных примеров насчитывают 82 [8, с. 67]. Этого достаточно, чтобы считать доказанным появление *-fe* как служебной морфемы. Однако факт редкого употребления ее совершенно очевиден. Он объясняется узким первоначальным значением *-fe* (только конкретное движение самого деятеля). Однако уже в «Гэндзи» есть такой пример, как ... *mofara fon'i nashi tote, fokazama-fe wə̄mofinaritatafinu* [8, с. 67] 'Говорят, [он] не имеет особых намерений и подумывает о другой особе...' (т. е. здесь речь идет о направлении мыслей). В «Кондзяку» уже 397 предложений с *-fe*, но значение *-fe* остается прежним [8, с. 68].

Исходно-сравнительный падеж (с уффиксом *-yori*). Имя с *-yori* в предложении имело значение исходного пункта в пространстве или во времени. Вместе с тем, как и в ряде других алтайских языков, не имеющих форм степеней сравнений прилагательных, в КЯЯ форма исходного падежа (на *-yori*) использовалась для оформления названия предмета, с которым производится сравнение. Можно думать, что локативное значение, впоследствии перешедшее к *-kara*, было более старым. Примеры: *Ashibe-yori |Kumowī-wō sashite | Yuku kari-po* (К, XV) 'Подобно гусям, которые уносятся от зарослей тростника к облакам...'; *Ima kōti to | Ifite wakareshi | Ashita-yori* (К, XV) 'С [того самого] утра, когда [ты] расстался [со мной], сказав «скоро приду [опять]...»; *Moto-yori itau wə̄mofitukitatafu kōto-mō nakute...* (G, 705) 'Сначала [он] не очень-то задумывался над этим'; *Kono kimi-yō-i fokani masarubeki fito ya wa aru. Katati, arisama-yori fajimete, fitoshiki fito arubeki ka wa* (G, 706) 'Разве есть другие люди, которые превосходили бы этого господина? Начиная с *внешности*, осанки, разве могут быть люди, равные [ему]? (как видно, слово с *-yori* может быть дополнением к глаголу, а не только к прилагательному; *katati* остается не оформленным по закону «групповой суффиксации», как первый из однородных членов — косвенных дополнений с *-yori*); *Aki-yori saki-no | Momidi-narikeru* (К, XV) 'Покраснели листья клена раньше, чем [настала] осень';

Появление творительного падежа (суффикс *-n i te*). Довольно часто в текстах, особенно прозаических, встречается *-nite*, в конце эпохи спорадически переходящее в *-de*, формант творительного падежа:

а) *-nite*, оформляющее именное (или адъективное) сказуемое, как срединное, так и конечное: *Kefu fa* *tomoimi-nite*, *watari-tamafanu* (G, с. 1966) 'Сегодня несчастливый день, так что [он] не приедет'; *Sakafu-nite aru* | *Futowigafa...* (Sa, 482) 'Река Футови, являющаяся границей...'; *Tatu-fa naru kami-po* *guipí koso arikere* (T, с. 19) 'Дракон оказался подобием бога грома'; *Tabi-no yadori-fa* *tureture-nite...* (G, с. 1927) 'Приют в пути был уединенным...';

б) *-nite*, входящее в состав косвенного дополнения, обозначающего место действия: *Mukashi yama-nite mituketaru* (T, с. 15) 'Давным-давно [я] нашел [ее] в лесу'; *Miti-nite imijiki koto-no arikuru-nammeri* (G, с. 1964) 'В пути, видимо, случилось что-то неприятное';

в) *-nite*, оформляющее дополнение, обозначающее орудие действия: *Kimi-fa kafina-wo takura-nite...* (G, с. 1957) 'Господин [подложил] руку [под голову вместо] подушки...'; *Fukaki kafa-wo fune-nite wataru* (Sa, с. 480) 'Глубокую реку пересекаем на лодке'; *Fofusauji-no fodo-made-fa* *mikugita-nite, sore-yori zo miuta-ni-fa tatematurikera* (G, с. 1956) 'Примерно до храма Фофусау ехал в экипаже, а оттуда — на лошади'.

Примеры перехода *-nite* в *-de* единичны: *Nusubito-nari kokoro-de...* (Коп XXVIII, 31) '[У тебя] сердце разбойника...'. Разумеется, творительный падеж появляется не с момента такого фонетического перехода, а тогда, когда применение *-nite* становится нормой.

Как и за *-ni*, за *-nite* могли следовать частицы, обычно *fa*, *to* и др.

Направительный падеж (суффикс *-fe*). Новый суффикс с совершенно конкретным значением направления движения («из А в Б») был еще мало употребителен. В комментаторской литературе он почти не встречается [19, с. 552]. В стихах его можно встретить лишь изредка: *Isa miyako-fe to* | *Kite sasofi miyo* (ISN, с. 155) 'Ну, попробуй прийти и пригласить [меня] в столицу!'; *Miyako-fe fa* | *Iru ka Utide-no* | *Fama-fa mirubeki* (ISN, с. 154) 'А в столицу когда же — смотреть на берег в Утидэ?'; *Miyako-no kata-fe* | *Tare sasofiken* (ISN, с. 155) 'В сторону столицы кто же [тебя] пригласит?'.

В текстах, написанных манъёганой, а именно прозаических, *-fe* как суффикс не встретился, в «Кодзики» (в стихах) он употреблен один раз, в «Нихон-сёки» — два, в «Манъёсю» — 29 раз [8, с. 55]. *-Fe* следует непосредственно за именем, обозначающим цель движения (т. е. в своем развитии «имя → суффикс» *-fe* не проходил стадию послелога, управляющего родительным падежом), далее идет глагол движения. Первые

начально речь шла о движении самого деятеля (даже такой глагол, как *kōgi* 'грести', предполагает передвижение не только лодки, но и самого гребца), т. е. в конструкциях со значением «посылаю что-то куда-то» применялось еще *-ni*.

Исигаки отмечает, что тот же корень *-fe* (<ДЯ *re*) входит этимологически в сложные слова *tafe* 'перед' ('глазо-сторона'), *shirife* 'задняя сторона', *inishife* 'прошлое', *yukufe* 'будущее' ('идти-сторона'), *uifufe* 'вечер' и т. п. Однако *ife* 'верх' восходит к *irē*, которое чередуется с *ira-*, т. е. это корне слово неделимо даже этимологически.

В таких повестях раннего периода Хэйан, как «Такэтори», «Исэ», «Тоса» и «Ямато», *-fe* встретился всего 61 раз. За ним всегда следует глагол движения [8, с. 66]. В «Гэндзи» достоверных примеров насчитывают 82 [8, с. 67]. Этого достаточно, чтобы считать доказанным появление *-fe* как служебной морфемы. Однако факт редкого употребления ее совершенно очевиден. Он объясняется узким первоначальным значением *-fe* (только конкретное движение самого деятеля). Однако уже в «Гэндзи» есть такой пример, как ... *mofara fon'i nashi tote, fokazama-fe wətəfinaritatafinu* [8, с. 67] 'Говорят, [он] не имеет особых намерений и подумывает о другой особе...' (т. е. здесь речь идет о направлении мыслей). В «Кондзяку» уже 397 предложений с *-fe*, но значение *-fe* остается прежним [8, с. 68].

Исходно-сравнительный падеж (с уффиксом *-yori*). Имя с *-yori* в предложении имело значение исходного пункта в пространстве или во времени. Вместе с тем, как и в ряде других алтайских языков, не имеющих форм степеней сравнений прилагательных, в КЯЯ форма исходного падежа (на *-yori*) использовалась для оформления названия предмета, с которым производится сравнение. Можно думать, что локативное значение, впоследствии перешедшее к *-kara*, было более старым. Примеры: *Ashibe-yori* | *Kumowi-wō sashite* | *Yuku kari-po* (К, XV) 'Подобно гусям, которые уносятся от зарослей тростника к облакам...'; *Ima kōti to* | *Ifite wakareshi* | *Ashita-yori* (К, XV) 'С [того самого] утра, когда [ты] расстался [со мной], сказав «скоро приду [опять]...»; *Moto-yori itau wətəfuitukitatafu kōto-tō pakute...* (Г, 705) 'Сначала [он] не очень-то залумывался над этим'; *Kono kimi-yō-i fokani masarubeki fito ya wa ari*. *Katati, arisama-yori fa jitemete, fitoshiki fito arubeki ka wa* (Г, 706) 'Разве есть другие люди, которые превосходили бы этого господина? Начиная с *внешности*, осанки, разве могут быть люди, равные [ему]? (как видно, слово с *-yori* может быть дополнением к глаголу, а не только к прилагательному; *katati* остается не оформленным по закону «групповой суффиксации», как первый из однородных членов — косвенных дополнений с *-yori*); *Aki-yori saki-po* | *Momidi-narikeru* (К, XV) 'Покраснели листва клена раньше, чем [настала] осень';

Turaki fito-yori | Madu koyeji tote (К, XV) '[Ты думала,] что [я] вряд ли перейду гору раньше жестокого человека (=тебя'). Дополнения с *-yori* относятся к имени-определению и к наре-чию временного значения.

Дополнение с *-yori* может принимать ту или иную частицу: *Nafo fito-yori fa kotonari* (Г, с. 791) '[Он] очень отличается от других'; *Ima-yori zo | Wodorokasu ka to* (ISN, с. 152) 'Испу-гаает ли [меня] в скором времени (букв. от теперь) [письмо от вас]?' ; *Ware-yori fokani | Tofu fito mo* (ISN, с. 178) 'Никого, кто бы навестил [ее], кроме меня'.

Есть случаи, когда *-yori* завершает придаточное предложе-ние: *Tikaki wataridono-no to woshiakuru yori, misu-no uti-no wofikaje namatekashiku fukinifofashite*, моногумо *koto-ni kedakaku wotofasaru* (Г, с. 789—790) '[Прежде] чем [он] ото-двинул дверь из ближайшего коридора [в комнату дамы], из-за штор [на него] повеяло таким прелестным ароматом, что [он] почувствовал необыкновенное очарование' (букв. 'чем [дру-гие] вещи отлично благородно дает почувствовать').

Предельный падеж (с суффиксом *-made*). В системе падежей противостоит *-yogi*, указывая на конечный пункт дви-жения (или процесса вообще) в пространстве или во времени: ... *shima-no foka-made nagare firoki ofon-megumi...* (К, Пре-дисловие) '... великие милости, распространяющиеся и за пре-делы [японских] островов...'; *Moto-yori ... kaku-made...* (Г, с. 705) 'С самого начала ... [и] до сего дня' (*kaku* букв. 'так'); *Ima-made fedatekeru toshitsuki-dani asamashiku kuyashiki-made wotomofusu* (Г, с. 609) 'Даже о прошедших до сих пор годах и месяцах думает с сожалением и досадой'. Формант *-made* присоединяется практически к любой полнозначной части речи (реже других к именам), а также к придаточным предложениям: *Waga yado-fa | Miti mo naki-made | Arenikeri* (К, XV) 'Мое жилище запустело до [того, что] и дороги [к нему] нет'; *Uwete inishi | Aki ta kagi-made | Miyekoneba...* (К, XV) 'Так как [ты] не появляешься, [как человек, который] засадил поле и ушел до жатвы осенью...' (*kagi* 'жать' — глагол). В стихах слово (предложение) с *-made* может оказаться в самом конце (если управляющий им глагол-сказуемое упомянут раньше): *aku-made* (К, Предисловие) 'вволю'; *Kazuraki no | Kami mo sa koso fa | Womofurame | Kumeji-ni watasu | Fashitanaki made* (ISN, с. 170) 'Наверное, бог Казураки думал так же, [как и я, что нельзя показываться днем]: вот и нет моста на дороге в Кумэ' (игра слов: *fashi* 'мост', *fashitanaki* 'отвратительный'; по легенде, бог Казураки должен был строить мост, но, будучи от-талкивающего вида, стеснялся делать это днем).

Как и ряд других падежных формантов, *-made* может со-провождаться как какой-либо частицей, так и суффиксом (*-ni, -no*): *Mi-ni koni made mo | Tare-ni tsugeyo to* (ISN, с. 147) 'Ведь [ты же] не пришел ко мне,— [скажи —] у кого же [ты

узнал]?'; *Momidiba-po | Mi-ni kuru made mo | Tirazaraba...* (ISN, с. 173—174) 'Если красные листья кленов не опадут, пока [не] придут посмотреть [на них]...'; *Aki-no yo-no | Ar/i-ake-no tuki-no | Iru made ni... | Kaerinishi kana* (ISN, с. 157) '[Я] вернулся домой до захода ущербной луны осенней ночи' (*iru* 'заходить' — глагол).

Некоторые авторы не признают за *-made* статуса падежного форманта на том основании, что в ряде случаев *made* приобретает значение «даже». Но это не исходная семантика морфемы, а явное развитие значения предела: 'вплоть до' > 'даже'.

Употребительность чисто локативных падежей в текстах довольно низка.

Совместный падеж (суффикс *-to*) указывает на лицо, совместно с которым производит действие субъект. В текстах редок. Омонимичным является союз *to* 'и' (при полном перечислении) — он отличается от падежного суффикса тем, что может следовать за каждым однородным именным членом предложения: Ср.: *Wouna-to sumitamafumi tote* (К, Предисловие) 'Собираясь жить [в этом доме] с женой' и *Kagami-po kage-ni miyuri uki to nami to-wo nageki...* (К, Предисловие) 'Скорбят о снеге и [белых] волнах (=седине), видных в отражении в зеркале'.

Падежом на *-to* управляет распространенный глагол *naru* 'становиться' (наряду с *-ni*; различие между ними настолько тонкое, что может быть установлено лишь специальным исследованием): *Kashira-po yuki-to | Naru zo wabishiki* (К, I) 'Печально, что голова становится снегом (=седеет)'. То же *-to* находим в *-to tomo-to* 'вместе с', *-to onaji* 'одинаковый с' и немногих других конструкциях. Условно-временной союз *to* появляется лишь в новояпонском языке.

Немало наречий оформляется суффиксом *-to* (в значении 'так'): *Fonobono-to akeyuki ni ...* (Г, с. 798) 'Когда стало светать...' (*fonobonoto* 'чуть-чуть'). В близком значении *to* применяется перед глаголами мысли, речи и чувства (которые могут и опускаться). Это самое частое применение *to*: *Fotologisu ... Fanatatibana-fa | Ima zo sakari to* (Г, с. 1471) 'Кукушка [кукует о том], что цветы цитрусов сейчас [в] полном цвету'. Интонационно *to* примыкает к предшествующему слову: между *to* и последующим глаголом может быть пауза: *Fudikoromo | Kishi-fa kinofu to | Womofu ma-ni ...* (Г, с. 682) 'Когда [я] думаю [о том], что простую одежду [ты] надел вчера...'.

Сливаясь с последующим *ifite* 'сказав', *to* дает союз *tote* (Г, с. 459).

Перед *aru* 'быть' *to* нередко оформляет именную часть склоняемого. Отсутствие паузы между *to* и *ari* приводит к выпадению *o* и слиянию их в связку *tari*. Однако в вабуне примеров на слияние еще немного [19, с. 517]. Больше их в комментаторской литературе. В VIII в. *tari* еще не было [19, с. 518].

В начале эпохи Хэйан в комментариях к буддийской литературе на китайском языке *tari* еще редко, но в середине эпохи оно широко распространилось.

В отличие от *ni*, *made* и *yori*, перед которыми стоит определительная форма предикатива, *to* следует за заключительной формой: *Kami-no nari... wotikakarinu to wobooyuru ni ...* (G, с. 459) 'Когда слышишь, как обрушивается ... гром ...'.

То может сопровождаться той или иной выделительной или подчеркивающей частицей: *Sode-no [i]ro-wo | Asamidori to ya | Ifishiborubeki* (G, с. 714) 'Разве можно говорить, что цвет [моих] рукавов [является] светло-зеленым?' (цвет одежды чиновников VI ранга); *Womoiki ya ... | Ama-ni kafara-o | Nagatubeshi to fa* (ISN, с. 151) 'Разве думал [я]... Что придется [мне] смотреть Чрез небесный Млечный путь?' (глагол, обозначающий мыслительный процесс, поставлен в самом начале стихотворения). *Shite* (деепричастие от глагола *shu* 'делать') находится еще на пути слияния с *to*: *Fito to naku, tuki-no kaftomi kirakirato shite...* (G, с. 463) 'Никого не было, сиял только лик луны...'.

Появление исходного падежа (суффикс *-kara*). Полифункциональность *-yori*, совмещавшего значение исходности со значением сравнения, оказалась неудобной для системы: в значении исходности *-yori* противопоставлялся *-made*, а в значении сравнительности — приравнительному *-fodo* (оба суффикса — двусложные). Понадобился особый суффикс исходности *-kara*. Хотя и не часто, он встречается в памятниках: *Kokogokara | Faru matu sono-fa...* (G, с. 735) 'Сад, в котором [я] от [всего] сердца жду весны...'; *Araji to fa Womofu mono-kara | Momidiba-no | Tiri ya nokoreru ...* (ISN, с. 172) 'Опали или остались красные листья кленов? Ведь исходя из того, что [была] буря, [их] не должно было бы быть...' (игра слов: *arashi* 'буря' и *araji* — отрицательно-предположительное наклонение от *aru* 'быть'); *Fito-kara kakaru Kokoro to zo miru* (ISN, с. 176) '[Я] вижу, что [твои] чувства зависят от людей (=от других)', *Kome ya to fa | Omoju mono-kara...* (K, XV) 'Оттого, что [я] думаю, придешь ли [ты]...'. Интересно, что все примеры, встретившиеся мне в текстах, демонстрируют *-kara* не в прямом значении (исходного пункта движения), а в переносном. Отсюда недалеко и до союзного значения причинности («движение» от причины к следствию).

По Исигаки, *kara* первоначально было именем со значением «сам»: в местоимениях *mi-du-kara*, *ono-du-kara* 'сам', *te-du-kara* 'лично', *kuti-du-kara* 'лично, сам' и др. *-kara* выступает в роли второго компонента [19, с. 554]. В литературе Хэйан *-kara* встречается в стихах, в прозе — редко (в «Гэндзи» — десять раз, в «Кондзяку» — ни одного). *Karani* первоначально означало 'вместе с', но в диалогах приобретает причинное значение. В комментаторской литературе сохраняются вышеупомянутые

сложные слова, но «примеров на употребление в качестве чисто служебной морфемы чрезвычайно мало» [19, с. 554].

Karani было распространено вплоть до начального периода эпохи Хэйан, но затем постепенно исчезло, сохранившись в определенной мере лишь в стихах.

В эпоху Хэйан *kara* примыкает непосредственно к имени или к определительной форме предикатива [8, с. 130], т. е. примеров на присоединение к родительному падежу нет. Следовательно, *kara* уже не имеет в эту эпоху именного характера. Исигаки нашел всего 15 примеров на присоединение *karani* к предикативу (в стихах первого периода): *Sumi-po-ue-no | Matu-wo akikaje | Fuku karani Kowe utisofuru | Okitu shiranami* (К, VII) 'Когда в соснах Суминоэ дует осенний ветер, к нему добавляют [свой] голос белые волны океана' [Мотоори Норинага переводит *karani* в этом стихотворении как *to sonotama* (М, с. 309/5). Исигаки переводит *karani* на современный язык при помощи *dakede, bakkaride* [8, с. 130] 'только', 'настолько'; *Nagame karu | Ama-no sumika to | Miru karani Madu shifo taruru Matu-ga urashima* (Г, с. 386—387) 'Только [я] подумал, что [это] местожительство рыбаков, жнувших длинные водоросли, [а это, оказывается,] остров в Сосновой бухте, куда набегает прилив' (комментатор переводит *karani* при помощи *tatani*). Видимо, *karani* применялось после изъявительного наклонения в непредшествующем времени.]

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СКЛОНЕНИЯ

Групповая суффиксация свойственна всем падежам: *Takasago Suminoe-po matu-to ...* (К, Предисловие) 'И сосны Такасаго [и] Суминоэ...' [Мотоори переводил: *Takasago ya Suminoe-po ...* (М, с. 250), т. е.ставил союз вместо паузы; здесь «вынесен за скобку» показатель родительного падежа]; *Kore-fa yorodu-no kusaki tori kedamono-ni tukete kokoro-wo misuru nari* (К, Предисловие) 'Этот [жанр песен] выражает чувства применяя сравнения с всевозможными растениями, птицами! [и] животными' (однородные члены оформлены общим показателем дательного падежа *-ni*; в русском «за скобку» выносится только предлог, а падеж повторяется); *Ame tuti-wo ugokashime-ni miyene oni kami-womo afare to omofashe, wotoko wofuna-po naka-woto yafarage, takeki mononofu-po kokoro-woto nagusa-tiru-fa ita-nari* (К, Предисловие) 'То, что трогает (волнует) небо [и] землю, заставляет чувствовать незримых демонов [и] богов, смягчает отношения между мужчиной [и] женщиной, услаждает душу храброго воина,— это песня' (вынесены за скобку: *-wo, -woto, -ni*);... *mīru mono, kiku mono-ni tukete ifiidasheru nari* (там же) 'Люди высказались [в песнях] о том, что [они] видят и слышат' (не повторяется *-ni*); *Mata umi-no*

naka-no riuwau, yorodu-no kamitati-ni, gwan tatesashetamafu ni... (G, с. 461) 'Когда (во время бури) возносили мольбы царю драконов в море [и] сонму богов...'

При добавлении к падежу частицы (особенно *то*), суффикс вместе с ней мог быть повторен. Однако пример *oni kami-woto* говорит о том, что такое повторение было необязательным.

Двойное управление. Некоторые глаголы (особенно *otoji* 'думать', *miru* 'видеть', *su* 'делать' и их синонимы) способны иметь два дополнения в разных падежах — обычно на *-wo...-to(-ni)* в оборотах типа 'считать кого-либо кем-либо' и т. п.: *Koto-wo koto-tomo kikitatafumajikarikeru...* (G, с. 473) '[Мое] кото не приходится слушать как [настоящее] кото...' (= 'я не так уж хорошо играю'); *Mi fitotu-wo | Ushi-tomo wotofi | Kana-shi-tomo kiku* (G, с. 1428) 'Меня одну считаешь то досаждающей, то милой'.

Мнимая и реальная полифункциональность падежных формантов. Если иметь в виду, что японское склонение имеет чисто синтаксический характер, число выделяемых функций ряда падежных формантов можно будет уменьшить. Так, самый употребительный формант *-по* является не столько суффиксом родительного падежа, сколько показателем непредикативного определения вообще: *kono* 'этот', *iroiro no*, *samatano*, *yoroduno* 'различный', *ofokino* 'многочисленный' (почему не *ofoki?*), *midukarano* 'свой', *nač(i)-no* 'какой' (от *nani* 'что') (примеры из G, с. 460). Примеры: *fokano koto* (G, с. 469) 'другие вещи'; *Sakino yo-no tikui ka*, *kono yo-no wa-kashi ka* (G, с. 460) 'Воздаяние за прежнюю жизнь или [наказание за] проступки в этой жизни?'; *matano fi-fa* (G, с. 2163) 'на другой день'.

Отсутствие относительных прилагательных среди спрягаемых слов КЯ приводит к появлению таких слов, как *sakino* 'прежний', *minatino* 'южный', *migino* 'правый' и т. п. Если *minati* 'юг' — имя, то *saki* во временному значении не существует. При замене *-по* на *-ni* получаются наречия со значением 'прежде', 'направо' и т. п., но некоторые подобные слова могут употребляться в функции обстоятельств и без оформления: *samatana* (G, с. 472) 'всячески', *midukara* (G, с. 1122) 'сам'.

-по (тогда еще нечасто) выступает и как оформленитель приложения: *kano sheuto-no warafa* (G, с. 2169) 'ее брат-мальчик'; *tenoto-no wotodo* 'почтенная кормилица' (*wotodo* 'сановник'); *Idureka Korenari-ga aruji-no kimi* (O, с. 159) 'Какая [из них] хозяйка [моего] Корэнари?'; *titi-no dainagon-fa...* (G, с. 2) '[Ее] отец-дайнагон...'.

Все эти случаи (и даже подлежащее, оформленное показателем *-по*) можно считать своеобразными определениями, выполняющими функцию ограничения значения определяемого (в том числе и сказуемого).

Наконец, *-по* может оформлять определение, морфологиче-

ски совпадающее с деепричастием: *woshinabeteno fito-dani* (G, с. 470) 'даже обычные люди'.

За *-по* и *-га* не могут следовать какие-либо частицы. Однако если слово с *-ло* образует квазиприлагательное, которое к тому же семантически субстантивируется, присоединение некоторых частиц возможно: *Asobasu yori natukashisa masaru-fa*, *iduko-po ka faberamu* (G, с. 473) 'Откуда возьмется тот, кто превосходит вас [по] проникновенности игры?'. Разумеется, можно считать, что здесь опущено слово *fito* 'человек', которое могло бы стоять между *-ло* и *-ха*.

Определение на *-ло* может относиться к служебному имени типа (кит.) *уаи* 'подобно' (широко внедрилось в художественную прозу): *Satoshi-по уаи-наги koto-domo-во...* (G, с. 465) 'То, что *похоже на* предостережение...'; *Waga womofu koto-fa, kokoro-po mama-ni то ye-utiide kikouenu wo...* (G, с. 470) '[Он] не смел и высказать свои помыслы, *какими* [они были] в [его] душе...'; *fito-no tame-ni то* (G, с. 1429) 'и из-за другого'; *miti-no manimani* (ISN, с. 165) 'по дороге'.

Но все эти нюансы не выходят за пределы единого значения *-ло*. Нельзя забывать, что *-по* в качестве субстантиватора тогда еще не было. Союзы *popi* и *node* появились лишь в новояпонском языке. В КЯЯ *-по* было едва ли не единственным показателем члена предложения, не превращавшимся в союз.

Сочетаемость падежных формантов с частичами. Основное различие между частичами КЯЯ и современного (кроме самого их состава, не во всем совпадающего) заключается в тенденции новояпонского языка передвинуть все частицы модального значения в конец предложения, поставить их после конечного предикатива. Но в КЯЯ они нередко располагались вслед за именными членами предложения (не только в стихах, но и в прозе). Это можно поставить в связь с наличием некоторых преформативов у глагола, впоследствии исчезнувших (запретительного *на* и префикса возможности *уе*). Поскольку модальные суффиксы предикативов располагались в конце, им уподобились и частицы со значением вопроса, восклицания, предположения и т. п. Но в КЯЯ их место в предложении не было столь строго определено. Нередко они входили в состав именных членов предложения. При этом конечное сказуемое принимало ту или иную конкретную форму. Так, вопросительные и восклицательные частицы *zo*, *kana*, *ka*, *ya*, *nati* употреблялись с определительной формой предикатива-сказуемого: *Suzuroni aranu* | *Tabine-во zo suru* (ISN, с. 175) 'Не случайный, видно, сон [мне] привиделся в пути' (*suru* 'делаю щи й'); *Shigure kamo* | *Nani-ni nuretaru* | *Tamoto zo to* | *Sadamekanete zo* | *Ware mo nagamuru* (ISN, с. 172) 'То ли от дождя — От чего же так мокры Рукава [мои]? Так и не сообразив, Я смотрю [на все в слезах]'; *Kono wonkata-но mii-same-во nomi zo, nafo wadurafashiku kokorogurushiu womofi-*

kikoyesashetamafikeru (G, с. 3—4) 'Только об упреках этой особы [он] изволил думать с беспокойством и тоской'; *Yasurafikanete* | *Kaferinishi kana* (ISN, с. 157) '[У тебя] не отдохнув, Возвращатился [я] домой' (*kana* обычно занимает конечную позицию).

При наличии в предложении частицы *koso* 'именно' конечное сказуемое принимало окончание условной основы (на *-e*); *Yukashiki koto-ni koso are* (G, с. 1512) 'Вот это интересно!'; *Woturu namida-fa* | *Ame-to koso fure* (ISN, с. 439) 'Падающие слезы Изливаются дождем'. Частица могла входить в состав подлежащего: *Woriwori uomikaketaru koso monoshiki koto-lare* (G, с. 62) 'Неприятно, что часто сочиняют [тебе стихи]'. Прилагательные при наличии *koso* имеют окончание *-kere*: *Womofiyari-kikoyuru koso imijikere* (ISN, с. 435) '[Я] сочувствую [вам] сильно'. Подобное согласование свойственно всем текстам эпохи. Оно могло отсутствовать, лишь если *koso* стояло после сказуемого или если предложение осталось незаконченным.

Вопрос о двойных падежах. В НЯЯ имя в любом локативном падеже (кроме падежа на *-ni*) может быть превращено в определение при помощи суффикса *-no*: *titi-karano tegami* 'письмо от отца'. Оба форманта сохраняют при этом свое значение. Такой чисто агглютинативный прием не характерен для КЯЯ. Если *-kara* и *-fe* были еще слишком новыми и малораспространенными формантами, чтобы сочетаться с *-no*, то относительно *-yori* и *-made* этого сказать нельзя. Однако в ряде случаев, где ожидался бы двойной падеж (например, *-yorino*), находим просто *-no*: *k'ai-no wonfumidomo* (G, с. 467) 'письма [из] столицы'; ... *futari jisha-no koto* (Коп XXX, 39) 'Рассказ [о] двух обладателях [книг]'; *Tiunagondono-no wonkaferi-bakari-fa* (G, с. 1628) 'Только письменный ответ г-ну тюнагону...' (в СЯЯ — *-eno*).

В Копо *ura-ni wo yoshe yo* (G, с. 464) 'Идите [на лодке] в эту бухту' нет двойных падежей, так как *wo* здесь — восклицательная частица.

Вопрос о вставке морфемы между корнем и падежным суффиксом. В СЯЯ можно вставить в такой позиции имя в скобках (пояснение) или же ту или иную служебную морфему. В КЯЯ между корнем и падежным формантом могут располагаться лишь суффикс множественности или ограничительная частица (*-bakari*, *-loti*, а также *-nado*, *-nagara*): *fora-yori 1—2 dan-bakari-wo fedatefe...* (Коп XIII, 2) 'отступя только на 1—2 дана от пещеры...'; *Kagoto-bakari-fa* | *Kakezu shimo araji* (G, с. 1691) 'Не обходится только без попреков'; *won-irafe-nado-wo dani*, *ye shitamafaneba...* (G, с. 1628) 'Так как [они] не могли даже дать ему ответ...'; *Koremitsu-nado-bakari-wo saburafashetamafu* (G, с. 484) 'Только Корэмиту и другим приказал служить себе в [дороге]'; *Yo-po tate-lotim-pi mo agazu* (G, с. 396) 'Это не только для света'.

Таким образом, вслед за корнем перед суффиксом падежа могут идти лишь такие элементы, которые уточняют лексическое значение корня. Морфемы модального или синтаксического значения в такой позиции не встречаются.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Хотя большая часть имен, обозначающих несколько однородных предметов, не сопровождается в текстах КЯЯ каким-либо аффиксом множественности и в целом можно считать, что категории множественного числа в нем нет (а следовательно, нет и категории единственного числа, поскольку основа без аффикса вовсе не обязательно обозначает единичный предмет), но все же четыре суффикса со значением множественности в нем были. Некоторые из них помимо значения множественности выражали отношение говорящего к обозначаемым именем предметам или лицам, различаясь по степени вежливости. Кроме того, значение множественности могло выражаться в КЯЯ редупликацией корня и префиксом *moro-*.

Суффикс *-ra*, обозначающий множественность или репрезентативность. Лишенный оттенка вежливости, в найденных примерах применяется в речи о своих или о низших: *Wateta ikanaru tumi wokashite* (G, с. 460) 'Какой же грех мы совершили?...'; *Turayukira-ga, kono yo-ni onajiku utarete kono koto-no toki-ni aferu wo nati yorokobinuru* (K, Предисловие) '[Мы] радуемся тому, что Цураюки и другие (составители антологий) родились в одном и том же веке и встретились во время этого дела' (пишет сам Цураюки); *Ki-no Turayuki... Kafuti-no Mitune, ...Mifu-no Tadaminera-ni ofosherarete...* (К, Предисловие) 'Ки-но Тураюки... Кафути-но Митунэ, Мибу-но Тадамина и другим было приказано...'; *Kono gokuninra wokashi-wo nashite* (Кон XIII, 10) 'Эти заключенные совершили преступления...'.

Суффикс множественности *-domo*. Встречался чаще других, особенно в «Гэндзи». Будучи почти нейтральным по степени вежливости, присоединялся к именам, обозначающим людей, а также абстрактные понятия (особенно часто к *koto* 'дело'): *amatomo* (G, с. 2165) 'монахини'; *kono woabitomo* (G, с. 2167), 'эти пожилые люди'; *koto-fara karadomo* (G, с. 2169) 'другие братья'; *kano wonnadomo-no ifikeru-fa*: «*Genji-no wonnishihepi figagotodomo-no majirite kikoyuru fa...*» (G, с. 1516) 'Та женщина (женщины?) сказала: «То, что о будущих поколениях рода Минамото существуют (букв. примешиваются) предвзятые мнения...». Вряд ли женщины говорили хором одно и то же. Скорее здесь утратила значения множественности комплексом «имя + -domo».

Этот суффикс присоединялся и к названиям неодушевленных

предметов: *wonfumidomo* (G, с. 467) 'письма'; *ine-no kuramati-domo-nado* (G, с. 466) 'склады риса и т. п.'; *kagedomo* 'тени'; *kotodomo* (G, с. 472) '[звуки] лютни'.

Суффикс *-bara*. Наиболее редкий, в дальнейшем исчезнувший. Как и *-domo*, не выражал ни вежливости, ни уничижения: *Deshibara-po naka-ni gen aru monodomo-wo yobi yoshetutu...* (G, с. 2166) 'Вызвав способных людей из учеников...'; *Fofushibara, dokkei-tukamataturi nado suru kōse-wō kiku-ni zo* (Ka) 'Когда услышали голоса, которыми проповедники читали сутры...'; *Wosoku kuru yatubara-wo mataji* (T, с. 17) 'Не буду ждать тех, которые запаздывают'; *Soko-yo tonari-narikeru miyabara-ni...* (Ishe, 57) 'В усадьбах, находившихся по соседству с этой...'; Тонобара *kazu-wo tukushite mairitamaferi* (ISN, с. 444) 'Сановники пришли в большом числе'; *Saritomo, suyatubara-wo, fitoshinami-nifa shifaberinami ya* (G, с. 745) 'Но разве [я] ставлю их (этих женщин) на одну доску?'; *Sono nokori-po yatukobara-fa...* (Kon XXIX, 5) 'Оставшиеся разбойники...'. Изредка *-bara* также могло терять значение множественности: *Kono tonobara-po shauzokudomo itigu-dutu, shiduki tokoro-ni torioke* (Kon, XXIX, 15) 'Перенеси одежду этого господина по одной в прохладное место!' (сюжет — обнаружение краденых мотков пряжи в шароварах подозреваемого — исключает значение множественности у данного имени).

Суффикс *-tati*. Наиболее вежливый. Применяется только при наименованиях высших и чужих: *furu gotati* (G, с. 1515) 'пожилые особы' (= 'дамы'); *woyatati* (G, с. 470) 'родители' (знатные люди); *kaitati* (G, с. 2) 'фрейлины'; *mikotati-nadomo* (G, с. 3) 'даже дети (императора)'; *wakagimitati* (G, с. 1522) 'знатные девицы'; *yorodu-po kamitati-ni* (G, с. 461) 'многим богам' (суффикс применен, хотя на множественность указывает определение). Иногда *-tati* входит в состав слова на правах корня, сохраняя как указание на множественность, так и на почтительность: *kandatime* (G, с. 2) 'придворные' (3-го ранга и выше) (<*kami* 'верх' + *tati*...). *Go-tati* состоит из префикса канго *go-* + суффикс *tati*, т. е. является таким абстрактным словом, которое не нуждается в уточняющем корне, — 'почтенные [особы]'; *kindati-mo* (G, с. 1520) 'и господа'.

Редупликация. Редупликация является одним из распространенных приемов слово- и формообразования в КЯЯ. Удвоение именного корня придает слову значение множественности: *Wingu:wingu:-yori* (Kon XIII, 10) 'из дворцов'; *kata gata-ni tukete* (G, с. 1522) 'об особах'; *wakaki fitobito-no kokotidomo* (G, с. 785) 'настроения молодых людей'; *Ito shitatakanaru midukarano ifafigotodomo kana. Mina wonowono wotofu koto-no mitimiti aramu kashi* (G, с. 784) 'Какие благие пожелания [для] меня! Пусть [у] всех нас будут свои пути чувства (=пусть у каждого из нас будет свой путь ...); *Yamayama tanitani-ni ikite* (Kon XIII, 3) 'Бродя по горам [и] долам...'; *won-tuboneitubone*

(Г, с. 1614) 'покои'; Nezame-nezame-ni *tono wasurez-shetu* (Г, с. 1929) 'Каждый раз просыпаясь, не забывал об этом'; *kono tukasatukasa-no monodomo* (Кон XXVIII, 5) 'люди из этих учреждений'; *yofiyofi-gotoni* (Ishe, 5) 'каждый вечер'; *Sokobaku-no kamikami atumarite...* (Sa, с. 488) 'Собрались многие боги...'.

Редуплицированное имя могло превращаться и в наречие или прилагательное: *kotogoto-naru* 'другие (провинции)'; *kotogoto* (от *koto* 'дело' в значении 'один') 'все'; 'совершенно'; *kotogotoshi* (Г, с. 1945) 'важный'; *monomonoshi* 'важный' (от *mono* 'вещь'); *tatemateshiki* (Г, с. 1654) 'серъезный' (о деле).

От редупликации следует отличать повторение слова в стилистических целях: *idutimo idutimo* (Т, с. 16) 'кто куда'; *ikanimo ikanimo* (Г, с. 1653) 'как бы то ни было'; *taremo taremo* 'все'; *idukata-ni mo idukata-ni mo yorite...* (Г, с. 2077) 'склоняясь то к одному, то к другому [поклоннику]'.

Изредка редупликации имен встречаются и в стихах: *Yamato-sato-no | Afare shiraruru | Kowegowe-ni...* (Г, с. 1661) 'В голосах [птиц], могущих понять прелест горного селения...'.

На множественность предметов, обозначаемых именем, можно было указать и при помощи редупликации основы определения к нему: *woriwokino on’asobi* (Г, с. 472) 'наши развлечения время от времени'; Моромороно *yama-wo mafari, umi-wo watarite, kuniguni-ni iki, tokorodokoro-no reigen-ni tawirite wokonafikeri* (Кон XIII, 1) 'Обходил многие горы, переправился через море, путешествовал по [разным] странам, совершал во многих местах чудеса'. Такие определения, как *iroirono, kusagusan, samazamano* 'различные', *sakizakino* 'прежние' и т. п., подразумевают множественность предметов, называемых определяемым.

Префикс *moro-*. На множественность предметов или явлений мог указывать изредка и префикс *moro-*: ...*shika zo | Morogowe-ni naku* (Г, с. 1626) '... олени кричат на разные голоса'; *morobito* 'много людей'. Существовало и определение *morono*: *Morono woto-wo kiku* (Кон XIII, 2) 'Слушаю многие звуки'; *Morono kuniguni-no reigen-no tokoro-wo...* (Кон XIII, 4) 'По чудесным местам многих провинций...'.

Создается впечатление, что средств выражения множественности было не так уж мало. В «Гэндзи» по крайней мере они употреблялись нередко, иногда даже по два в одном предложении. Однако в поэзии их обнаружить нелегко. Некоторое обилие указаний на множественность — скорее особенность повествовательного жанра (особенно романа). Но и там далеко не каждое слово со значением множественности снабжается указанием на нее: *Kaferu afida Narasaka-ni shite nusubito-ni afinu. Nusubito yorikite...* (Кон XII, 39) 'Когда [он] возвращался, на склоне Нара [он] повстречал разбойника/разбойников. Разбойник/разбойники приблизившись...'. Читатель еще не знает, сколько их было. Он узнает, что их было несколько, лишь ког-

да прочтет, что *nusubito ... mina nigete ininu* 'разбойник[и] все бежали'. Можно сказать, что в прозе аффиксы множественности чаще встречаются в речи от автора, чем в диалогах. Значит, сравнительное обилие суффиксов множественности (в прозе) или их недостаток (в поэзии) — явление стилистическое, жанровое.

Следует отметить также, что множественность и единичность в КЯ могли выражаться и лексически при помощи наречий и числительных: *Bau-ro uti-ni iti(fito?)-no zau witari*. Toshi *waduka fatati-bakari-nari* (Кон XIII, 1) 'В келье находился один монах. Лет [ему] было всего около 20'; *Iti-no maki-wo yotifatete...* (там же) 'Прочитав один свиток...'; *yotari Itutari-bakari shite faberinu* (G, с. 466) 'взял с собой только четырех-пятерых'; *Mireba fito fitor i nashi* (Кон XIII, 4) 'Смотрит — никого нет' (букв. 'людей [ни] одного нет').

ПРЕФИКСЫ ВЕЖЛИВОСТИ

В прозе (как в диалогах, так и в речи от автора) довольно часто используются префиксы *mi-* и *on/ofon-*, а также *go-* (канго) (все они пишутся одним и тем же иероглифом, поэтому в качестве материала можно использовать только примеры с фурiganой или в записи азбукой).

Префикс *mi-*. В основном лексикализовался [Ts, с. 494], войдя в состав имен, обозначающих высокопоставленных лиц, их родных, их действия и имущество: *Tama-po wono-ko-miko-safe umaretamafinu* (G, с. 2–3) '[У императора и наложницы] родился даже ребенок — сын, похожий на яшму'; *Susanowo-po mikoto* (K, Предисловие) 'бог Сусаново'; *migushi* (G, с. 1279) ' волосы'; *misasagi* 'курган', 'гробница'; *mifashi* (G, с. 1011) 'парадная лестница'; *miyuki* (T) 'высочайший выезд'; *Aki-po misora-wo* | *Nagamureba* (ISN, с. 156) 'Если смотреть на осенне небо'; *fakabakashiki miushiro mi shi nakereba...* (G, с. 2) 'так как [у нее] не было могущественного покровителя...'; *mikurafi* (G, с. 354) 'пост [при дворе]'; *ikera Fotoke-po mikenpi* (G, с. 784) 'страна живого Будды'; *misu* (Ts, с. 494) 'bamбуковая штора'; *miyasundokoro* (G, с. 5) 'наложница императора, мать его ребенка'; *mitubone* (G, с. 4) 'помещение фрейлины' (на территории дворца).

Префикс *mi-* присоединялся и к некоторым китаизмам: *mideshi* (G, с. 2165) 'ученик'; *mizufofudomo* (G, с. 1225, более японизированный вариант *mishifo*) буд. 'семидневные службы' (с 8-го января), *misau* (G) 'усадьба', 'поместье'; *midau* 'храм'; *mizaushi* 'покои', *mit'au* ' занавеска' [19, с. 493] и немногие другие. Ни одно из этих слов не сохранилось в СЯЯ. Префикс *mi-* передавал особо почтительное отношение.

Префикс *ofom i-/[w] ofon-/[w] on-/[w] o-*. Проис-

ходит из *ofo* 'великий'+*mi*. Процесс фонетического стирания префикса сопровождался, вероятно, и некоторым снижением степени вежливости, выражаемой им.

Обилие префиксов вежливости — жанровая особенность придворной художественной прозы. В стихах их почти нет (как нет и вежливых глаголов). В комментаторской литературе изредка применялся только префикс *mi*. *Wofomi*- применялся еще в начале эпохи, позже становится редким [19, с. 493]. В «Кондзяку» в новеллах о монахах префиксов вежливости почти нет, хотя глаголы вежливости встречаются.

Kano ofontoki-ni (К, Предисловие) 'в то благословенное время'; *Amateru ofonkami* (там же) 'богиня Аматэру (=Аматэрасу)'; *Nanifadu-no uta-fa mikado-no ofonfajime-nari* (там же) 'Песни жанра Нанифаду — это начало [прославления] государя'; *idure-no wofontoki-ni ka* (G, с. 1) 'в каком-то из царствований'; перед сложным канго: *wofon-geg'au-shitatafite* 'явившись людям' (о божестве).

Отмечают, что префикс *wofon* мог употребляться и как самостоятельное слово, если определяемое им имя было ясно из контекста и опускалось: *uti-no wofon* (Ya) 'августейшие [стихи]'; *tufi-no ife-no wofon* (G) 'парная верхняя [обувь]'.

Вариант *won-* — наиболее частый в издании «Гэндзи-моногатари» под ред. Канэко Мотоёми, хотя в некоторых рукописях этого памятника нет примеров написания его каной именно в таком виде [19, с. 494]. *Won-* агглютинируется как к именам, так и к наречиям: *wonkafarake* (G, с. 1004) 'глиняная посуда'; *wonsama-ni tagaferi* (G, с. 813) 'были неправы по отношению к господину'; *Kokora toshi fetamaferu* *wonnaka-ni...* (G, с. 815) 'А тут пока шли годы...'; *Wontomo-ni mawirinatu* (G, с. 463) 'Я уйду с вами!'; *wonkafeshi-ni* (G, с. 518) 'в ответ'. В «Гэндзи» *won-* встречается иногда по нескольку раз в одном предложении: *Samatama-ni wonkatagata-no wonnegafu-no kokorobafe-wo tukurashetamaferi* (G, с. 732) '[Он] велел сделать все так, чтобы пожелания дам были удовлетворены'.

Won- присоединялся и к канго: *wonsauzoku* (G, с. 724) 'одеяние'; *wonsukushe* буд. 'прошлая жизнь'; *won'youi* (G, с. 732) 'внимание'; *wonsheusoko* (G, с. 730) 'известия'.

Наконец, есть слова, префиксы которых традиционно читается /wJo-: *wotafe* (G, с. 733) 'перед' (дворцом, храмом, значительным лицом) [однако то же слово может читаться и *wottafe* (G, с. 732)], *wotodo* (G, с. 1006) 'флигель', а также 'важный чин'.

Вообще есть слова, употребленные то с префиксом *won-*, то с *mi*- . Трудно сказать, отражают ли такие написания в современных изданиях колебания в самом КЯЯ, или же это непоследовательность комментаторов.

Префикс *go-*. Корень канго *go* агглютинировался префиксально прежде всего к китайским (хотя в самом китайском

языке такое служебное употребление этого редкого в нем корня не отмечается). Видимо, это делалось по аналогии с префиксами *mi-*, *wofon-/won-*: *Mikuruma* 15, *gojen* 4-wi-5-wi-*gati-nite...* (G, c. 734) 'Возков 15, придворные — 4-го и 5-го рангов...' (те же чтения в G, c. 1762); *gotaimen* (G, c. 810) 'свидание' (носр. *wontaimen* — G, c. 1006); *Goran-jikuraburu ni ...* (G, c. 998) 'Когда изволили посмотреть и сравнить...'; *gogetbuki* (G, c. 1007) 'обряд инициации'; *gosan tafirakani* (S) 'чтобы роды [прошли] благополучно'; *gotati* (S) 'дамы' (слово из одних аффиксов!). Наконец, *go* могло употребляться и как имя собственное, имея определение к себе: *Wakasa-no go to ifikeru fito* (Ya, 15) 'Фрейлина по имени Го из Вакаса'.

СПРЯЖЕНИЕ

А. Глаголы. Каждый глагол в ЯЯ имеет парадигму словоформ, выражающих залоги, наклонения, виды, времена, синтаксические позиции, а также вежливость/грубость (если они специально отмечаются). Функционирование их в речи называется спряжением. Словоформы различаются в основном при помощи флексивных окончаний и суффиксов, хотя есть некоторое количество и агглютинативных формантов (*beshi*, *maji*, *na*). Хотя в глаголах ЯЯ не выражается число действующих лиц и они не имеют личных окончаний, система форм глагола была в КЯЯ весьма сложной, так как срединные формы глагола не только выражали глагольные категории, но также играли и союзную роль, указывая на характер связи между предложениями. Как и в других алтайских языках, финитные формы морфологически отличались от срединных. Все множество форм начинается, как правило, с корня, который не мог употребляться отдельно, имея согласный исход. Далее следует флексивное окончание, которое или замыкает собой формы (финитную, срединную, определительную), или вместе с корнем служит основой для более сложной формы.

Традиционно глаголы КЯЯ в зависимости от морфологических отличий простейших форм и основ группируются по следующим типам:

	1-е спряжение	2-е спряжение	
	Тип <i>toru</i> 'брать'	Тип <i>ari</i> 'быть'	Тип <i>tabu</i> 'есть'
I. Ирреальная основа	<i>tora-</i>	<i>ara-</i>	<i>tabe-</i>
II. Соединительная ос- нова/форма	<i>tori</i>	<i>ari</i>	<i>tabe</i>
III. Заключительная форма	<i>toru</i>	<i>ari</i>	<i>tabu</i>
IV. Определительная форма	<i>toru</i>	<i>aru</i>	<i>taburu</i>
V. Условная основа	<i>tore</i>	<i>are</i>	<i>tabure</i>

3-е спряжение	4-е спряжение	Неправильные глаголы	
<i>mitu</i> 'наполняться'	<i>miru</i> 'видеть'	<i>su</i> 'делать'	<i>ki</i> 'приходить'

I.	<i>miti-</i>	<i>mi-</i>	<i>she-</i>	<i>ko-</i>
II.	<i>miti</i>	<i>mi</i>	<i>shi</i>	<i>ki</i>
III.	<i>mitu</i>	<i>miru</i>	<i>su</i>	<i>ku</i>
IV.	<i>mituru</i>	<i>miru</i>	<i>suru</i>	<i>kuru</i>
V.	<i>miture</i>	<i>mire</i>	<i>sure</i>	<i>kure</i>

I. Ирреальная основа самостоятельно не употреблялась (исключение — *ko* 'приходи!', см. раздел «Повелительное наклонение»). К этой основе присоединялись форманты тех наклонений, которые обозначали неуверенность в реальности процесса, выражаемого корнем глагола, или же его отрицание вообще, а также форманты пассива и каузатива (как указывающие на то, что действие не совершается лицом, обозначаемым подлежащим).

II. Соединительная основа использовалась в качестве срединной формы (в КЯ не так уж часто), а также в качестве непоследнего компонента сложного глагола. К ней присоединялись видовые показатели *-pi* и *-tu*, а также суффиксы времен *-keri* и *-ki*, деепричастий *-te*, *-tutu*, *-nagara*, *-gatera*. Однако повелительное, запретительное, предположительное и отрицательно-предположительное наклонения ее не имеют.

III. Заключительная форма использовалась в качестве финального сказуемого изъявительного наклонения. Она могла предшествовать лишь немногим частицам (*to*, *ya*, *kashi*) и агглютинативным формантам наклонений. Это самая распространенная форма изъявительного наклонения в функции сказуемого главного предложения. Свои заключительные формы имеют все наклонения, времена и виды.

IV. Определительная форма служила сказуемым придаточного определительного предложения (изъявительного наклонения), а также главного при наличии в нем частиц *zo*, *ka*, *kana*, *pami*. Если в предложении были две частицы, одна из которых согласовывалась с заключительной формой, а другая с определительной, сказуемое принимало определительную форму. Без дополнительного оформления эта форма могла играть роль и причастия и в этом случае обозначать не только признак предмета по его действию («спящий человек»), но и самого деятеля («спящий»). Такое причастие могло выступать сказуемым членного предложения-подлежащего (или дополнения), оформляясь (в качестве члена главного предложения) формантом любого падежа, кроме родительного и притяжательного.

V. Условная основа при помощи суффикса *-ba* образовывала условно-причинно-временное деепричастие, а при помощи суффикса *-do[mo]* — уступительное. Кроме того, формы типа *tore* и *are* служили формой повелительного наклонения. При наличии

в предложении частицы *koso* конечное сказуемое принимало форму V основы соответствующего наклонения, вида и/или времени.

Б. Прилагательные. Как и в других языках Дальнего Востока, прилагательные в КЯЯ ближе к глаголам, чем к именам. Их словоформы выражают некоторые наклонения, времена, синтаксические позиции. Однако залоговых и видовых значений они не имеют, поскольку прилагательные обозначают более или менее стабильный признак, свойственный самому предмету. Есть и адъективные корни, применяющиеся в сложных словах на первом месте, но не имеющие словоформ: *nifti* (<*nipi*) 'новый'—*nifisu* 'новое жилище', *ki-/ko-/ku-* 'желтый'—*kogane* 'золото', *ko-* 'маленький' (<*ko-* 'ребенок'). Между такими корнями и прилагательными-словами нет резкой границы: основы большинства прилагательных способны выступать в качестве первого компонента сложного слова: *ofoji* 'дед' (*ofoshi* 'большой'), *ofoti* 'большая дорога' и многие другие, *akagane* 'красный металл'—'медь' (*akashi* 'красный') и т. п.

Прилагательные-слова имеют два типа спряжения: их словоформы выражают разные синтаксические позиции. Они отличаются только тем, что тип *atarashi* имеет словообразовательный формант *-shi*, а в типе *yoshi* окончания присоединяются непосредственно к корню:

	тип <i>yoshi</i> 'хороший'	тип <i>atarashi</i> 'новый'
I.	<i>yoki</i>	<i>atarashiku</i>
II.	<i>yoku</i>	<i>atarashiku</i>
III.	<i>yoshi</i>	<i>atarashi</i>
IV.	<i>yoki</i>	<i>atarashiki</i>
V.	<i>yokere</i>	<i>atarashikere</i>

Всего прилагательных этих типов в ЯЯ немногим более 400 (по подсчетам А. А. Холодовича [6]), простых глаголов — 2000 (по данным Миякэ [13]). Но несколько наклонений (должествовательно-потенциальное, желательное, дубитативное) имеют морфологически близкое к прилагательным спряжение, которое можно назвать адъективным. Кроме того, немало адъективных корней превращается в прилагательные при помощи связки *nari*. Их спряжение формально совпадает со спряжением глаголов подтипа *ari*.

Прилагательные типов *yoshi* и *atarashi*, а также наклонения с адъективным спряжением имеют формы условно-причинно-временных деепричастий (далее для краткости называемые условно-временными) и уступительных. Но многие формы наклонений и времен они образуют, предварительно слившись с глаголом *ari* 'быть'.

Естественно, что наиболее распространенные категории (гей-ствительный залог, изъявительное наклонение, непротивопоставляю-

дое время) выражаются обычно наиболее экономным образом — слевым формантом или же отрицательным — отсутствием показателя другой категории той же микросистемы.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

По частотности действительный залог во много раз превосходит другие залоги. Активные формы могут иметь нулевой суффикс. Тогда принадлежность глагола к числу переходных или непереходных может быть выявлена только синтаксически — по управлению: *kir-u* 'резать', *ki-r-u* 'надевать' — переходные глаголы, управляющие винительным падежом прямого дополнения; *-ni ir-u* 'входить в' — непереходный глагол, управляющий дательно-местным падежом; *sam-u* 'просыпаться' — непереходный глагол 2-го спряжения, не имеющий дополнений: *uitete zatenni* 'проснулся [от] сна'. Однако многие глаголы имеют морфологический показатель переходности *-s-*, совпадающий с показателем побудительного залога, или противопоставленный ему показатель непереходности *-r-*: *nosh-e/nos-u* 'погрузить, усаживать (в лодку, на лошадь)', но *-ni pog-u* 'садиться на (в)'. Это противопоставление настолько сильно, что, как в данной паре, может распространяться даже на корень. Видимо, это можно квалифицировать как так называемое наложение.

Хотя этот *-r-* материально совпадает с согласным показателем страдательного залога, но не всегда входит в состав корня именно непереходного глагола: *-wo kar-u* 'брать в долг', но *-wo kas-u* 'давать в долг'; *-wo wata-r-u* 'переправляться через', но *-wo wata-s-u* 'переправлять что/кого'. Однако противопоставленность семантики обоих вариантов корня остается ярко выраженной.

Есть и другие противопоставления: переходный *-s-* может противопоставляться «беглому» *-r-*, не входящему в корень в японском языке, ср. *sam-as-u* 'будить', но *sam-u/sam-e/sam-uru* 'пробуждаться'.

Переходность/непереходность могут выражаться и принадлежностью глаголов, составляющих пару, к разным спряжениям: *tat-u* (сред. форма *tati*) 'стоять', ' отправляться', но *tat-u* (сред. форма *tate*) 'ставить'.

И переходные, и непереходные глаголы разным образом принадлежат к действительному залогу. От них с одинаковым успехом могут быть образованы формы побудительного залога. От переходных и некоторых (правда, немногих) непереходных глаголов образуются и формы страдательного залога.

Изъявительное наклонение

В КЯЯ изъявительное наклонение выражается отрицательно — отсутствием показателя какого-либо другого наклонения. Будучи употреблены в главном предложении, формы изъявительного наклонения не могли относиться к будущему, которое мыслилось лишь предполагаемым.

Непредшествующее время. Широко применяется как в речи о настоящем, так и в речи о прошлых действиях или состояниях, если они не предшествовали следующим упоминаемым действиям или состояниям, а совершились одновременно с ними: *Ima-fa mukashi, gokurakuji to ifu tera ari* (Кон XIV, 35) 'Теперь [это уже] старина,— существует храм, который называют райским'. [Речь идет о далеком прошлом, однако, поскольку храм продолжает существовать на всем протяжении периода, о котором говорится, употребляется форма непредшествующего времени. В том же зacinе, если речь идет о человеке, применяется форма инвентива (см. ниже)]; *Wakaki-yogi oi-ni itaru made ... okotaru koto nashi* 'С молодых [лет] и до старости не было случая, когда бы [он] ленился...' (*itaru* 'доходить'); *Sono toki-ni ... ongaku-no oto ari* (там же) 'В это время раздались (букв. 'есть') звуки музыки'; *Ingwa-wo shiru ... yogi-fa Mida-no nembut-wo tonafu* '[Он] знал карму, ... по ногам читал молитвы будде Амида'. То же в придаточных временных предложениях: *Toshigoro-wo furu ni...* (Кон XV, 44) 'По мере того, как шли годы...' (*furu* 'проводить'); *Miti-wo yuki toki-nimo* (Кон XV, 45) 'И когда [он] ехал по дороге...'.

Когда речь идет о многократных действиях, форма непредшествующего времени может относиться и к предшествующему действию: *Tumi-wo tukuru fito digoku-ni wotu to ifu ...* (Кон XV, 47) 'Говорят, что люди, совершающие преступления, попадают в ад'. Но: *Tumi-wo tukureru fito-fa kanarazu digoku-ni woturi-nari* (там же) 'Люди, совершившие преступления, непременно попадают в ад'. [Связка *nari* присоединяется к глаголу в предложениях, содержащих объяснение. Здесь *wotu* 'попадают' выражает действие последующее, для передачи которого можно было бы использовать другое наклонение, но тогда значение неизбежности его наступления было бы ослаблено. Видимо, выражение формой изъявительного наклонения будущих действий, характерное для НЯЯ, началось с подобных конструкций, передающих значение многократности (часть преступников попала в ад в прошлом, остальные попадут в будущем)]; *Nembut-wo tonafureba kanarazu gokuraku-ni waujau-su* (там же) 'Если читаешь молитвы Будде, непременно возродишься в раю' (условное деепричастие изъявительного наклонения не дает указания на предшествование; в речи о будущем оно не употребляется).

Не следует думать, что подобное употребление в относительном значении свойственно форме на *-ni* глаголов и форме

на *-i* прилагательных только в памятниках, написанных книжным языком. И в более близких к разговорному наблюдается то же: ...*to... ifinasi wonna-to ari* (G, с. 1673) 'Нашлась и женщина, которая сказала...' (букв. '...так говорящая жёнщина есть') [*ari* имеет относительное значение одновременности, но *ifinasi* можно считать «историческим настоящим», т. е. безвременным употреблением формы]; ... *suso-wo kirite, ita-wo kakite yaru* (Ishe, 1) '...отрезав подол, пишет ей [на нем] стихотворение' (= 'написал').

Весьма часто форма на *-i* в речи о прошлом употребляется в придаточных предложениях в значении одновременности: *Nishi-no tai-ni sumu fito arikeli* (Ishe, 4) 'Был человек, который жил в западной части [столицы]; *Abara-naru itajiki-ni, tuki-no katabuki made fusherite...* (там же) 'Пролежав на гольых досках до [тех пор, пока] луна [не] зашла...'; *Yoru-no fonobonoto akuru ni, nakunaku kaferinikeri* (там же) 'Когда стало понемногу рассветать, со слезами возвратился домой' [*nakunaku* — наречие, образованное путем редупликации глагола *naku* 'плакать' в исследуемой форме;ср. *mirumiru* 'глядь-поглядь' (*miru* 'видеть'), *osoruosoru* 'со страхом' (*osoru* 'бояться'), *kafesugafesu* (Tu, с. 730) 'неоднократно', *yukiyuki* (Tosa, 28/XII) 'идя' (на корабле)]; *Ito kuraki ni wite yukikeri* (Ishe, 5) '[Он] увел [ее], когда [было] очень темно'; *Kami naru sawagi-ni ye-kikazarikeri*. *Yauyau yoru-to akeyuku ni, mireba, wite koshi wonna mo nashi* (там же) 'В грохоте грома [он] не мог [этого] расслышать. А когда наконец рассвело, смотрит,— женщины, которую [он] привел, нет' (*naru* 'грешить'); *Umidura-wo yuki ni, nami-no ito shiroku tatu-wo mite..* (Ishe, 7) 'Когда [он] шел по берегу моря, увидел, что вздымаются очень бурные (букв. 'белые') волны'; *Sono take-no naka-ni, moto fikaru fitosudi arikeli* (T, с. 1) 'Среди этих бамбуков оказался один, у которого светилось основание'; *Taketori-no okina, ... take-wo toru ni, ... kogane ari take-wo mitukuru koto kasanarinu. Kakute okina yauyau yutakani nariyuku*. *Kono tigo yashinafu fodoni, sukusukuto ofoki-ni narimasaru* (там же) 'Часто случалось, что когда дед Такэтори ... рубил (букв. берет) бамбук, [он] замечал бамбук, в котором было золото. Таким образом старик все больше богател (букв. богатым становился). Они воспитывали этого ребенка, [и он] постепенно вырос (букв. большим становится)'.

Е. М. Колпакчи отмечала следующие значения у форм типа *tor-i*: конкретное настоящее (обозначающее действие в момент речи, обычно в диалогах или стихах), общее настоящее (выражающее «обычность и постоянство, регулярную повторяемость» [1, с. 88]) и историческое настоящее [1, с. 90—92]. В своей книге она не касалась употребления времен в придаточных предложениях, отнеся этот вопрос к синтаксису. Но, как показано выше, даже выбор того или иного времени в главном

предложении зависит от соотношения двух действий, т. е. является в значительной мере синтаксическим.

При наличии двух и более однородных сказуемых в одном предложении лишь последнее из них может стоять в заключительной форме.

К срединным формам непредшествующего времени относятся соединительная форма (на *-i* или на *-e*) и многочисленные деепричастия, указывающие на неглавные (вспомогательные) действия того же лица или на действие придаточного предложения и характер его связи с последующим.

Соединительная форма обозначает действие, одинаково важное со следующим упоминаемым (как при общем дея-
теле, так и при разных дея-
телях): *Mina fitobito urefe nageku* (Tosa, 20/I) 'Все люди грустят и вздыхают'; *Kaje fuki nami arakereba* ... (Tosa, 27/I) 'Так как дует ветер и волны свирепы...'. Причинность, выражаемая деепричастием на *-ba*, относится и к действию, выражаемому соединительной формой. Проблема заключается в том, всякое ли временное, видовое и модальное значение какой-либо формы распространяется и на предшествующую ей соединительную форму. При ответе на этот вопрос следует исходить из наличия (или отсутствия) специальной соединительной формы в микросистеме форм той или иной грамматической категории спрягаемых слов. Так, совершенный вид ее не имеет, а завершенный имеет достаточно употребительную форму на *-te*. Отрицательное наклонение и также все наклонения, имеющие адъективное спряжение, имеют и срединную форму, а у императивных, а также предположительного и гипотетического наклонений ее нет. Инвентив, время воспоминания, наклонение видимости также лишены такой формы. Можно думать, что роль собственной соединительной формы играет в таких микросистемах форма изъявительного наклонения — морфологически она остается изъявительной, а по грамматическому значению приравнивается к следующей за ней модальной, временной или видовой форме (примеры см. ниже, в разделах, посвященных соответствующим категориям).

Соединительная основа уже тогда могла сочетаться с глаголом *su* 'делать'; *kadode-su* 'выходим из ворот'; *okuri-su* (Tosa, 21/XII) 'проводит'; *tuma-to fanamuke-su* (Tosa, 22/XII) 'устраивает проводы'; *watari-suru monodomo* (Sa, с. 523) 'переправляющиеся'. По этому образцу *su* стало присоединяться и к китайским корням (или к сочетаниям их, чаще двухкорневым): *fotoke-wo petu-ji-tatematurite* 'молясь Будде...' (о себе); *Fitobito kou-jite...* (Sa, с. 523) 'Люди, утомившиеся...'. Озвончение глухого (имеющее место обычно при одинарном корне) говорит о слиянии корня с *su* в одно слово. Помещение же между соединительной основой (или корнем канго) и *su* иной служебной морфемы, напротив, говорит об их расчлененности: *Monokufi*

nado suru fodo-ni shimo... (Sa, с. 523) 'И даже когда соверша-ли трапезу и прочее...'; *Farafe nado shite noboru* (Sa, с. 524) 'Совершив очищение и прочее, поднимаемся [в храм]'.

В КЯЯ была особая конструкция, состоящая из соединительной формы глагола + -ni + тот же глагол в той или иной форме. Вместе с предшествующим *tada* ('только') она обозначала настойчивое, энергичное, безудержное, иногда даже насильственное действие: *Tada naki-ni nakinu* (Кон XXIX, 17) 'Не стесняясь заплакали'; *Yufushifo tada miti-ni mitite ...* (Sa, с. 489) 'Вечерний прилив залил все на свете...'; *Koromo-wo tada toki-ni tokite sutetu* (Кон XXIX, 22) 'Поснимала одежду одну за другой и бросила [их на землю]'; *Wouna tada idetati-ni idetatitu* (Кон XXIX, 24) 'Женщина стала готовиться к отъезду' (только этим и занималась). *Idetatu* — сложный глагол. Однако в большинстве случаев используется соединительная форма лишь от первого компонента сложного глагола: *Yata-po naka-fe tada fiki-ni fikiirureba...* 'Когда [он] нахально тащил [ее] в глубь леса...'; *Fashiri-ni fashirite nigekeleba, miti-ni fashiri idenikeri* (Кон XXIX, 29) 'Побежала изо всех сил по дороге и скрылась'; *Kono shinishi fito-li tada uti-li utikakari-te...* (Кон XXIX, 19) 'Приблизившись, ничего не подозревая, к этому мертвому человеку...' [*uti-* может утрачивать свое лексическое значение ('быть') и служить как бы префиксом ряда глаголов, ср. *utifofowemite* (G, с. 34) 'улыбнувшись' и др. Но, как в данной конструкции, *uti-* сохраняет структурные свойства глагола].

Прилагательные имели соединительную форму на *-ku*: ...*to womofite, ureshiku tanomoshikute...* (Sa, с. 524) 'Подумав, что... [я] была рада и полна надежд...'. Суффикс *-te* нередко присоединяется к соединительной форме прилагательного, когда оно является последним в ряду однородных неокончательных сказуемых или единственным: *Ito faka-nakute yoru-wo akasu* (Sa, с. 527) 'Проводим ночь без всяких удобств' (наречие *ito* 'очень' примыкает к *faka-nakute* как к обстоятельственному комплексу). Форма на *-ku* употребляется и перед полусвязкой *nari* 'становиться': *Mi-po yamatfi ito womoku narite...* (Sa, с. 531) 'Телесные болезни стали очень тяжелыми...'. Та же форма на *-ku* используется в качестве наречия-обстоятельства: *Akatukigata-ro tuki, ito imijiku sumiwarite, yo-ni shirezu okashi.* (Sa, с. 527) 'Предрассветная луна, неведомая миру, светя очень ясно, красива'. В памятниках, особенно более поздних, *-k-* суффикса *-ku* нередко опускается, в основном именно в наречиях: *Imijiu kokorobosoku kanashikute, nagame akashi wabite, fisashiu wotodorenu fito-ni* (Sa, с. 534) 'Той, которая ужасно печальна и грустна, живет тоскуя и долго [меня] не навещала...'. Есть примеры выпадения *-k-* и в форме на *-kute*: *Ito imijiu wabishiku | wosoroshiute, yoru-wo akasu fodo, titoshe-wo sugusu kokoti-su* (Sa, с. 525) 'Так ужасно жутко и страшно,

что [у меня] такое ощущение, [будто] пока [я] провела ночь, [я] прожила тысячу лет'.

Условно-временно-причинное деепричастие образуется одинаково от глаголов всех спряжений при помощи форманта *-e-ba-*; оно применяется в следующих случаях:

а) при указании на многократно повторяющиеся процессы: *Natu-no figurashi* | *Nagamureba...* (Ishe, 44) 'Когда смотришь на летние сумерки...'; *Tokidoki maireba-niya...* (ISN, с. 424) 'Когда [я] иногда прихожу [к вам]'; *tune-no koto-nareba...* (Kon X, 36) 'как и обычно'; *Tateba tatu*, | *Wireba mata wiru* | *Fuku kaje to* | *Nami to fa omofu* (Tosa, 15/l) '[Я] думаю о дующем ветре и волнах, которые то поднимаются, то стихают';

б) при указании на реальное условие в настоящем: *Afu-ni shi kafeba...* (Ishe, 64) 'Если [я] меняю [осторожность] на встречи [с тобой]...';

в) при указании на одновременную причину в речи о постоянных процессах: *Miyako-fa firoki tokogo-nareba...* (G, с. 741) 'Так как столица — это обширное место...'; *Imijiki katafa-no areba...* (G, с. 742) 'Так как [у нее] есть огромный недостаток...';

г) при указании на одновременность или переход от действия придаточного к действию, выражаемому следующим глаголом, без перерыва в речи о прошлом: *Ye-ni koromo-wo nageitugeba, sunafati sono koromo shidumini* (Kon IX, 7) 'Когда [он] бросил одежду в реку, его одежды моментально утонули'; *Kurigureba tuyu-no Yadori-narikeri* (Ishe, 55) 'Когда стемнело, [это место] оказалось приютом росы'; ...*to tugureba* (Kon XI, 1) 'Когда [он] доложил...';

д) при указании на причину в речи о прошлом: *Sarinamu to suru keshiki areba, Yaushin yorite...* (Kon XIV, 44) 'Так как было видно, что [они] собираются уходить, Яусин, приблизившись, [спросил]' (= 'когда стало заметно, что...'); *Fafagimi-yori mo masarite kiyorani, titi wotodo-no won-tisudi-safe kuafareba ni ya, shina takaku utukushige-nari* (G, с. 742) '[Она] была прелестна, даже больше, чем мать, и — потому ли, что [тут] примешалась кровь отца — сановника, — имела благородную осанку и была красива' [*kiyorani* — соединительная форма прилагательных на *-nari*; *-takaku* — постпозитивное определение, по А. А. Холодовичу — соединительная форма прилагательных на *-ki*; *-ge* — распространенный формант прилагательных, имевший значение видимости проявления качества].

Прилагательные имели в этой форме суффикс *-kereba*: *Kado tifisakereba...* (S, VIII) 'Так как ворота [были] маленькими (=узкими)'; *Kokoro-wo mishetu yoshi-no nakereba...* (Ishe, 77) 'Так как нет средств показать сердца [людей]...'; *Woku-fa kurakute wosoroshikereba* (ISN, с. 422) 'Так как [в] глубине [комнаты] было темно и поэтому страшно...'; есть отдельные случаи применения этого деепричастия в гипотетическом смысле

ле: ...to *kikoyen* mo *ito* sakashikereba (ISN, с. 422) '...так как сказать ... было бы очень дерзко...'. Но примеров использования этой формы в речи о будущем найти не удалось.

В системе срединных форм деепричастие на *-eba* противопоставлено деепричастию на *-aba* предположительного наклонения, а деепричастие прилагательных на *-kereba* — деепричастию на *-kuba*.

Уступительное деепричастие образовывалось одинаково от всех глаголов при помощи форманта *-edo[mo]*: *Sawo sashe-do...* (Tosa, 27/XII) 'Хотя [я] погружаю шест...'; *Mikotati amata aedo...* (G, с. 256) 'Хотя детей [у меня] много...' (слова микадо). Большая часть собранных примеров относится к прошлому: *Oto-nifa kikedo...* (Т, с. 12) 'Слышать-то слышал, но...'; *Fumi-wo kakite yaredomo...* (Т, с. 3) 'Хотя и писали ей письма...' (*yagu* здесь 'посылать'); *Umi-fa aruredomo...* (Tosa, 9/I) 'Хотя море бушевало...'.

Примеров использования этого деепричастия в речи о будущем не найдено. Приводимый ниже стихотворный пример относится скорее к прошлому, так как сравнение фактически уже произведено (об этом же говорит и форма перфекта на *-eru*):

*Wofomidu-no
Kishi tukitaru ni
Kuraburedo
Fukaki kokoro-fa
Ware zo masareru*
(ISN, с. 407)

'С наводнением,
заливающим берега,
если даже сравнив
[мои] глубокие чувства,
перевес окажется на моей
[стороне].'

Прилагательные образовывали уступительное деепричастие при помощи сложного суффикса *-keredo[mo]*: *Miyuru koto-mo nakeredo...* (ISN, с. 424) 'Хотя бывает и так, что [вы] не показываетесь...'; *Na-fa nikukeredo...* (G, с. 259) 'Хотя название [этой мелодии] трудное...'; *Ito nikuki faradashikeredomo...* (S, с. VIII) 'Хотя [нам] было очень неприятно и досадно...'; *Mutukashikeredo...* (ISN, с. 411) 'Хотя [он] был недоволен...'; *Ito(f)shiu kurushikeredo...* (ISN, с. 446) 'Хотя [слышать это ему] было очень жучительно...'.

Соединительное деепричастие на *-lagara[mo]* чаще также имело уступительное значение: *Waga ko-no fotoke, fenge-no fito to mawoshinagara...* (Г, с. 3) 'Хотя о моей дочери говорят, что она дух, перевоплотившийся в человека...'; *Maki-no togutini | Tatinagara...* (ISN, с. 405) 'Стоя у входа в [твой дом]' (одновременное второстепенное действие); *Sono koto-wo shirinagara, imani fito-ni katara zu* (Kon X, 3) 'Хотя и знал это обстоятельство, другим [о нем] не рассказал'. От прилагательных: *Faru-po no-fa Farukenagaramo...* (Ya, 16) 'Хотя весеннее поле и далеко...'; *Mi-fa iyashinagara fafa nami miyanarikeru* (Ishe, 83) '[Его] мать, хотя [его] происхождение было низким, была принцессой'.

Суффикс *-nagara* присоединялся и к именам, особенно имеющим адъективное значение: *Tokifa-nagarani* | *Aki zo kanashiki* (Ya, 83) 'Хотя и вечен, осеню скорбен'; *futatu-nagara* (Коп XIV 6) 'вдвоем', 'обе'; *mikuruma-nagara* (ISN, с. 432) 'в эки-паже принца [находясь]'.

Соединительное деепричастие на *-tutu* обозначало одновременное (чаще второстепенное) действие: *Kaku ifitutu yuku ni...* (Tosa, 21/I) 'Когда [мы] плыли, разговаривая так...'; *Ori witutu yuku* (Ishe, 67) 'Шел спешившись'; *Nure tutu zo* | *Shiwite orituru* (Ishe, 79) 'Намокая [от дождя], через силу нарывал [вам цветов]'. Подлежащие у деепричастия и конечного глагола могут быть разными: *Sora-wo nagametutu aka-ku narinireba...* (ISN, с. 419) букв. 'Когда, глядя на небо, светло стало...'. В гипотетическом предложении: *Fita totome-tutu* | *Iribeki tonowō* (Ishe, 63) 'Нашел бы (букв. найдя) щель и проник бы [к тебе]!'. Иногда, впрочем, деепричастие означало скорее многократность: ...*to ifitutu nati* (Tosa, 11/I) '...так повторял'; *Urefe-шото nageki-шото, ikitaru шоуа-na-doni mikaftie ifati yaapi ifitutu zo kaferikeru* (Коп XXXI, 2) 'Высказывали [на могиле отца] свои горести и печали, как будто говорили с живым родителем, и возвращались домой'.

Соединительные деепричастия образуются только от основы изъявительного наклонения непредшествующего времени.

Срединная форма на *-ti* была уже вымирающей. Найдено лишь несколько примеров: *Kumorimi faremi* (Ishe, 65) 'То клубились облака, то было ясно'; *Nakimi warafimi shitamafu* (O, с. 121) 'То плакали, то смеялись'; *Nakimi warafimi katarafi akasu* (G, с. 1538) 'Проговорили они до рассвета, то плача, то смеясь'.

Омонимичный суффикс, присоединявшийся к корню прилагательного, имел причинное значение: *Kokoti ashimi shite* (Tosa, 9/I) 'Так как было плохое самочувствие...'; *Sato towomi* (Sa, с. 528) 'Так как деревня [друга] далека...'; *Ura wakami* (Ya, с. 121) 'Так как слишком молоды...'; *Itoma nati Kimi kimasazu fa...* (ISN, с. 438) 'Если ты не придешь из-за того, что у тебя нет времени...'. Видимо, и этот суффикс был уже архаичным, сохраняясь по традиции лишь в поэзии.

Инвентив (форма на *-keri*). Употреблялся широко в зачинах, вводя в ситуацию, обозначая начавшееся в прошлом состояние, послужившее фоном для последующих событий: *Mukashi wotoko arikeri* (Ishe, 95) 'В старину жил-был мужчина'. Такой зачин был нормой. Иногда он усложнялся: *Mukashi, O. to kikoyuru ofashikeri* (Ishe, 97) 'В старину изволил жить [человек,] называемый О' (*kikoysi* 'слышаться' имело значение 'говорить, называть'). Определительная форма на *-uru* (у 2-го спряжения) адекватна причастию в других языках. У глаголов 1-го спряжения она морфологически совпадала с заключительной, но отличалась от нее акцентуационно и инто-

национально (не имела падающей интонации, характерной для заключительного сказуемого). Глаголы типа *ari* имели заключительную форму на *-i*, а определительную на *-u* (сказанное относится и к форме на *-keri*, в которую *ari* входит этимологически): *Abaranaru kura-no arikeru ni* (Ishe, 6) '[Там] оказался полуразрушенный сарай'; *Toudaiji-ni sumikera ssei-ii...aute...* (Kon XIII, 3) 'Встретившись... с монахом, проживавшим в храме Тоудайдзи...'; *Kokoro-ukarikeru won-kokoro kana* (G, с. 2077) 'Вот какое тяжелое настроение [было у нее]!'.

При наличии в предложении частицы *-koso* 'именно' конечный гласный сказуемого менялся на *-e*: *Morokoshi-ni to, kakaru koto-no wokori-ii koso, yo to midare ashikarikere* (G, с. 2) 'И в Китае при возникновении подобных же обстоятельств свет пришел в смятение' (*ashikarikere* 'было плохо' — инвентив от прилагательного *ashiku+ari*).

При наличии нескольких видовых или модальных суффиксов *-keri* располагался на последнем месте. За ним могут следовать лишь форманты деепричастий: а) условно-временного деепричастия: ...*yo-wo maturigotikereba...* (Kon X, 1) 'Так как [он] управлял страной...'; *Fimegimi yoru-fa anatani watarashetamafikereba, fitobito tuki miru tote, koto watadono-ni uitotokete morogatari-suru fodo-narikeri* (G, с. 2082) 'Когда барышня ночью пришла туда, оказалось, что [это] было время, когда люди откровенно вели беседы в этой галерее под предлогом любования луной'; *Sore-ga ife madushikarikereba* (Kon XXIX, 20) 'Так как ее дом был беден...'; б) уступительного деепричастия: *Kano ife-ni ikite, tatazumi arikikeredo...* (T, с. 3) 'Хотя [они], придя к ее дому, то стояли, то ходили...'; *Ima-fa to yuki-wo, ito afare to omofikeredo, madushikereba, suru, waza-mo nakarikeri* (Ishe, 15) 'Хотя [он] очень жалел о том, что [она] сейчас уходит, но так как [он] был беден, ничего не мог поделать'; *Kafeshi okashikarikeredo, ye kikazu* (Ya, с. 65) 'Ответное стихотворение, хотя [оно] было интересным, [я] послушать не смог'.

Возможны два суффикса инвентива в одном сказуемом: ...*sannin-fa, sunafati kono kei-no arikeru narikeri* (Kon XIV, 31) 'Оказалось, что те трое... были именно этими сутрами'. Здесь четко проявляется основное значение формы — указание на прошлое действие/состояние, лишь ныне ставшее известным (понятным, обратившим на себя внимание).

Время воспоминания имело следующие показатели: опред. форма — *-shi*, заключит. форма — *-ki*, усл. основа — *-shika*. Наличие трех видов и инвентива сильно сокращало применение этого времени в текстах. В ряде новелл «Кондзяку» оно не встречается ни разу. В других встречается изредка: *Ware shinishi toki nifakani k'aun'okunaru fito yottari ittari kitarite, ware-wo wofite sumiyakani noyama-wo sugite fiklyukishi afidani, fito-no wofoinaru tera ari* (Kon XIII, 36) 'Когда я умер-

ла, внезапно явились четверо-пятеро могучих мужчин и погнали меня; а когда [они] провели [меня] быстро через долы и горы, показался (букв. есть) огромный храм'; *Naishi-no fati-no Namida nagareki* (T, с. 6) '[В поисках] священной каменной чаши слезы текли [ручьем]'; *Tada natu atusa-ni tafezu-shite kurogane-no fashira-wo natu tuneni idakishi* (Kon IX, 44) 'Только летом, не выдерживая жары, [я] всегда обнимала железный столб'; *Turaki kokoro-to Tameshi to zo mishি* (ISN, с. 139) '[Стоя перед твоей запертой дверью, я] увидел пример жестокосердия!'; *Mukashi, Shikwau-no yo-li ware T'aur'au-to tomo-ni yo-ni tukafete arishi toki, ware fito-wo korosu koto ariki* (Kon X, 3) 'В старину, в царствование Шихуана, когда я вместе с Чжан Ляном служил при дворе, случилось так, что я убил человека'; *Tempon-no mono-no... to mawoshishi-fa, T'au ga ikitarikeru-ga miyekeri narikeri* (Kon X, 4) 'Астролог сказал.., потому что [ему] было видно, как туда прибыл Чжан'; *Imijikarishi katati mo yauiyaku wotorofe, birei-narishi arisama mo kotogotoku kafarinikeri* (Kon X, 6) 'Даже [ее] стан, который былстроен, в конце концов согнулся, и черты лица, которые были красивы, все изменились'. Таким образом, прилагательные могут изменяться по временам (присоединяя к основе *ari* или — это касается именных — при помощи спряжения связки).

В целом, однако, форма этого времени применялась слишком редко, чтобы ее можно было считать противопоставленной форме типа *tor-u*. По Я마다 Ёсио, она выражала воспоминание без связи с периодом, принятым за основу временных отношений: *Ware faya miya-no soto-ni shite kafa-no nagare-ni asobishi ni, midu-no ufe-ni ki-no fa-no arishi-wo torite mishikaba kaki-no fa-no akaku momidi-shitarishi ni, wonna-no te-nite fito-no shi-wo kakitariki* (Kon X, 8) 'Когда я рано утром купался в струях реки за пределами дворца, [я] взял древесный лист, плывший (букв. бывший) по воде, и, когда посмотрел [на него, увидел, что] на покрасневшем листе хурмы женской рукой было написано стихотворение'; *Kuji-no satoshikarishi mo shiniki* (Kon X, 31) 'Кужи, хотя и был мудр, умер'.

При наличии ряда суффиксов *-ki/-shi* располагается после видовых и большинства модальных показателей. *-ki* не могло сочетаться с *-keri* в одной предикативной форме. Следовательно, они были противопоставлены.

Если в предложении есть частица *koso*, конечное сказуемое выступает в форме условной основы: *Wonnagimi mo shibashi koso shinobisugoshitamafishika* (Tu, с. 727) 'И дама тоже некоторое время тосковала'; *Sate mo maketamatafishi koso, ito itofoshikarishika* (G, с. 1538) 'То, что [она] уступила, очень жаль'.

В форме условно-временного деепричастия: ...*to kikishikaba...* (Ya, 32) 'Когда услышал, что...'; *Wite yuke to ifishikaba wite kitari* (Sa, с. 484) 'Когда [он] сказал «пойди приведи!», [тот] привел'; *Fitoyo-no sora-no keshiki-no afare-ni miyeshikaba...* (ISN,

с. 423) 'Когда (=так как) стало заметно, что [он] восхищается видом неба...'. От прилагательных: *Fito-no kokoro to ashikarishikaba, sarinishi nari* (Кон XI, 4) 'Когда (=так как) и сердца людей *стали плохими*, [я из Японии] уехал'; *Nasake nakarishikaba...* (G, с. 50) 'Так как [это] было бессердечно...'; *Imijiku kanashikarishikaba ...* (Sa, с. 506) 'Так как [ему] стало очень грустно...'.

В форме уступительного деепричастия: *Mitukafi-wo tabishikado...* (T, с. 24) 'Хотя [я] посыпал [к вам] гонца...'; *Nageki-fa itumo sheshikadomo...* (Ishe, 28) 'Хотя [я] всегда вздыхал [по цветам]...'; *Itu zo ya mo mairikite faberishikado ...* (ISN, с. 414) 'Хотя [я] иногда приходил [к вам]...'; *Arafani udōneriga idakite nigenishi-woba mishikadomo...* (Кон XXX, 8) 'Хотя [она] ясно видела, что паж схватил [барышню] и убежал...'.

Совершенный вид имеет следующие показатели: заключит форма — на *-ni*, опред. форма — на *-tigru*, усл. основа — на *-nigreba*. В большинстве случаев этот вид образовывался от непереходных глаголов: *Nige kakurete fukaki uata-ni irinu* (Кон IX, 44) 'Бежал и скрылся в недоступных горах (букв. *вшел в глубокие горы*)'; *Uti-ni kaferinu* (Кон IX, 45) 'Вернулся домой!'; *Tatimatinu Fourai-ni ikinu* 'Сразу же отправился на гору Фоурай'; ...*to ifiwa-warite sunafati shininu* (Кон X, 1) 'сказав.., сразу же умер'.

В безличных предложениях: *Figoro-w) furu afidani, kuru-ma-po uti kifamete kusaku narinu* (Кон X, 1) 'Прошло несколько дней, и в повозке *стало сильно вонять*'; с подлежащим не-лицом: *Yamafi sunafati iyepu* (Кон X, 23) 'Болезнь сразу же *прошла*'; *Tuki mo irinu* (G, с. 17) '[Вот] и луна *зашла*'; *Fi kuregata-ni narinu* (Кон X, 28) 'День *клонился* к вечеру'.

В определительных предложениях: *Ishi itaminuru fito-no tokoro-ni isogiyakite...* 'Врач поспешил к заболевшему человеку'; *Sono tokoro-ni itarinuru yamafi-wka ...* (Кон X, 28) 'Болезнь, достигшую этого места...'; *Kai-po shiduku-ni Sode zo nigerigu* (G, с. 1590) 'От брызг с весел *намокли* рукава'; *Nenuru yo-po Tuki-fa miru ya to* (ISN, с. 166) 'Смотрит ли [она] на луну [той] ночи, которую [мы] *проспали* [вместе]?'.

В условно-временных предложениях: *Figure-ni narinigreba, Renzaushei jin kaferinu* (Кон XIII, 39) 'Когда *стало* смеркаться, святой Рэнзау вернулся домой'; *Kono itamu fito tayeirinigreba...* (Кон X, 22) 'Когда этот больной человек *скончался*...'; *Kono wofouwo mo midu-po naka-ni fikiirinigreba miyegu narinu* (Кон X, 28) 'Когда и эта огромная рыба *ушла под воду*, [она] стала невидимой'; *Wofoku-po fito kano kuni-ni ikimukafinigreba, kuni-ni uti-ni fito nashi* 'Когда множество людей *направилось* в ту страну, в [этой] стране не осталось (букв. нет) людей'; в речи о будущем: *Inoti ushinafinigreba kokiwan-po kurafi mo yeki nashi* (Кон X, 31) 'Если будет утрачена [Ваша] жизнь, то и царский трон без пользы'.

В форме уступительного деепричастия: *Fana mo mina sakenuredo, woto mo shezu, wotofiwabite fana-wo worite yaru* (Sa, с. 491) 'Хотя все цветы расцвели, [он], не поднимая шума, в тоске наломал цветов и послал [ей]'; *Toshituki fedatarinuredo...* (G, с. 738) 'Хотя прошло много времени...'.

Как и прочие виды, совершенный вид имел соединительную основу (на *-ni*), которая, не употребляясь самостоятельно, применялась в позиции перед другим временным или модальным формантом. Так, инвентив совершенного вида оформлялся сложным суффиксом *-nikeri*, присоединявшимся почти к тем же глаголам, что и *-ni*: *Sono kura-ni nusubito futari iri-nikeri* 'В этот склад проникли два вора...'; *Suden i fito kinikeri* (Kon X, 32) 'Уже пришли люди, [которые могут нас схватить]'; *Kakute mo tukufi fenikeri* (G, с. 16) 'Так прошли месяцы [и] дни'; *Fodo mo naku karenikeri* (Ishe, 18) 'Не прошло [много] времени, как [он] охладел [к ней]'.

В определительной форме: *nebokenikeru kokoti-ni* (Tu, с. 730) 'спросонок'; ... *to ifikeru ni zo... ama-ni narite, yama-ni irite zo arikera* (Ishe, 59) 'Когда [он] сказал.., [она] вспомнила, стала монахиней и ушла в монастырь' (букв. 'вошла в горы'); *Ko, titi-ga kubi-wo torite, nigenikeru narami* (Kon X, 32) 'Наверно, сын бежал, захватив голову отца'; *Kotc-no-fa fukaku | Narinikeku kana* (ISN, с. 169) 'Оказывается, наши слова (=чувства) стали глубже'; *Yoru fukaku ikinikeru mo* (Tu, с. 695) 'Стал глубокой ночью'; *Taisha-ni farafarete idenikeru ga ...* (Kon XXIX, 19) 'Был освобожден по амнистии и вышел [из тюрьмы]...'.

В форме условно-временного деепричастия: *Makoton i tayeirinikerereba ...* (Ishe, 39) 'Так как [он] на самом деле потерял сознание...'; *Kono wotoko, nigete oku-ni kakurenikerereba...* (Ishe, 57) 'Когда [он] бежал и спрятался во внутренних комнатах...'; *Tamatata kono mi-i-ni makariirinikerereba...* (S, XIII) 'Так как [я] изредка вступал на этот путь (=занимался наукой)'; *Ito wobotukanaku parinikerereba ...* (ISN, с. 404) 'Так как [все это] оказалось очень сомнительным...'.

В форме уступительного деепричастия: *Sareba sougau-po kurafi-made narinikeredomo...* (Kon XIV, 1) 'И хотя он получил (букв. стал) даже высокий духовный сан...'.

Следовательно, присоединяясь к непереходным глаголам, сложный суффикс *-nikeri* указывал на действие/состояние, создающее новую ситуацию, с которой так или иначе должны были считаться действующие лица. Чаще всего это было исчезновение или появление кого-либо.

Сложный суффикс в ремени воспоминания (термин Я마다 Ёсио) совершенного вида *-niki* скорее указывал на прекращение данной ситуации: *Yamafi-ni wadurafishi fito ... tayeiriniki* (Kon X, 22) 'Человек, страдавший от болезни, ... скончался'; *Tuki mo mide | Neniki to ifishi | Fitc-no ufe-ni*

(ISN, с. 171) 'На человека, который сказал, что *проспал*, даже не видя луны...'; ...*no mon-ni shite korosareniki* (Kon X, 15) '[Он] был убит у ворот...']

При наличии в предложении частицы *koso* употреблялся суффикс *-nishika*: *Sono yo-no koto-ni kotodukete koso makarita-yenishika* (G, с. 54) 'Из-за того, что случилось в эту ночь, [я] *перестал* [у нее] *бывать*'.

В определительной форме: *Uti[i]de demo | Arinishi mono wo* (ISN, с. 400) 'Хотя [ты] *была* неискренней...'; *Sono nokori-woba ... wosamewokite nati kaferinishi* (Kon X, 22) 'А остаток их (денег)... положил и *вернулся* *домой*'; *Naka-no kimi-no wotmenoto-narishi fito-fa ushenishi ga...* (Tu, с. 728) 'Женщина, которая *была* [раньше] кормилицей среднего господина, скончалась...'.

В форме условно-временного деепричастия: *Meramerato yakenishikaba ...* (T, с. 15) 'Когда [шубка] *вспыхнула*...'; *Shin-no yo-no midarenishikaba...* (Kon X, 3) 'Когда в эпоху [династии] Цин *возникла* смута...'; *Ko-dainagon mo fafaufe mo, utituduki kakuretamafinishikaba...* (Tu, с. 726) 'Когда и покойный дайнагон (звание) и матушка один за другим перешли в мир иной (букв. *скрылись*)...'.

В форме уступительного деепричастия: *Kakurenishi | Tuki-fa megurite | Kinishikado...* (Ya, с. 97) 'Хотя скрывшаяся луна, обойдя [землю], *появилась* [вновь]...'.

Предшествуя суффиксу перфекта *-tarī* (см. ниже), *-pi* обозначает законченность непереходного действия, связанную с исчезновением (реже появлением) деятеля: *Fi kurenitari* (Kon XXIX, 9) 'День *померк*'; *Fi-fa yama-po fa-ni kakarinitari* (Sa, с. 523—524) 'Солнце *коснулось* края гор'; *Fimegimi ushetamafinitari* (Kon XXX, 8) 'Барышня *исчезла*'; *Kono tubara... sudeni ushenitari* (Kon X, 28) 'Этот кустарник ... уже *засох*'; но: *Yo-nifa narinitari* (Kon XXIX, 5) 'Наступила ночь' (букв. 'ночью *стало*'— безличное предложение); *Wounafafufafu noborinitari* (Kon X, 36) 'Женщина *ползком взобралась* [на гору]'.

В определительной форме: *Tume-po ito nagaku narinitaru-wo mite ...* (Tosa, 29/I) 'Заметив, что ногти *стали* очень длинными...'; *Won'yashiro-no maturi tikaku narinitaru nifa ...* (Kon XXIX, 17) 'Когда *приблизился* праздник в синтоистском храме...'; *Katunaduki | Yo-ni furinitaru | Shigure to ya* (ISN, с. 430) '[Вы думаете,] что [это] дождь, *который льет* на мир [в] октябре?'. После *koso*: *Yemon koso keshikarazu-narinitare* (O, с. 168) 'Емон *сделалась* злобной'.

В форме условно-временного деепричастия: *Ofokata-po tina agenitareba...* (Tosa, 16/II) 'Так как почти все [в саду] *пришло* в запустение...'; *Yoru fukenitareba...* (Kon XXIX, 14) 'Когда *настала* глубокая ночь...'.

В форме уступительного деепричастия: *Wotoko-fa mono-pi makariyukininitaredomo...* (Kon XXIX, 9) 'Хотя муж *ушел* за ве-

щами...'; *Fito mo ito yamigotonarazu, miyadukafe narenitaredo ...* (G, с. 1631) 'Хотя даже люди незнатные привыкают к службе во дворце...'.

Завершенный вид имел следующие показатели: заключительная форма на *-tu*, определительная форма на *-turu*, срединная форма на *-te*, условная основа на *-ture*. Большей частью он образуется от переходных глаголов: *Kaguyafime to tuketu* (Т, с. 2) 'Нарек [ее] Кагуяфимэ'; «*Yoki koto-nari*» to uketu (Т, с. 4) '«Хорошо (букв. хорошее дело есть)», — согласился [он] (букв. принял)'; *Tama-po ye to kafeshitu* (Т, с. 11) 'Вернула и драгоценную ветку'; *Uba fitorite yoku nomitu* (Коп X, 32) 'Отняв [хмельное], хорошенько выпили'; *Nifatori ... mugi-wo mina kufititu* (Коп X, 25) 'Куры ... съели все зерна'; ...*fako-no uti-ni wosamete okitu* (Коп X, 19) 'Положила [половинку зеркала] в шкатулку'.

В определительной форме: *Koti maude kituru* (Т, с. 10) '[Я] приехал сюда'; *Tatimatini midu-no naka-yori ukablideturu mo-no-nari* (Коп X, 28) 'Вдруг из воды что-то вынырнуло'; *Aritugu uta-no kafeshi* (Т, с. 11) 'В ответ на полученную (букв. бывшую) песню...'. Таким образом, есть случаи образования формы и от непереходных глаголов. Однако в них нельзя было заменить *-turu* на *-nuru*, так как последний формант обозначал совершенность действия, связанную с исчезновением предмета. Следовательно, в случаях появления его *-nuru* неприменимо: *Fumareturu-wo nageki kanashimi omofituru afida...* (Коп X, 14) 'Когда [я] думал, вздыхая и печалась о том, что [останки] попираются ногами...'.

При наличии частицы *koso*: *Kano shi-no kimi-no koto koso shikajika iifure* (О, с. 126) 'Об этой четвертой барышне [мне] сказали то-то'.

В форме условно-временного деепричастия: *Tenga-po midu-ufe to mawoshitureba ...* (Коп X, 4) 'Когда [мне] сказали, что [это] берега Небесной реки...'; *Makoto ka to Kikiue mitureba ...* (Т, с. 11) 'Слышала, что [эта драгоценность] настоящая, а когда взглянула...'.

В форме уступительного деепричастия: *Tutome arite wokotari nashi to womofituredomo ...* (Коп X, 31) 'Хотя [они] подумали, что служили, не пренебрегая своими обязанностями...'; *Kotoshi-bakarino itoma-wo mawoshi turedo ...* (Т, с. 31) 'Хотя [я] просила оставить [меня] здесь только на этот год...'.

Наиболее употребительной формой этого вида является соединительная (срединная) на *-te*. В отличие от формы совершенного вида (на *-ni*) она употребляется и самостоятельно, превратившись в деепричастие предшествования: *Fumi-wo firōgete mite, kaferigoto kaku* (Т, с. 12) 'Развернув письмо, прочитав (букв. посмотрев), пишет ответ'. Нередко получается цепочка из ряда деепричастий на *-te*: *Fako-ni iretamafite, mono-no yeda-ni tukete, ommi-no kesau ito itaku shite ...* (Т, с. 14) 'Вло-

жив в ящик, прикрепив к ветке какого-то [дерева], разодевшись очень нарядно, ... присовокупив сочиненное стихотворение, [принес]'. Проблема заключается в том, когда именно из формы вида произошла форма деепричастия предшествования. После этого оно стало столь же свободно образовываться и от непереходных глаголов.

Непереходные глаголы могли иметь форму на *-te* уже в самых ранних памятниках эпохи Хэйан: *Ife-no kado-ni mote itarite tateri. Taketori ide kite, tori irete Kaguufime-ni misu* (T, с. 14) 'Поднеся [ящик] к воротам дома, поставил. Такэтори, подойдя, берет, внеся [в дом], показывает Кагуяфимэ'.

Сравнительно редко к форме на *-te* присоединяются форманты прошедших времен: а) формант инвентива: *Sheusheu kafeshitamafitekeri* (Kon X, 8) 'Изволил вернуть [своих жен] родителям'; *Yagate ife-no uti-nite noshete wofidashitekeri* (Kon XXIX, 13) 'Дали [ему] немного поездить верхом во дворе дома, а потом прогнали'; *Ofoku-no fito koroshitekeru kokoro zo kashi* (T, с. 24) '[У нее] жестокое сердце, загубившее многих людей'; *Mikado kikoshimeshitekereba...* (Fa, с. 201) 'Когда мидадо [это] услышал...'; б) формант времени воспоминания: *Wonodukara miru koto mo ya aru tote nagashiteki* (Kon X, 8) 'В надежде, что и [она] сама, может статься, прочтет, *пустил по течению*'; *Ware irite to-fa sashiteki* (Kon XXIX, 3) 'Я, войдя, запер дверь'; *Midu-wo atafete nami tasuketeshi* (Kon X, 11) 'Дал [ему] воды и спас [его]'; *Munashiku koso are* (T, с. 25) 'А оказалось, что все это пустое'; *Fitokoto utifonomekashiteshikaba ...* (G, с. 1593) 'Если намекнули одним словом...'; *Nami takashi to-fa Miteshikado ...* (ISN, с. 411) 'Хотя и увидел, что волны высоки...'; *Toshigoro kau woboshiwokiteshikado ...* (G, с. 1553) 'Хотя годами думала так...'.

Перфект (на *-tari*) имел следующие показатели: заключительная форма — *-tari*, определительная форма — *-taru*, условно-временное деепричастие — *-tareba*, уступительное — *-taredo*.

Этимологически перфект представляет собой слияние срединной формы завершенного вида с вспомогательным глаголом *ari*. Этим объясняется и значение формы: процесс прошел (или начался) в прошлом, но результат его налицо — он сказывается и во время протекания следующих упоминаемых процессов.

Примеры: *Tabi-no onsugata-nagara ofashi tari*. 'Явился в дорожном костюме'; *Inoti-wo sutete, kano tama-lo ue motite kitari* (T, с. 7) 'Рискуя жизнью, привез ту жемчужную ветвь [и вот она]'; *ito omoshiroku sakitari* (Ishe, 8) '... очень красиво расцвели [швейцеры]'; *Miru ni tora fushitari* (Kon X, 17) 'Смотрит — лежит тигр'; *Ama-ni fi towō idetari* 'На небе взошли 10 солнц'; *Kokonotu-no fi-wō iwotoshitari* (Kon X, 16) 'Сбили, стреляя, 9 солнц'; *Sudeni 15nen-wo fetari* (Kon X, 24) '[Так они] провели уже 15 лет'; *Ragora-fa kitaritari ya* (Kon III, 30) 'Пришел ли Рагора?'.

В определительной форме: *Kifamaritaru kashikomari* (Т, с. 4) '[Я] испытываю крайнее стеснение' (мне так неловко!); *Itodo agetaru kokoti shite, tukikage-bakari zo, yafemugura-nimo sa-farazu sashiiritaru* (Г, с. 10) '[Усадьба] производила впечатление очень запущенной, только свет луны беспрепятственно проникал в заросли хмеля'; «*Yama-yori ssudu-no wonsheusokonite mawiritaru fito nami aru* to ifi iretari (Г, с. 2174) '«Тут человек, пришедший из монастыря (букв. из гор) с известием от помощника настоятеля», — так сказав, ввела [его]'; *Kaku kakiwokitaru-wo mite ...* (Ishe, 20) 'Взглянув на написанное так...'.

Перфект приобретает смысл отглагольного прилагательного, если качество, выражаемое формой на *-taru*, не является результатом какого-либо действия, а свойственно предмету постоянно: *tora-ni nitaru ifa* (Kon X, 17) 'скала, похожая на тигра'; *Magari yugamitaru fito-no ki ari* (Kon X, 12) 'Растет одно искривленное дерево'; *karameitaru yossofi-fa* (Г, с. 17) 'наряд китайского [фасона]'. Утратив конечный слог *-ru*, многие такие формы сохранились и в новояпонском языке. Они отчасти восполняют недостаток в прилагательных.

Перфект в форме условно-временного деепричастия: *Wara-fuda sashiidetareba, sudare-то moto-li tui wite* (Г, с. 2175) 'Когда [ему] протянули соломенную подстилку, [он] уселся у занавески, [за которой находилась монахиня]'; *Womono-nadofa ito farukavi woboshimeshitareba...* (Г, с. 18) 'К кушаньям отнесся [так, словно они были] очень далеко'; *Tokoro-li itaritareba...* (Kon X, 4) 'Когда прибыл на место...'.

В форме уступительного деепричастия: *Shita-fa ssokne-по kuni-made motomeke edomo...* (Kon X, 7) 'Хотя и искал — внизу вплоть до [самого] подземного царства...'; *Katati-wo yatushi-taredo ...* (Ishe, 103) 'Хотя [она] надела на себя [монашеские] одежды...'.

-tari нередко сочетается с другими суффиксами, следующими за ним: *Mukashi, otoko, mi-fa iyashikute, ito takaki fito-wo womofikaketarikeri* (Ishe, 92) 'В древности мужчина низкого звания влюбился в особу очень высокую'; *Yo-то naka-wo womofishiritarikeri* (Ishe, 101) '[Он] хорошо разбирался в мирских делах'; *Sono tokoro-и ye ari. Sono ye-ni renge wofitarikeri* (Kon XV, 53) 'В этой местности есть устье [реки]. В этом устье росли лотосы' ... *torite mikereba, kaki-no fa-то akaku momidi-shitaru-ni shi-wo kakitarikeri* (Kon X, 8) '...когда взял и посмотрел, оказалось, что на покрасневшем листе хурмы [кто-то] написал стихотворение'.

В определительной форме: ... *mukafi-li tatetarikeru kuru-ma-ni, wappa-то kafo-no shitasudare-yori fonokani miyekereba...* (Ishe, 98) 'Когда в повозке, которую поставили напротив, из-под занавески выглянуло женское лицо...'; *Sono fi-fa aruji mauke-shitarikeru* (Ishe, 101) 'В этот день хозяин устроил пир';

Mata Tan-ni watarite Kauzan-ni ikitarikera ni... (Kon, XI, 1) 'Когда [она] снова поехала в Танский [Китай] и прибыла на гору Хэншань...'.

В форме условно-временного деепричастия: *Kanete koto mi-na ofoshetarikereba...* (T, c. 7) 'Так как [он] все *приказал* заранее...'; *Wonna, mi-ni kasa fitotu futatu idetarikereba ifiokoshetaru* (Ishe, 95) 'Так как у женщины на теле *вскочили* один-два фурункула, [она] послала [ему] сказать'; *Weshi sore-ni fukerite tutanaki katati-woto yoku kakinashite motte mawiritarikereba...* (Kon X, 5) 'Когда художники, поддавшись на это (на подкупы), даже невзрачные фигуры нарисовали красивыми и *принесли* [эти портреты]...'; *Kata futagaritarikereba ...* (Ya, c. 97) 'Так как [в эту] сторону *ходить было нельзя*...' (т. е. по приметам опасно было ходить в ту сторону).

В форме уступительного деепричастия: *Fi-to kurerikereba, ushi-wo wo fite ife-ni kaferikitarikeredomo...* (Kon XXIX, 38) 'Хотя когда стемнело, [пастушок,] гоня коров, *вернулся домой*...' (производный глагол *kitari* 'приходить' появился в результате лексикализации формы перфекта на *-tari* от глагола *ku*).

Таким образом, сложная форма на *-tariker-* выражает перфект-инвентив (т. е. сумму значений их суффиксов): действие совершено ранее, но проявилось (т. е. о нем узнали) позднее. Если же действие (или его результат) было актуально для какого-то прошлого момента, о котором во время рассказа говорящий только вспоминает, употреблялась форма на *-tariki*: *Noti-ni mata sono kafa-no fotori-ri ikitarishi ni, ifa-no atari-ni nagaretamaritaru ki-no fa-wo toriagete mishikaba, fito-no shi-wo tada kaki-no fa-ni kakitariki* (Kon X, 8) 'Затем, когда [я] снова *пошла* к этой реке, подняла древесный лист из приплывших и скопившихся у скалы, [я] *увидела*, что кто-то (букв. человек) прямо на [этом] листе хурмы *написал стихотворение*'; *Kari, waishau-ni tobikitarite, sono kaki-wo tenwai-ni tukaumataritariki* (Kon X, 30) 'Гусь полетел во дворец и *доставил* эту записку царю'.

В определительной форме: *Fafa-fa ikitarishi toki, fuku-fa wo foku tumi-fa suku nakanishi ni ...* (Kon IX, 14) 'Когда мать *была жива*, добрых дел [у нее] было много, а грехов мало'; *Kakuretarishi toku areba arafaretararu shirushi arite...* (Kon X, 22) 'Если есть *скрытая* добродетель, есть и признаки, по которым [она] проявляется'; *Funtoki, Koremoti-ga fure-no okigetarishi ...* (Tosa, 12/l) 'Опоздавшие лодки Фунтоки [и] Корэмоти...'.

При наличии частицы *koso*: *Imijiu medetakaran to koso omofitarishi ka* (S, 87) '[Мне этот рассвет] показался таким прекрасным'.

В форме условно-временного деепричастия: *Wa-to shi mata notini ware mituketarishi kaba, imari waga moto-ni ari* (Kon X, 8) 'Так как я *нашла* потом и ответное стихотворение, [оно]

теперь хранится у меня'; *Kafagoromo-fa fi-ni kubete yakitarishikaba...* (Т, с. 15) 'Когда шубку бросили в огонь и сожгли...'; *Ikei-wo wokoshetarishikaba, waga tamashifi yarite toritaru nari* (Kon XI, 1) 'Когда [оны] послали [мне] другие сутры, мой дух принял [их]'.

В форме уступительного деепричастия: *Take-po naka-yori mituke-kikoyetarishikado...* (Т, с. 28) 'Хотя [я] нашел [тебя] в бамбуке...'; *Dainagon-po mimoto-ni, kono mitoshe bakari wofashitarishikadomo...* (Ти, с. 729) 'Хотя [оны] прожили у дайна-гона только эти три года...'; «*Kanagazi shau arubeshi» to wofoshekudasaretarishikadomo* (Kon XXIX, 8) '...хотя и был приказ: «Непременно будет награда»' (придаточное после главного).

Наконец, хотя и не часто, *-tari* сочетается с *-tu*. Между тем этимологически тот же формант (*-te*) присутствует уже в самом *-tari* (<*te+ari*). Следовательно, сначала он должен был быть забыт, а потом уже могла появиться возможность вторичного присоединения *-tu*: ...*to notamafashetaritu* (G, с. 2021) '...так [он] изволил говорить'.

При наличии частицы *koso* применялась условная основа: *Shiroki afashe fitotu-wo koso kite witarituge* (О, с. 49) '[На ней] надето одно белое (некрашеное) платье'.

В определительной форме: *Sono fafa-no kizutukeragetarituru katati-ni miafasuru ni tigafu koto nashi* (Kon IX, 17) 'Когда сопоставила [ее вид] с видом своей раненой матери, никакой разницы [не оказалось]' (мать тут уже не присутствует); *Taisheu-no kimi anagatini sasofitamafitureba, Nagashe-fe mawitarituru fodo-no koto-nado kataritamafu ni...* (Ти, с. 727) 'Когда господин полководец стал [его] настойчиво приглашать, говорит, что *приехал* в Нагасе и т. п.>'; *Ife-ni aduketarituru fito-no kokoro mo, aretaru narikeri* (Tosa 16/II) 'Оказывается, и совести человека, которому было поручено [присматривать] за домом, тоже много не хватало'; *Kono mafe-ni witarituru n'oubau fitori-dutu tatite...* (Kon XXIX, 4) 'Находившиеся здесь ранее женщины одна за другой (букв. по одной) вышли...'; *Ware-fa petarituru ni...* (Kon XXIX, 40) 'Когда я заснула...'.

В форме условно-временного деепричастия: *Kano shonpa-no motoni waga yukitaritureba ...* 'Когда я *пришел* к той женщине...'; ... *to ifite, fikisamatageteritureba...* (Kon XXXI, 10) 'Когда [жена], говоря .., *воспрепятствовала* [нам]...'.

В форме уступительного деепричастия: *Sa-bakari asamashiu fikiyufite utiyaritarituredo...* (G, с. 2104) 'Хотя [ее волосы во время болезни] были просто *стянуты* пучком...'.

Перфект (на *-eri*) образуется только от глаголов типа *tor-i* и неправильного глагола *su* 'делать' (*sheri*). Этимологически восходит к соединительной основе + вспомогательный глагол *ari* 'быть' (-i+a-=e). Изменяется в предложении как глагол *ari*: определительная форма имеет формант *-ergi*, соедини-

тельная форма — *-eri*, условная основа — *-ere*. Обозначает действие, результат которого сохраняется в момент, о котором идет речь: *Nafo ofominato-ni tomagari* (Tosa, 2/I) 'Все еще стоим в «Большой гавани»' (стали на якорь и ждем погоды); *Yauka to ifu asa-ni idetamaferi* 'Вышел [из комнаты] наутро восьмого дня'; *Kono kei mo fitomaki-ni kakeri* (Kon XI, 1) 'Эту сутру тоже написали на одном свитке' (т. е. она была написана); *Foko-wo toreri* (Kon X, 15) '[В руках он] держал пику'; *Kusagusano urufashiki ruri-wo irofete tukureri* (T, 13) 'Сделали всевозможные красивые инкрустации'.

В определительной форме: *Otomiwabite* уотегу (Ishe, 92) 'Тоскуя, сложил [так]' (далее следует само стихотворение, т. е. на лицо субстантивация: 'то, что сочинили, представляет собой то-то и то-то'); ...погеги *otoko-po* уотегу (Ishe, 38) 'Тогда сидевший [в экипаже] мужчина так сложил'; *Tigireru koto* ауатагегу *fito-ni...* (Ishe, 122) 'Той, которая нарушила то, в чем клялась...'; *We-ni kakeru* (G, с. 17) 'Написанная на картине'; *Kuta naku sumeru* (ISN, с. 169) '[Луна,] сияющая ясно' (так, что нет [темных] углов); *Wofoshe-wo kaiturite kitageli nari* (Kon X, 4) 'Получив приказ, прибыл сюда'.

В форме условно-временного деепричастия: *Tata-po wo-wo | Awa-wo-ni yorite | Musubereba...* (Ishe, 34) 'Так как [мы] завязали крепким узлом ожерелье...'. Условная основа применяется в конечной позиции при наличии в предложении частицы *koso*: ...*to Na-ni koso tatere* (Ishe, 47) '[Это] такая слава пошла [обо мне]'.

В форме уступительного деепричастия: *Kaku taimaturederomo, mofara kaje yamade ...* (Tosa, 5/II) 'Хотя так и преподнесли, но ветер нисколько не стих...'.

Подобно форме на *-tari*, форма на *-eri* принимает еще видовременные суффиксы: *Ito omoshirou sakerikeri* (Ishe, 79) 'Оказывается, [глицинии] расцвели очень красиво!'; *Sono wonna, yo-no fito-ni fa masarerikeri* (Ishe, 2) 'Эта женщина превосходила других людей'; *Yamatouta, aruji to, maraudo to, koto-fito to ifiaferikeri* (Tosa, 26/XII) 'Японские стихи и хозяин, и гость, и другие произносили наперебой'. В определительной форме: *Kaferu sakino kami-po yomerikeru* (Tosa, 26/XII) 'Возвращающийся прежний правитель сложил так'; *Wonna-po kata-ni, we kaku fito narikereba, afugi-ni kaki-ni yagerikeru wo...* (Ishe, 94) 'К женщине, так как [она] умела рисовать, послал нарисовать на веере, но...'. После *koso*: ...*fimegimi koso, ito you woboyete wofiidesashetamaferikere* (G, с. 22) '...именно [эта] барышня выросла очень похожей [на нее]'.

В форме условно-временного деепричастия: *Funayakata-ni sashifasamerikereba...* (Tosa, 1/I) 'Так как [травы] заткнули под крышу судна...'; ...*to iferikereba, yomite yaru* (Ishe, 45) 'Когда [он] сказал [в письме], что ... [адресат] сложил [стихи] и послал ему'.

В форме уступительного деепричастия: *Mikado-no afashe-tukamaturi-tamaferikeredo...* (Ya, 12) 'Хотя микадо соизволил встретиться [с ней]...'

С суффиксом времени воспоминания: *Ito omoshiroki ishi tatemureriki* (Ishe, 77) 'Нам преподнесли очень красивый камень'; *Morono koto-wo kokoro-ni makashetamaferiki* (Kon X, 1) 'Многие дела решал по произволу'.

В определительной форме: *Mawirerishi tukafi-fa...* (G, с. 467) 'Пришедший из столицы гонец...'; *Sono katati ikitamaferishi gotoshi* 'На вид [оны] были как живые'; *Mafeni maishi-ga mote kitarerishi ... kei nari* (Kon XI, 1) '[Это были] сутры, которые она привезла раньше'. После *koso*: ...*kusagami-wo koso, miyo tote okoshetamaferishika* (G, с. 780—781) '...именно [его] письмо [она] прислала [мне], чтобы [я] прочла'. В форме условно-временного деепричастия: *Ofomiyuki-po noti tatemurerishikaba* (Ishe, 77) 'Так как [камень] преподнесли нам после высочайшего визита...'; *Titifafa ... yorodu-wo kokoro-ni takashetamaferishikaba...* (Kon IX, 18) 'Так как родители ... доверяли [мне] во всем...'.

В форме уступительного деепричастия: *Ito rautaki mono-ni womosikikoyetamaferishikado...* (G, с. 141) 'Хотя [Юфугири] считали очень симпатичным...'.

Завершенный вид от перфекта на *-eri* представлен отдельными формами. Определительная: *Toribe-no tera-ni maude tamaferituru fodo-ni...* (Kon XIX, 22) 'Когда госпожа совершила паломничество в храм Торибэ...'. Срединная: *Aru fito kikifuke-rite yomeri* (Tosa, 18/I) 'Один человек внимательно вслушался и сложил [так]'. Условно-временное деепричастие: *Nifakani notaferitureba...* (O, с. 70) 'Так как [вы] сообщили [мне о том, что вам нужно], неожиданно...'.

Отрицательное наклонение

Первой, кто признал наличие отрицательного наклонения, была Е. М. Колпакчи [см. 1, с. 202—212]. Те, кто включают его формы в изъявительное наклонение, учитывают только один общий у них семантический компонент — категоричность, но не учитывают, что они противопоставлены как по значению — по главному семантическому компоненту «негативность/позитивность», так и морфологически. То есть в отличие от подавляющего большинства индоевропейских, алтайских и индонезийских языков ЯЯ имеет синтетические формы для каждого негативного наклонения особо.

Непредшествующее время отрицательного наклонения имело заключительную форму на *-zu*, определительную форму на *-pi* (супплетив), срединную форму на *-zu/-de*, условную основу на *-ne*. Обладая категоричностью, эти формы не

могли применяться в речи о будущем (подобно изъявительному наклонению). Они могли обозначать: а) процесс, не имеющий места в настоящем: *Mada makarazu* (Tosa, 7/I) '[Я] еще не ухожу' (т. е. удаляюсь лишь временно); б) процесс (состояние), не имеющий места периодически: *Ware kore-wo wotofu ni kokoro yasukarazu* (Kon IX, 12) 'Когда я думаю об этом, [мое] сердце *неспокойно*' (т. е. прилагательные образуют форму этого наклонения, присоединяя сначала вспомогательный глагол *-ara*); в) процесс, вообще не имеющий места: *Kokoro-ni mo shitagafazu nati aru* (T, c. 3) '[Она моей] воле не подчиняется'; *Wonore-fa kimi-no wosoroshi to woboshimesubeki mi-ni mo saburafazu* (Kon XXIX, 4) 'Я не тот человек, которого вы должны страшиться'; г) процесс, не имевший места в прошлом, о котором рассказывается: *Ware kore-wo shirazu* (Kon X, 3) 'Я этого *не знал*' (а теперь знаю); *Kokiwa-i-ni kaferatu koto-wo kofu ni sarani* yurusazu (Kon X, 39) 'Просил у царя разрешения вернуться [на родину], но [тот] никак *не разрешал*' (но потом разрешил с определенным условием); *Tikaku fa imada tukaitsmaturazu* (Ishe, 77) 'Вблизи еще *не приходилось служить* Вам' (а теперь я рад этой возможности); *Aru toki-ni nani ka nanaou idetamafazu to-wo todite woto-woto kikazu* (Kon XI, 1) 'Однажды [он] *не выходил* [из комнаты] семь дней [и] семь ночей; дверь закрыл, даже звуков *не [было] слышно*' (а потом все-таки вышел); *Sa koso ife, mada wofiyarazu* (Ishe, 39) 'Хотя так говорил, но еще *не прогонял*' (потом прогнал). Формально такие предложения ничем не отличаются от тех, в которых речь идет о действиях, вовсе не имевших места (ни в то время, о котором рассказывается, ни после): *Motome shimo okazu* (Tosa, 1/1) 'Загодя *не запасли*' (а теперь в плавании овощей не достать); «*Nanji kono tou-woba shiru ya ina ya* to, *Douyei* «*Shirazu*» to *kotafu*» (Kon XIII, 7) '«Ты знаешь эту пагоду или нет?». — Доуей отвечает: «*Не знаю*»; *Arazu* (S, VIII) 'Нет' (от *ari* 'быть'); *Nusumi nusumazu-fa shirazu* (Kon XXIX, 9) 'Не знаю, украл ли [он] или *не украл*'; *Mono mo ifazu* (G, c. 38) '[Но] *ничего не сказал*'.

Та же, по сути, форма на *-zu* применялась и в срединной позиции. Обычно ее считают омонимичной формой по аналогии с другими наклонениями, имеющими особую срединную форму. Однако форма на *-zu* скорее похожа на глагол *ari* 'имеется', не различающий морфологически заключительной и срединной форм: *Wotoko -fa uke kirafazu* (T, c. 2) 'И мужчины приглашали без разбора'; *Kokoro aru mono-fa fadizu zo nan kikeru* (Tosa, 23/XII) 'Люди с понятием, *не стесняясь*, пришли'; *Fito shirezu* (ISN, c. 168) 'Чтоб никто *не знал*'; *Jen'aku-wo yegabazu* (Kon X, 15) 'Не различая правого и виноватого'.

Легко заметить, что такая срединная форма не выражает грамматического времени и служит не столько неокончательным сказуемым, сколько ингредиентом обстоятельственных словосо-

четаний. Такая тенденция приводит к превращению форм на -*zu* от некоторых глаголов в наречия: *kanarazu* (Т, с. 24) 'не-пременно'; *tayezu* 'непрерывно'; *Fitobito tayezu toburaifi-ni ku* (Tosa, 5/1) 'Люди непрерывно приходят навестить'.

Обстоятельственное значение имеет и распространенная концовка *kagiri nashi* букв. 'предела нет'; *nashi* — отрицательное прилагательное — не обозначает здесь отсутствия действия (как в концовке *koto nashi* 'нет того, чтобы'); *yogokobi koto kagiri nashi* (Kon) '[они] радовались беспредельно', 'радости [их] не было предела'.

Может быть, именно поэтому для выражения равноправного срединного сказуемого формы на -*zu* оказывалось в ряде случаев недостаточно. Нередко к ней присовокупляется *shite*: *shinazu shite ari* (Kon X, 30) 'не умер — жив!'; *Midi, kusa-wo nomi kufazu shite shininu* (Kon XI, 1) букв. '[Лошадь,] воду, траву [не] пивши, не евши, подохла'. Здесь значение отрицания распространяется и на срединную форму *nomi*, которая именно для этого поставлена рядом с *kufazu* 'не евши'. Если бы поставить слова в этом предложении в обычном порядке (*Midi-wo nomi, kusa-wo kufazu...*), изменился бы смысл: 'Воду пила, а травы не ела...'. [Об инверсии в «Konjaku» см. специальную статью Ооцубо Хэйдзи («Kokugogaku», № 99, декабрь 1974 г.)].

Arazu, управляя дательным предикативным, служит отрицательной полусвязкой: *Sarani waga tumi-ni arazu* (Kon IX, 22) '[Это] совсем не моя вина'; *Kuni-po shaui-ni mo arazu* (Kon X, 10) '[Он] и не правитель страны (провинции)'; *Kenzoku amata-ni arazu shite...* (Kon X, 3) 'С небольшим числом воинов...' (букв. 'войны множеством не будучи'). При выпадении *i* получается *nagazu* — форма отрицательного наклонения связки *nari*: *Kore-nagazu ofokaredomo, kakazu* (Tosa, 9/I) 'Хотя было много [песен] и кроме (букв. не будучи) этой, [я их] не записываю (=не записал)'.

Форма на -*zu* в речи о прошлом применялась в тех же случаях, что и форма на -*u* изъявительного наклонения. Более того, нередко в той позиции, где употреблена форма одного из прошедших времен (например, на -*ki*) изъявительного наклонения, встречается и форма на -*zu*: *Inishife-ni Ariki arazu-fa Shiranedomo...* (K, VII) 'Хотя неизвестно, бывало ли [это] в старину [или] нет...'.

В ДЯЯ к -*zu* могли присоединяться форманты прошедших времен -*ki* и -*keri*, но в КЯЯ таких примеров почти нет [19, с. 522]. Для присоединения подобных суффиксов надо было предварительно расширить форму на -*zu* за счет вспомогательного глагола -*ari*. Однако форма на -*zari*, как таковых, зафиксировать не удалось [19, с. 520]. Определительная форма на -*zaru* встретилась только в «Кондзяку»: *Woya-no uti-ni mada ko kaferazaru mafe-ni... atafuru narikeri* (Kon IX, 13) 'Отдали

... пока сын еще не вернулся в дом отца' (одновременность в речи о прошлом); *Mada shiniafarazaru uiche-ni*... 'Так как [ты] еще не встретился со смертью...'; *Nani zo kimi sheuto-toshite woshifetamafazaru zo* (Кон X, 15) 'Почему же вы [его] не наставляете как старший брат?'; *Nani zo karamezaru* (Кон XIV, 42) 'Почему же не схватили [их]?'; *Sareba toshigoro nageki-nagara woshifezaru-nari* (Кон X, 15) 'Вот почему [я] уже столько лет только вздыхаю, но не поучаю [его]'. Но чаще форма на *-zaru* сливалась со связкой: *Suzuri-ni fa kakitukezannari* (G, с. 1568) 'На тушечнице не пишут'; *Tiunagon-ni fa kau mo arazannaru wo* (G, с. 1624) 'Хотя у тюнагона так не было...'; *Ima-ni mo... sono afabi toraza[п]nareba, kifamete kafi naki koto naru to zo* (Кон XXXI, 21) 'Так как и теперь моллюсков не собирают, ясно, что [этот хищнический отлов] принес очень плохие результаты'; *Ito sa-made wotofubeki-ni fa arazannagedo...* (G, с. 1834) 'Хотя [мне] не следовало до такой степени сильно любить [vas]...'.

Перед полнозначным именем *-zaru* встречалось весьма редко: *Sakeru sakazagi fana-po miyurati* (К [19, с. 520]) 'Видны, как будто, цветы, расцветшие и нерасцветшие (букв. *нерасцветающие*)'.

Условно-временное деепричастие на *-zareba* появляется только во второй половине эпохи в основном в комментаторской и переводной литературе: *Kono ki-fa ... zaimoku-ni to torazareba...* (Кон X, 12) 'Так как это дерево ... не берут даже на дрова...'; *Otikubo-no kimi kazofe-po uti-ni dani irazareba* (О, с. 52) 'Так как барышня Отикубо не вошла даже в число [тех, кого брали с собой]...'. В «Гэндзи» только один подобный пример — и тот является переводом китайского изречения: *Fito bokusheki-ni arazareba mina nasake ari* (G, с. 2041) 'Так как люди не деревья [и не] камни, [у них у] всех есть чувства'.

Уступительное деепричастие встретилось только в комментаторской литературе: *Ware kipaai-wo idakazaru koto atafazaredomo...* (Ts, с. 520) (1050 г.) 'Хотя я не могу не испытывать страданий...'; *Tatofi fofu-po gotoku-pazaredomo...* (Ts, с. 521) (1108 г.) 'Хотя [это] и не то, что закон...'.

Столь редкое употребление форм на *-zareba* и на *-zaredomo* объясняется вытеснением их супплетивными синонимичными деепричастиями на *-neba* и *-nedomo*, явно одержавшими верх. Само же появление первых можно объяснить давлением системы — влиянием деепричастий изъявительного наклонения типа *areba* и *aredomo*.

В микросистеме деепричастий форме на *-zareba* была противопоставлена форма на *-zaraba* (см. ниже «Предположительное наклонение»).

Инвентив. Если нужно было отметить, что несовершение действия обнаруживается говорящим (или преподносится рассказчиком) как неожиданность, к срединной основе на *-zari*

присоединяли в финитной позиции *-keri*: *Wakaki fito-fa yuru-sazarikeri* (Ishe, 42) 'Молодые люди не давали [ей] проходу'; *Tiri-bakari mo kobosazarikeri* (Kon X, 37) 'Ни крупицы [каши] не роняла'.

В определительной форме присоединялся формант *-keru*: *Kano kozarikeru wotoko* (Ishe, 26) 'Тот неприходивший мужчина ...'; *Miyetamafazarikeru narikeri* (T, с. 12) 'Перестал показываться людям на глаза' (букв. 'оказался тем, кто не изволит показываться'); *Kokoro-wo samezarikeru fodo...* (G, с. 16) 'Так как [она] еще не успокоилась...'.

При наличии *koso*: *Arashi koso | Fuki kozarikere* (Sa, с. 489) '[Пока] не налетела буря'.

В форме условно-временного деепричастия: *Iduko-wo fakari tomo oboyezarikereba...* (Ishe, 20) 'Так как [он] не мог сообразить, куда [она] девалась...'; *Moto-yori ita-no koto-fa shirazikerereba...* (Ishe, 100) 'Так как [он] вообще не разбирался в стихосложении...'.

В форме уступительного деепричастия: *Uta-fa uomazarikedo, yo-no naka-wo omofishiritarikeri* (Ishe, 101) 'Хотя и не сочинял [стихов], но в мирских делах хорошо разбирался'; *Onkokoro-fa, sarani tatikaferubeki to obosarezarikeredo...* (T, с. 26) 'Хотя в душе [ему] совсем не хотелось возвращаться...'; *Shibashi joufuku-shezarikeredomo...* (Kon XXIX, 14) 'Хотя [она] некоторое время не признавалась...'.

Время воспоминания: *Ikitarishi toki, jen'aku-no tukui aru koto-wo shinjezariki* (Kon IX, 15) 'Когда [я] был жив, [я] не верил в то, что существует воздаяние за добро [и] зло'; *Fi furi, ikaduti shidumaranu koto-fa faberazariki* (G, с. 459) 'Не бывало так, чтобы падала крупа, а гроза не стихала'.

В определительной форме: *Kan-no Kauso mada teiwa-ni arazarishi toki-no koto* (Kon X, 2) 'Рассказ о том времени, когда Ханьский Гаодэу еще не был императором'; *Woya-ni tugemawosazarishi tumi-ni yorite...* (Kon IX, 18) 'В наказание за то, что [я] не говорила [этого] родителям...'; *Nanuka nanauyo idetamafazarishi-fa sa narikeri* (Kon XI, 1) 'Вот почему [он] не выходил [из комнаты] семь дней [и] семь ночей'.

При наличии *koso*: *Kakete koso Womofazarishika* (Sa, с. 505) '[Я] и не думала'.

В форме условно-временного деепричастия: *Katati nado ito mafo-ni to faberazarishikaba...* (G, с. 46) 'Так как [ее] внешность и прочее не были очень совершенными...'.

В форме уступительного деепричастия: *Sode-wo shimo | Kasazarishikado...* (Ya, 114) 'Хотя [я] не давала пользоваться моими рукавами...'; *Sate nagarafubeki mono to shimo womofitamafazarishikado...* (G, с. 55) 'Хотя [я] не думал, что [эта связь] будет длиться долго...'.

Завершенный вид: *Tokoro-no uai tune-ni to nizaritu* (Kon X, 4) 'Вид этих мест оказался непохожим на обычный';

Kanete-fa ito kaku wosoroshigenaru mono to fa womofazaritu (Кон X, 15) '[Конфуций] не думал раньше, что [разбойник] такой ужасно страшный'.

В определительной форме: *Kiruta-no irifaberazarituru koto ififaberituru* (S, VIII) '[Я] сказала [ему], что повозки не смогли въехать [во двор]'; *Saru koto-mo kikooyezarituru monowō* (S, VIII) '[Мне] не говорили [о нем] таких вещей раньше'; *Nado ka fisashiku miyezarituru* (ISN, с. 399) 'Почему долго не показывался?' (пажу).

При наличии *koso*: *Waga kimi-ni tukaumaturamu to omofite koso, shitashiki fito-no tukafuru nimo makarazariture* (О, с. 45) '[Я] хотела служить моей госпоже (=‘вам’) и не поехала даже на приглашения родных'.

В форме условно-временного деепричастия: *Tomini ye takariidezu shite nezaritureba, yogoto kagiri nashi* (Кон XXXI, 10) 'Так как [я] никак не мог уйти и не спал, было ужасно [не] удобно'; *Yaushin ... mada kaku tattoku genjiunaru koto-woba mizaritureba...* (Кон XIV, 44) 'Яусину... еще не приходилось видеть такую благолепную строгую службу'.

В форме уступительного деепричастия: *Utitoke wofashimasu koto-fa faberazarituredo...* (G, с. 328) 'Хотя [вы] не были [со мной] откровенны...'; *Kono yo-wo kaferimizarituredo...* (G, с. 463) 'Даже не оглядываясь на этот мир...'.

Определительная форма на *-ni* встречалась:

- а) в позиции перед определяемым именем (полнозначным или служебным) — *Ono-ga nasanu ko nareba...* (Т, с. 3) 'Так как [она] — ребенок, которого не я произвел на свет' (не моя собственная дочь); *Yoku to aranu katati wo...* (Т, с. 4) 'Мою невзрачную наружность...' (*yoku aranu* — аналитическая форма отрицания прилагательных; вторично синтетическая — *yokarani*); *wakakaranu fito* (Ishe, 114) 'немолодые люди'; *Imada minu mono nari* (Т, с. 12) 'Видеть еще не приходилось'; *Fi-ni yakenu koto ...* (Т, с. 13) 'В огне не горит...'; б) перед падежным показателем или перед/после частиц *zo*, *ka*, *ya*, *nati*, *kana* («фиктивное определение»): *Wotoko to nagaianu-fa, ito kokorobososhi* (Tosa, 9/I) 'Даже мужчинам — непривычным [к морю] — стало не по себе'; *Nanji-fa ikade waga iwo-po kokoro-wo shiri shiranu-woba shireru zo* (Кон X, 13) 'Откуда ты знаешь — знаю я чувства рыбы [или] не знаю?'; */sa ya mada Kakaru miti-woba | Shiranu kana* (ISN, с. 137) 'Ну, [я] еще не знал такого [странныго] пути [любви]!'; *Nori-no mushiro-ni | Woreba tatanu zo* (ISN, с. 185) '[Я] не встаю, когда сижу на циновке закона' (т. е. изучая буддийские сутры); *Goshiki-ni ita fitoiro zo taranu* (Tosa, 1/II) 'До пяти цветов теперь не хватает одного цвета'; *akenu kara* (Tosa, 9/II) 'затемно'; *Namida-no tama-wo | Nukanu narikeri* (Tosa, 3/II) 'Слезинок-жемчужин не нанизать на нить' (связка *nari* в изъяснительном значении — 'дело в том, что...'). Но: *Fune idasazu narinu* (Tosa, 3/II) 'Судно от-

правлять не стал' (букв. 'не отправлять стал'). Здесь нет противоречия, так как в последнем случае перед нами не связка, а глагол *nagi* 'становиться', которому должна предшествовать срединная форма глагола.

В форме условно-временно-причинного деепричастия: *Ka je nati yamataneba, nafo onaji tokoro-ni ari* (Tosa, 5/l) 'Так как ветер [и] волнение не прекращаются, находимся все еще на том же месте'; *Kudarishi toki-no fito-no kazu taraneba...* (Tosa, 11/l) 'Так как [я] не досчитываюсь (букв. числа не хватает) [кое-кого] из тех, кто приехал [со мной] в провинцию...'; *Naranfaneba... to | Tofishi ware shimo* (Ishe, 27) 'Я тоже спрашивал ... пока не привык'; *Nezameneba hikanu naruramu* (ISN, с. 151) 'Когда [тебя] не будят, [ты], наверно, не слышишь...'; *Wokashiki miwokurimono-nado arubeki wori-ni mo araneba...* (G, с. 14) 'Так как [это] был не тот случай, когда нужен ценный подарок...'; *Wagami-wo ura to | Shiraneba ya* (Ishe, 14) 'Разве [ты] не знаешь, что я бухта?'.

В форме уступительного деепричастия: *Waga sode-fa | Kisa-no ifori-ni | Aranedomo...* (Ishe, 56) 'Хотя мой рукав — не шалащ из травы...'; *Afu miti-fa Kami-no isame-ni | Safaranedo...* (ISN, с. 185) 'Хотя путь [наших] встреч не прегражден запретами богов...'; *Kasanaru yata-ni | Fedatenedo | Afani fi ofoku...* (Ishe, 73) 'Хотя [нас] не разделяют громоздящиеся горы, но дней, когда мы не встречаемся, много...'; *Nanigashifa, woshimibeki yofafi-naganedo fafa-no tabi-no kara-nite yami womoki-wo tasukete...* (G, с. 2166) 'Я помог [ее] матери, когда [она] тяжело заболела в пути, хотя [она] не была в том возрасте, когда [ее] можно было бы пожалеть ...'.

Срединная форма на *-de* происходит, как полагают, из *-zute*, которое изредка встречается в памятниках: *Yo-po ari-sama-wo Fito-fa shirazute* (Ishe, 20) '[Скажут] люди, не разбираясь в том, как складывается жизнь'. Но гораздо чаще фигурирует уже *-de*: *Ware narade | Shimofimo tokuna* (Ishe, 36) букв. 'Не при мне не развязывай нижних шнурков!'; *Kofishiki fito-ni | Afade nomi neti* (Ishe, 62) 'И сегодняшнюю ночь я просплю, не встретившись с любимым'. Категоричность отрицательного наклонения не служит препятствием для употребления его в речи о будущем в позиции срединного сказуемого. Думается, это следует объяснять обстоятельственным оттенком таких неокончательных предложений/словосочетаний, отсутствием временного значения у срединных отрицательных форм.

Так же свободно форма на *-de* применялась и в речи о настоящем и прошлом (т. е. она вообще не была временной): *Madoromade | Afare iku yo-ni | Narinugamti* (ISN, с. 158) 'О, сколько ночей [я] провел без сна (букв. не задремав)'; *Tikara mo woyobade witari* (Kon X, 35) 'Оставался, не имея возможности [что-либо предпринять]'; *yasurafade* (ISN, с. 403)

'не колеблясь', *koto-ni mono nado mo kikoyede...* 'ни о чем особенном даже не поговорив...'; *Afite mo afade | Akasu mono to fa* (ISN, с. 404) 'Свидевшись, [мы] не сошлись | До самого утра!'; *Mono to mo shirade* (ISN, с. 406) 'Не зная, как там [у вас]!'; *Ware-ni mo arade norinu* (ISN, с. 408) '[Она] села [в карету, сама] не своя'.

Когда к форме на *-de* присоединялось *fa*, неокончательное сказуемое приобретало условное значение: *Tukasa kaiburi mo, wagako-wo mitatematurade fa, nani-ni ka fa, shetu* (T, с. 25) 'К чему [мне] чины [и] звания, если [я] не буду видеть мое дитя?'; *Kooyofi-parade fa Ituka timu* (Sa, с. 481) 'Если не сегодня ночью, то когда же [я] увижу?'; *Mitatematurade fa, ikade ka kaferimairamu* (T, с. 24) 'Как же [я] осмелюсь вернуться, не увидев [ее]?'.

Таким образом, срединное сказуемое оказывается одной из синтаксических позиций, где формы категорических наклонений, в данном случае отрицательного (на *-de*), вытесняют формы некатегорических (*-guba*, *-sheba*, см. ниже «Предположительное наклонение») в речи о будущем.

Перфект — единственная из категорий времен, видов и наклонений, суффикс которой предшествует суффиксам отрицательного наклонения: *Kau tamasaka-naru fito-to mo womofitarazu* (G, с. 55) 'Не считала [меня] и таким редким гостем'; *Kutiwoshi tomo womofitarazu* (G, с. 1804) 'Не считал [это] досадным'.

В определительной форме: *Afete koto-to mo womofitaranu keshiki-nite...* (Kon XXIX, 36) 'Совершенно ничего не сообщая...'; *Fito mo kono wonkata itofoshi nado mo womofitaranu narubeshi* (G, с. 1802) 'Должно быть, дело в том, что люди не жалели эту особу'.

В срединной форме: *Kaku migurushiki mono-womo, mite witarade to womofititu...* (G, с. 239) 'Думая о том, что [ей] не приходится жить, видя такие неприглядные вещи...'; *Tiui, koto shitaritomo womofitarade arikereba...* (Kon XXIX, 33) 'Так как [змея] совсем не думала, что что-нибудь может случиться...'.

В форме условно-временного деепричастия: *Sate-fa iri witaraneba...* (O, с. 60) 'Так как [Акоги] не посмела дольше оставаться у себя...'.

Отрицательный потенциалис. Если перед формой отрицательного наклонения стоял преформатив [у]е (этимологически срединная форма глагола *e/i/igri* 'мочь', 'получать'), выражалось значение невозможности: *Kaje fukeba ye idetatazu* (Tosa, 4/I) 'Так как дует [противный] ветер, не можем выйти [в море]'; *Manebedomo, ye manebazu* (Tosa, 18/I) 'Если даже учить на память, [их] невозможно выучить'; *Ye tukusazu* (Tosa, 16/II) '[Всего] невозможно написать (букв. исчерпать)'; *Ye gorati-jesashezu* (ISN, с. 403) 'Не мог прочесть [письмо]'; *Kokoro-no*

tama-ni to ye shemezu (T, с. 23) 'Даже в душе [ее] не смогла упрекнуть'. Таким образом, невозможность могла относиться и к прошлому, но для уточнения ее характера к форме на -*zu* присоединялось *nagi* в той или иной форме: *ye utazari narinu* (Tosa, 1/I) '[Настой из пропавших трав] не смогли попить'; *Kaguya fime-wō*, *ye tatakafi tomezū narinuru koto, komagomato sou-su* (T, с. 34) 'Подробно докладывает о том, что не смог с боем удержать Кагуяфимэ' (*narinu* придавало оттенок утраты возможности в связи с исчезновением чего-либо); оттенок обнаружения невозможности в прошлом придавало -*keri*: *ye utazari narinikeri* (Ya, 94) 'И больше не смогли слагать стихи'; между [y]e и глаголом (нередко сложным) могла быть частица: *Oto-fedo* *ye koso tanotazarikere* (Ishe, 46) 'Хотя и люблю [тебя], но не могу [на тебя] положиться'; *Ye mo ifazu* (Sa, с. 485) 'Не-сказанно'; *Sarani* *ye shinobi-afesashetamafazu* (G, с. 16) 'Никак не мог удержаться'. [Y]e могло предшествовать и другим сложным формам отрицательного наклонения: *Sore mo ye shirita-mazarishi ni ya* (ISN, с. 411) 'Неужели Вы не могли этого знать?'; *Tatu-no kubi-no tama-wō* *ye torazarishikaba nati, tono-fe* *mo ye taigazarishi* (T, с. 18) Оттого, что [мы] не смогли достать жемчужину с головы дракона, [мы] не смели прийти к вам'.

Преформатив [y]e встречался и перед другими формами отрицательного наклонения, в частности перед определительной: *Ugu-fisu* *mo Faru* *mo ye shiranu Fana nomi zo saku* (Tosa, 18/I) 'Цветут только цветы, о которых не могут знать ни камышовки, ни весна'; *Koyofi-fa* *ye nati* *taudenu* (Ya, с. 8) 'Сегодня вечером [я] не могу прийти'; *Ye zo shiranu* (K, VIII) 'Невозможно знать'; *Ye shifinu-fa kotowari-nari* (T, с. 14) 'Есть причина, по которой [я] не могу [ее] заставить'.

[Y]e перед срединной формой: *Mata* *mo ye afade...* (Ishe, с. 71) 'Не смог снова встретиться с ней'; *Kado-yori* *mo ye irade...* (Ishe, с. 5) 'Не мог проходить через ворота...'; *Ye oki-agaratamafade...* (T, с. 18) 'Не мог встать и...'.

[Y]e перед условным деепричастием: *Kuruma-nado fa ...* *ye iraneba...* (S, VIII) 'Так как повозки ... не могли въехать [во двор]...'.

Гораздо менее многочисленны случаи, когда [y]e выступает в роли вспомогательного глагола, следующего за главным, точнее, образующего с ним одно сложное слово: *Tufini tadune-yezu narinikeri* (Kon X, 7) 'Никак не мог выспросить (узнать)'; *Kono tama toriyede fa...* (T, с. 16) 'Если не сможете достать эту жемчужину...'; *Sarani* *ye fusagiyezarikeri* (Коп XXXI, 22) 'Никак не могли заделать [отверстие в плотине]' (контаминация обоих способов выражения невозможности).

Отрицательные конструкции. В целом в потоке речи негативных форм в большинстве случаев меньше, чем соответствующих им позитивных. Однако невозможность выра-

жается во много раз чаще, чем возможность. Она могла быть выражена еще концовкой *koto nashi* после позитивной формы: *Womofiyetaru koto nashi* (Кон X, 5) 'Ничего [не] могли придумать'.

Наконец, в комментаторской литературе и испытавших влияние ее стиля художественных произведениях (особенно переводных) встречалась и концовка *koto atafazu*: *Koushi kotowaritatafu koto atafazu* (Кон X, 9) 'Конфуций ничего не мог [им] ответить'; *Fito wogite ami-wo woku koto mo atafazu* (Кон XXXI, 22) 'Люди не могли даже спуститься [в пруд] и поставить сеть'.

Отрицание может быть выражено также аналитической конструкцией с буквальным значением 'нет человека, который делает...': *Miru ni sarani kuru fito nashi* (Кон XI, 7) 'Смотрят — никто [не] приехал'. Конструкция со значением «не приходилось», «не случалось», «не бывало так, чтобы...»: *Sareba Shin imada fumi-wo gaku-suru koto nashi* (Кон X, 24) 'Однако Сину еще не приходилось учиться грамоте'; *Kokoro-ni shinobite naku koto nashi* (Кон IX, 11) 'В душе страдал, но не плакал'; *Utu toki-ni itaki koto nashi* (там же) 'Когда [мать его] была, не [было] больно'. Разумеется, *nashi* спрягалось подобно другим прилагательным: *Tiwe-wo wofu to ifedomo napji naku koto nakaritu* (Кон IX, 11) 'Хотя [ты] переносил [удары] палкой, не было случая, когда бы ты плакал'; *Yume-ni Sakui-ga tugeshi koto tigafu koto nakereba, afare-ni wotofu koto kagiri nashi* (Кон IX, 16) 'Так как [это] не отличалось от того, что сказал [ему] Сакуи во сне, [он] думал [о нем] с безграничной тоской'.

Конечно, такие концовки не являются аналитическими формами отрицательного наклонения.

Двойное отрицание. При наличии в предложении двух форм отрицательного наклонения или одной формы, а также прилагательного *nashi* общее значение предложения является утвердительным: *Wonkafeshi-fa kikouibeki koto naki-ni fa aranedo...* (JSN, с. 411) 'Хотя ответное стихотворение не было таким, которое не стоило бы произносить...'; *Shiwi-ni naganu yoshi fumi kotoba-ni fa nakute...* (Ya, с. 95) 'В словах письма не было указания на то, что [получатель его] не стал особой IV ранга'; *Kakaru fodo-no koto-fa irafenu mo bin nashi* (Sa, с. 506) 'При таких обстоятельствах не отвечать было бы неудобно'; *Kono Ubasoku-ni shitagafazaru mono nashi* (Кон XI, 3) 'Не было никого, кто бы не служил этому Ю По-сэ'; *Fotoke-no tokitatafu tokoro iduremo tattobanu-fa nashi* (Кон XIII, 40) 'Среди поучений Будды нет таких, которых не прочитали бы'.

Следовательно, двойное отрицание не представляло в то время устойчивой грамматической конструкции (вроде конструкции долженствования в НЯЯ).

Предположительное наклонение

Имеет только заключительно-определительную форму на *-ти* и условную основу на *-те*. Условно-временное деепричастие характеризуется суффиксом *-ва*. Все эти показатели присоединялись к I (ирреальной) основе.

Форма на *-ти* обозначала действия любого лица. Поскольку подавляющее большинство будущих действий понималось тогда предположительно, эта форма чаще всего использовалась в речи о будущем: *Ifamu koto-fa kikamu* (Коп XXIX, 29) 'То, что [вы] скажете [я] выслушаю'; *Tori-po, ko itamu afidani* (Т, с. 21) 'Когда птицы высидят (букв. родят) птенцов...'; *Kore-ga fana-no sakamu ori-fa komi yo* (Sa, с. 491) 'Это придет время, когда зацветут цветы'; *Kefu k'au-ni noboshemu ni...* (Коп XXIX, 25) 'Когда сегодня [мы] отправим [его] в столицу...'. В подобных примерах речь идет о действиях, которые наступят неизбежно, в этом нет сомнения. Лишь отнесенность действия к будущему заставляет выбрать форму на *-ти*. Однако в вопросительных предложениях достоверность (уверенность в совершении действия) исчезает: *Wagami-ni fa* | *Shinanu kusuri-mo, Nani-ni ka fa shemu* (Т, с. 35) 'Что же мне делать с лекарством, [выпив которое] не умирают?'; *Fito ikani womofamu* (ISN, с. 409) 'Как же будут думать [об этом] люди?'.

Впрочем, и в таких случаях сомнение нередко вызывает не само действие, а его содержание, цель и т. п.

Восходящая к форме на *-ти* — глагольная форма на *-о:/ую:* в современном языке применяется в основном в пригласительном значении в речи о 1-м лице. Семантически сходные примеры находим в КЯЯ: *Fo firofamu* (Ishe, с. 57) 'Давайте собирать колоски'; *Nafo kore-wo yakite kokoromimiu* (Т, с. 14) 'Бросим ее (шубку) в огонь и посмотрим, [будет ли она гореть]'; *Iza warera atuki ni midu amushemu* (Коп XXIX, 15) 'Ну, пока жарко, давайте искупаемся [в] холодной воде'; *Katafete, kono ife-ni aramu topo-wo fitori katarafi toramu* (Коп XXIX, 6) 'Давайте возьмем человека, который непременно побывал бы в этом доме, и поговорим с ним' (*aramu* 'побывал бы' пригласительного значения не имеет и не обязательно обозначает будущее состояние).

Предложение 1-м лицом собственного действия: *Kono kafi, kafu mitu* (Т, с. 22) 'Посмотрю-ка [я] на эту ракушку!'; *Wonore kamafetu* (Коп XXIX, 27) 'Я [это дело] улажу!'; *Utitte kaferamu toki-ni, kore-wo atafetu* (Коп X, 20) 'Когда [я] перебью [их] и вернусь, [я] отдам [его тебе]!'

Если процесс, о котором идет речь, происходит в настоящем, значение предположительности, недостаточной осведомленности говорящего всегда присутствует: *Ko-fa nusubito-ni ya agamu* (Коп XXIX, 5) 'Это, наверное, разбойники'; *Ifamu ya*

utokaramu *mono-no saru kokoro* aramu (Коп XXIX, 7) 'Тем более такие чувства могут быть у человека, возможно, враждебно [к вам] настроенного' (*ifāmu ya* букв. 'сказать ли?') > в НЯЯ *iwan'ya* 'тем более' — пример лексикализации формы на-*-ti*).

При наличии в предложении частицы *koso* суффикс *-ti* меняет конечный гласный на *-e*: *Matigafō-pagamu uifugure-nadono koso midokoro-fa arame* (G, с. 32) '[Она], наверное, ждет, наверно, высматривает [его] в сумерках'; *Goran jitokoro aramu koso kataku faberame* (G, с. 33) 'Вряд ли [у меня] найдутся такие [книги], которые вы будете читать'; *Yoku shitatefaberan ni shimo koso, wodoroku fito mo faberame* (S, VIII) 'Если бы [мы] были хорошо одеты, нашлись бы люди, которые удивились' (гипотетичность в речи о прошлом). Во второй половине эпохи Хэйан *-ti* переходит в *-N*. Это отражается в более поздних рукописях и воспроизводящих их изданиях (ср. в последнем примере *shitatefaberan*).

Форма на *-ti* могла использоваться и тогда, когда имелись в виду действия, как совершившиеся неоднократно в прошлом, так и, возможно, имеющие совершиться в будущем: *Sareba bī-pagamu woipa nado mite, waga kokoro-no tamani shirazagamu tokoro-nado-ni ikamu koto-fa todotubeki nari* (Коп XXIX, 28) букв: 'Значит, надо перестать поступать подобно тем, которые, завидев хорошенькую, возможно, женщину, по велению своего сердца идут [за ней] в незнакомое место' (прекратить можно только в будущем).

Форма на *-ti* могла выступать не только в финитной, но и в определительной позиции, особенно часто перед служебными морфемами, указывающими на намерение, цель: *Katura-ni shemu tote niku nari* (Коп XXIX, 18) '[Я] вырываю [волосы], чтобы делать парики'; *Fune-ni midu nado kumiremu tote ...* (Коп XXIX, 31) 'Чтобы набрать для судна пресной воды...' (будущее в прошлом); *Nani shemu ni ka inoti mo oshikagamu* (Т, с. 34) 'На что [мне] жалеть [свою] жизнь?' (букв. 'чтобы что делать?'); *Kaguuya fime suwemu ni fa...* (Т. с. 16) 'Чтобы поселить [здесь] Кагуяфимэ...'; *Moshi woshifemu tameni kitari ya* (Коп X, 15) 'Может быть, [ты] пришел для того, чтобы поучать? *Nusumi shemu ga tameni k'au-ni noborikerau wotoko...* (Коп XXIX, 18) 'Мужчина, прибывший в столицу для того, чтобы совершать кражи...'.

В «оборотах намерения» представлены два глагола: один (в форме на *-ti*), выражающий, что именно предстоит сделать, и другой, обозначающий сборы, мысль или готовность совершить первое упомянутое действие: *Kashiko-ni makarite kaferite komu to womofu* (Коп XXIX, 29) '[Я] думаю сходить туда и вернуться обратно'; *Kafamu to womofu* (Коп IX, 13) '[Я] намереваюсь [их] купить'; глагол мысли мог стоять в любой возможной форме: *sagi-wo utamu to womofite...* (Коп X, 13)

'Намереваясь ударить цаплю...'. Поскольку прямая речь в КЯЯ почти не отличается от косвенной, перевод таких оборотов косвенной речью является известной условностью. С тем же успехом их можно трактовать и как прямую речь: «Я думаю так: сделаю то-то».

«Оборот готовности». Если вместо глагола мысли мы находим *su* 'делать' (или его синоним) в той или иной форме, значит, выражается не только намерение, но и какие-то действия, подготавливающие задуманный акт: *Waga ife-ni sen-r'au-no kape-wo* uemu to su (Коп X, 11) 'В нашем доме собираются получить деньги — тысячу лян'; *Kafa-wo wataramu to suru ni...* (Коп IX, 16) 'Когда [он] собирался переправиться через реку...'; *Yebisu midaretari tote Mutu-no kuni-fe to tukafasamu to sunnari* (Коп XXIX, 25) 'Дело в том, что [меня] собираются послать и в провинцию Муцу, где, говорят, взбунтовались эбису'; *Wofari-no kuni-fe kosamu to sureba...* (Ishe, с. 68) 'Так как [он] собирался переехать в провинцию Вофари...'; *Omotiyametu to suredomo ...* (T, с. 3) 'Хотя собирались перестать и думать о ней...'; *Sobani tatiyorite sugishemu to shikera ni...* (Коп XXIX, 29) 'Когда [она], став сбоку, собиралась пропустить [их] вперед...'; *Kono takumi ta-no kuni-ni to ikite kono sotoba-wo ya tatemu to shemu* (Коп X, 35) 'Возможно, этот умелец собирается поехать и в другую страну и построить [там] такую же башню'.

Уже в памятниках КЯЯ *to su* сливается в один слог — *gi* (не смешивать с суффиксом отрицательного наклонения *-zu*, который к форме на *-ti* не присоединяется): *Kano moto-no kuni-yori mukafe-ni fitobito maude komuzu* (T, с. 28) 'Из той прежней страны собираются приехать люди [мне] навстречу'; *Nusumitekerereba, nani shi-ni ka fa agatuzuru* (Коп XXIX, 17) 'Если [они] украли, то для чего бы?'

В «Такэтори» таких примеров пять, в «Гэндзи» — три. В «Макурандо соси» находим следующую оценку этой конструкции: «О чем бы ни говорили, в *soto koto sashetu to su* ('собираются приказать сделать это'), *ifamu to su* ('собираюсь сказать'), *nari to shetu to su* ('собираюсь сделать что') опускать букву ТО и говорить просто *ifatuzuru* ('собираюсь сказать'), *Sato-fe idemizuru* ('Собираюсь поехать в деревню') — очень плохо. Тем более нельзя так выражаться, если [вы] пишете, в письмах» [Ts, с. 536]. Значит, в начале XI в. -MUZU было еще вульгаризмом. Однако в первый период развития новояпонского языка (XVI — начало XVII в.) употребительность восходящих к -MUZU форм сильно возросла. Но с фонетической точки зрения маловероятно, чтобы из двух глухих (*t* и *s*) получился звонкий. Скорее, то, что записано в памятниках, как MUZU, надо читать как *-nzi*, т. е. в форме, например, *tora-mi to su* гласные *i* и *o* выпадали одновременно.

Известным архаизмом можно считать употребление формы

на *-te* перед частицей *ya* : ...*Fana koso tirame Ne safe* катеме *ya* (К [19, с. 529]). 'Разве опадут цветы и даже корни засохнут?'. Подобные примеры встречаются только в стихах и (изредка) в комментаторской литературе: *Yoku kanashiki koto pakagame ya* (19, с. 529) (833 г.) 'Разве не будет очень жалко?'. В прозе подобного выражения риторического вопроса уже нет.

Время воспоминания (форма на *-ketti*). Форму на *-ti* вряд ли можно считать временной. Но этот модальный формант мог присоединяться к I основе формы воспоминания на *-ki* (-ke): *Kokoro-ni to kavashi to ya omofiketu* (Ishe, 75) 'Вероятно, и на душе [у него] было грустно'; *Inishife-fa | Ari to ya shiketu* (Ishe, 111) 'Может быть, так бывало в старину?'; *Moto-no wotoko shibaritukerarete miketii ni ika-bakari womofiketu* (Kon XXIX, 23) 'Можно себе представить, что думал ее муж, когда видел это, будучи связанным' (*miketii*=*miketu*, по мнению комментатора). Форма на *-ketti* перед служебными словами: *Nakayama-nado* коуекети *fodo to oboyezu* (Sa, с. 488) 'Не помню даже, когда [мы] перевалили через горы Нака'. Перед полнозначными словами: *Fenge-no topo-nite faberiketu mi to mo shirazu* (T, с. 3) 'А [я] и не знала, что [я] перевоплотилась в человека'; *Sumiketu fito-no | Wotodore-mo shenu* (Ishe, 57) 'Тот, кто [здесь], видимо, жил, даже весточки не шлет'.

При наличии частицы *koso* суффикс выступает в виде *-kete*: *Karameitaru yosofi-fa urufashiu koso arikeme* (G, с. 17) 'Наряд китайского фасона был, наверно, красив' (судя по портрету).

В форме уступительного деепричастия: *Fitotu ife-no uti-fa terashikemedo* ... (G, с. 585) 'Хотя, наверно, освещала дом внутри...'

Форма на *-niketii* обозначала предельное вспоминаемое действие: *Wasure ya shitamafiniketu to* ... (Ishe, 45) 'Наверно, [вы меня] совсем забыли...'; *Shifogama-ni | Ituka kiniketu* (Ishe, 81) 'Когда же [я] успел прийти в Сивогама?'; *Titoshe ya suginikeN* (Tosa, 16/II) 'Прошло 1000 лет, что ли?'; ... *to ya kakareniketu* (Sa, с. 505) '...Так, помнится, было написано'; *Wofoumi-no fara-ni koso-fa wofashimashinikeme* (G, с. 2032) 'Ее тело, наверно, унесено в открытое море'.

Форма на *-tariketii* обозначала перфектное вспоминаемое действие: *Kono ofon yo ya ita-no kokoro-wo shiroshimeshitariketu* (К, Предисловие) 'Наверно, понимал сущность своего века и стихов'; *Naki fito-no sumika taduneidetariketu* (G, с. 16) 'Вот она посетила жилище той, которой уже нет'; ... *to fanatitamafishikaba koso, ten'yaku to nani to kakaguru-yoshetarikeme* (O, с. 191) 'Так как вы пустили все на самотек, и аптекарь и любой другой мог [к ней] сунуться'.

Форма на *-zarike* выражала воспоминание о несо-

вершении действия в прошлом: *Nado ka monomaude mo sheszarikeemu* (Sa, с. 507) 'Помнится, почему-то и паломничества не совершил'; *Kokoro kashikoku ya arazariketu* (Ishe, 61) 'Наверно, не была умна'; *Nafo ya wasurezariketu, woisha-pomoto-yori ...* (Ishe, 21) 'От женщины, которая все еще не могла забыть'. В форме уступительного деепричастия: *Midukara-fa sa shimo wobosazarikemedomo...* (G, с. 296) 'Хотя сам [он], наверно, не думал так...'.

Совершенный вид. Форма на *-pati* возникла из видового суффикса *-pi* (I основа — *-pa-*) + *-ti*. В основном применялась в речи о будущем (совершенном): *Sore-wo mite dani kaferinatu* (T, с. 26) '[Я] только взгляну на тебя и уеду'; *Sheki-fa koyenatu* (Ishe, 68) 'Заставу перейду'; *Maturi toku shenamtu* (Ishe, 120) 'Поскорей провели бы праздник'; *Ikadeka ware fitori ikinamu* (Kon X, 36) 'Как же я проживу одна?'. Перед служебными словами: *Nadarenatu mono kana* (Kon X, 36) 'Наверное, [гора] обрушится!' (с иронией); *Uma-woba, toku nige-patamu-ga tameni norite inuri zo* (Kon XXIX, 23) 'А на лошадь [я] сажусь и уезжаю, чтобы поскорее скрыться'. Форма на *-pati* применялась и перед *to omofu* и *to su* (в разных формах):

... *kuuyuru koto arinamu to wotofite* (Kon X, 3) 'Подумав о том, что, может, придется раскаяться...'; *Miya to noborinatu to woboshitari* (ISN, с. 412) 'Принц тоже решил подняться [на веранду]'; *Ketinamu to su* (Ishe, 38) '[Она] решила потушить [светлячка]'; *Ware kon'ya yo-wo sarinamu to su* (Kon XI, 1) 'Я сегодня ночью оставляю [этот] мир'; *Fukaki umi to narinamu to su* (Kon X, 36) 'Вот-вот превратится в глубокое море'. Как видно, в речи о неодушевленных предметах конструкция обозначает не намерение, а наличие объективных признаков совершения действия в ближайшем будущем.

Подобно *-ti*, суффикс *-pati* сливался с последующим *to su* в одно слово: *Shiwite tukaimaturashetama faba kiyeushenamuzu* (T, с. 25) 'Если заставите [меня] служить насильно, [я] исчезну (=умру)'; *Shiranu kuni-fe ikinamizuru koto-wo nageki kanashimite...* (Kon X, 5) 'Скорбя о том, что придется ехать в незнакомую страну...'.

Завершенный вид (форма на *-temi*). Сложный суффикс *-temi* чаще всего применялся в речи о будущем совершенном, присоединяясь к переходным глаголам: *Kubi-no tama-fa toritemu* (T, с. 17) 'Достану жемчужину с головы [дракона]'; *Yado motometemtu* (Ishe, 58) 'Найду [себе] жилище'; *Mifune kafeshiten* (Tosa, 17) 'Поверну судно обратно'; *Okina-notawosatu koto-fa kikitamafitemu ya* (T, с. 3) 'Выслушаешь ли [ты] то, что скажет старик (=я)?'. Перед служебным словом: *Shiyetemtu notini* (Kon XXIX, 6) 'После того, как [я] смогу сделать [это]'. Перед глаголом мысли: *Sono ishi-wo kamatete ushinafitemu to wotofu* (Kon XXIX, 25) '[Я] хочу, чтобы этого

врача непременно убрали (=убили). Перед *to su*: *Kanafazuba kimo natusu-ni tukuritemu to su* (Кон X, 15) 'Если [твои речи мне] не понравятся, [я из твоей] печени сделаю закуску'.

Перфект (форма на *-taratu*). Также применялся в основном в речи о будущих действиях или качествах, имеющих перфективный характер: *Sa-fa kono ko-wo shiti-ni wokitaramu* (Кон XXIX, 29) 'Тогда [я] оставлю в залог этого ребенка'; *Rautagenaramu fito-no todiraretaramu koso, kagiri naku madurashikifa* 'шовоуете (G, с. 36) 'Миловидная, будто девушка, живущая взаперти, кажется безгранично изумительной'; *Shiroki ita-po tuno fayetaramu-wo ware-ni mishite yo* (Кон X, 39) 'Вырастут рога у белой лошади — покажешь мне'; *Toshiwoitaramu fito-no ifamti koto-woba shin Zubeki nari* (Кон X, 36) 'Надо верить тому, что скажут престарелые люди'; *Yama-no naka-ni sheij-in-po itaramu tokoro-wo tadunete, kore-ni nitaramu te-to ato aramu tokoro-wo, tashikani tadunete mite tawirubeshi* (Кон X, 34) 'Вы должны разведать места, где проживают отшельники в горах, найти [среди них] место, где будут отпечатки рук, похожие на эти, внимательно осмотреть [его] и вернуться'.

Как видно, форма на *-taratu* свободно употреблялась в любых несрединных синтаксических позициях.

В форме завершенного вида (на *-taritaramu* вместо ожидавшегося **-taritemu*): *Nadote ima-made saru tokoro-ri siwetaritaramu* (G, с. 2035) 'Почему же до сих пор держали [ее] в таком месте?'; *Tareka tomaritarituran* (O, с. 121) 'Кто-нибудь оставался [сторожить дом]?'; *So-ga motaritaramu fa* (O, с. 84) 'Ведь он, наверно, держал [письмо] при себе'.

Отрицательная форма на *-zaramu*. Значение предположительности может быть сообщено не только позитивным, но и негативным формам. Такова отрицательно-предположительная форма на *-zaramu*, показатель которой содержит суффиксы двух наклонений; она чаще встречалась в вопросительных предложениях: *Aki naki tokiya | Sakazaramu* (Ishe, 50) '[Цветы], наверно, не зацветут, если [еще] нет осени?'; *Kari-ni dani ya fa Kimi-fa kozaramu* (Ishe, 123) 'Не придешь ли [ты] хотя бы на охоту [за ними]?'; *Okina-ni kaiburi-wo nado ka tamafashezaramu* (T, с. 24) 'Почему бы [мне] не пожаловать старику (=тебе) шапку (чин)?'; *Nanigoto-wo ka notatafati koto-fa uketamafarazaramu* 'Оsmelюсь ли [я] не слушать — что бы [вы мне] ни сказали?'; *Saritomo tuwini wotoko afashezaramu ya fa to omofite...* (T, с. 3) 'Неужели же так и не удастся выдать [ее] замуж? — думал он...'; *Mishirazaramu mono-no shetu koto-woba nafo yoku wotofimegurashite utagafubeki nari* (Кон XXIX, 17) 'Нужно хорошенько обдумать и усомниться в том, что может натворить незнакомый человек'.

При наличии *koso* форма кончалась на *-e*: *Fodashi-made koso wobosazarame* (ISN, с. 416) '[Вы ведь,] наверное, не думаете, что связаны [буддийскими правилами]?'; *Sashiidete koso utaza-*

гаме (G, с. 2127) '[Я] наверно, не так уж хорошо играю [в шашки]'.

Изредка встречается форма на *-zarame+ya*: *Fukazarame ya fa* | *Aki-no yonayona* (ISN, с. 151) 'Разве не дует [ветер] Каждой осени ночью?'. Уступительное деепричастие: *Jitini-fa nizaramedo...* (G, с. 45) 'Хотя, быть может, [картина] и не похожа на действительность'; *Kokoti-nifa sashimo womofazarame-do...* (G, с. 62) '[Сама она], возможно, и не чувствует [как трудно пишет]...'.

Форма на *-[a]ba*. Срединной формой (условно-временным деепричастием) предположительного наклонения служила форма на *-[a]-ba*, присоединявшаяся к I основе. Она употреблялась: а) в речи о будущих условиях, поскольку всякое будущее действие мыслилось лишь предполагаемым; б) в речи о гипотетических, ирреальных, неосуществимых условиях или об осуществимых, но фактически не имевших места.

Tatu araba futo ikoroshite ... (Кон 17) 'Когда появится дракон, сразу же застрелю [его]'; *Wakamiya-nado wofuidetamafaba, sarubeki tuide mo arinamu* (G, с. 16) 'Когда молодой принц подрастет, надлежащий случай, наверно, представится'; *Kono wo una moshi tatematuritaru mono-naraba...* (T, с. 24) 'Если [ты] дашь мне [в жены] эту девушку...'; *Waga kokoro-ni kanafaba motiwimi* (Кон X, 15) 'Если [твои советы] придутся мне по душе, [я им] последую'; *Kokiwaai-no ofoshegoto-wo somukaba ...* (T, с. 24) 'Если [своим несогласием я] нарушаю приказ царя...'; *Ama-naraba...* (Tosa, 29/I) 'Если бы [я] была рыбачкой...'; *Makoto-nite ... fane-naraba* (Tosa, 11/I) 'Если бы [это] были взаправду крылья...'.

В форме времени воспоминания на *-sheba* [-she — I основа от *-shi*; уже в то время данная форма была архаичной, встречалась лишь в ранних памятниках (поэзии)]: *Mouu to shirisheba...* (T, с. 15) 'Если бы [я] знала [раньше], что [шубка] говорит...'; *Sora-naru tuki-no Minarisheba...* (Ya, с. 20) 'Если бы появился [ты], подобный месяцу на небе...'; *Fuku kaje to Tani-no midu to shi Nakarisheba* (К [19, с. 523]) 'Если бы не было дующего ветра и вод в долине...'.

В форме совершенного вида на *-naba* выражает законченное действие в основном в речи о будущем (в условно-временном придаточном предложении): *Moshi Tendiku-ni tamasakani tote watarinaba t'auja-no atari-ni motometu ni, naki mono naraba, tukafi-ni sofete, kogane-woba kafeshitatematuramu* (T, с. 12) 'Если [шубку] привезут в Индию, что редко [бывает], [я] куплю [ее] у купцов, но, если [ее] не окажется, [я] верну золото с посланцем'; *Itu ka fa kikan Keji to suginaba* (ISN, с. 403) 'Когда же [я] услышу, если пройдет [без вестей] и сегодняшний день?' (придаточное после главного); *Moshi nokinaba kanarazu korosarenamu to su* (Кон XXIX, 4) 'Если [я ее] покину, [я] непременно буду убит'. Следствие

из условия вытекает с неизбежностью, но само действие, о котором говорится в придаточном, может и не наступить (см. [5]). В основном форма образуется от непереходных глаголов (как и форма на *-ni*), но есть и исключения: *Miyaduka-ke-ni idashitateba shinubeshi* (Т, с. 25) 'Если направить [ее] на службу во дворец, [она] умрет'.

Присоединением частицы *ua* к форме на *-ba* передавалось значение желания совершить действие: *Ama-ni to narinabaya to wotofu zo* (Коп XXIX, 24) '[Я] намереваюсь стать монахиней'. После I основы *-baya* можно считать единым сложным формантом: *Sukoshi mibaya* (G, с. 33) 'Хотел бы [я] немного взглянуть [на письма женщин к тебе]'. Известная повесть Х в. называется «*Torikafebaya-monogatari*» («Сказание „Ах, если бы было наоборот!“», т. е. если бы мальчик с женственными наклонностями родился бы девочкой, а его сестра — мальчиком). В конструкции с глаголом *to otوفi* эта форма выступает в функции конечной (а не срединной), что отмечают и японские историки языка [19, с. 567]. Появление формы на *-baya* отмечается в средний период эпохи Хэйан. Она выражала желание самого говорящего: *Fototogisu | Madashiki toki-to | Kohe-wo kikabaya* (К [19, с. 567]) 'Хотел бы услышать голос кукушки в неурочное время'. Однако перед глаголом мысли форма была применима и в речи о 3-м лице: *Tada madikaki tokoro-no kisaki-wo mibaya to wotofu kokoro arite...* '[Он] имел одно желание — хотел увидеть царицу ближайшего царства'; *Kokoromi-ni shisha-ni mawosabaya to wotofu kokoro tukinu* (Коп X, с. 34) 'Возымел желание попробовать рассказать [об этом] духу'.

В имеющихся примерах форма образована от глаголов речи, мысли и чувства: *Womofiu to minabaya* (Коп XXX, 1) 'Хотел бы бросить думать [о ней]'.

В форме завершенного вида (на *-teba*): *Moshi kano wotoko-wo yeteba ...* (Коп XIV, 2) 'Если (когда) [я] поймаю этого человека...'; *Nagarafeteba ...* (G, с. 2034) 'Если бы [она] была [еще] жива...'.

Форма перфекта на *-taraba* обозначала перфектное действие в условно-временном предложении в речи о будущем: *Mishetaraba...* (ISN, с. 405) 'Если бы [я вам] показала...', *Warera-wo kono tatakafi-ni katashimeta masitaraba...* (Коп XI, 1) 'Если [ты], даруешь нам победу в этой битве...'; *Toshigoro-fa, itushika wotofu yaipi tikaki tokoro-ni naritaraba...* (Sa, с. 504) 'Если несколько лет прожить в месте, близком [к столице], как [тебе] хочется...'.

Как форма предположительного наклонения форма на *-taraba* была противопоставлена форме на *-tareba* изъявительного наклонения.

Изредка встречалась и форма перфекта на *-eraba*: *Kore ikeraba ...* (G, с. 2034) 'Если она жива...'.

Отрицательная форма на *-zaraba* как условное деепричастие отрицательного и предположительного наклонений применялась в речи о будущих или гипотетических действиях: *Momidibano* ... | *Tirazaraba*... (ISN, с. 173—174) 'Если бы листья кленов ... не облетели...'; *Tayete sakura-no* | *Sakazaraba* ... (Tosa, 9/I) 'Если бы вишни увяли и не цветли...'.

В системе срединных форм форма на *-zaraba* была противопоставлена условно-временному деепричастию отрицательного наклонения на *-zareba*.

Отрицательно-предположительное наклонение

Форма на *-ji*. В системе наклонений форма на *-ji* противостояла предположительному наклонению по признаку «негативность/позитивность» и отрицательному по признаку «некатегоричность/категоричность». Употреблялась в основном для отрицания будущих действий: *If-e-no atari dari*; *ima-fa toworaji* (T, с. 19) 'Даже мимо [ее] дома теперь *не буду проходить*'; *Ima-fa uramiji* (ISN, с. 414) 'Теперь *не буду злиться*'; *Sara-ni yurusajī* (Kon XXIX, 29) 'Ни в коем случае *не отпущу*'; *Wotoraji makeji to* (Kon X, 31) 'Не буду хуже [других], *не отстану*'; *Mida morasajī to* | *Tigirishi mono wo* (Ishe, 27) 'Ведь [мы] клялись, что *не прольем воды*'; *Tiri mo tukaji to* (G, с. 39) 'Чтоб и пылинка [к ней] *не пристала*'; *Faru-fa ikukamto araji* (Ishe, 79) 'Весны уже немногого дней осталось' (букв. 'много дней *не будет*'); *Waga wofuto-fa nasubeki kata nakute fa shinajī mono wo* (Kon X, 35) 'Мой муж *не погибнет*, ничего не придумав'.

В речи о настоящем: *Sore shika araji* (G, с. 34) 'Наверно, это *не так*'; *Masaru mono arite ware-wo gai-shemu to suriwo shirajī* (Kon X, 13) 'Наверно, *не знаю*, — может быть, есть более сильный [и он] собирается причинить мне вред'.

В речи о прошлом: *Ide te koshi ato dari imada kafaraji wo* (Ishe, с. 41) 'Хотя [мои] следы, которые [я оставил, когда] приходил [к тебе], еще, *наверно не исчезли*' (букв. 'не изменились'). Почти всегда форма применялась в заключительной позиции.

Подобно форме на *-ti* форма на *-ji* встречалась перед глаголом мысли: *Mo fara, sayau-po miyaduka fe tuka matura jī to otomfu wo...* (T, с. 24—25) '[Я] совершенно *не намерена выполнять* такую службу во дворце'; *Fito-ni wotoraji to wotoferu* (G, с. 35) 'Тот, кто хочет быть *не хуже* других'; *Wonna mo fata afaji to mo wotoferazu* (Ishe, 68) 'И женщина тоже не думала *непременно не встречаться* [с ним]'.

Перед *to su*: *Yurusajī to su* (T, с. 26) 'Не позволю [ей остьаться здесь]'.

Для выражения предположительной невозможности перед формой на *-ji* помещалось *ye*: *Kakute-fa ye yama jī* (Kon XXIX,

15) 'Так [это] нельзя составить'; *Kotugai-nifa ye tikadukaji* (Kon XXIX, 29) 'С нищим [я] не могла бы сблизиться'; *Ye uramiji* (G, c. 49) '[Тебе] нельзя ревновать'.

Морфологически суффикс *-ji* входит в состав форманта дубитативного наклонения *-tajī*. Японские лингвисты сближают его и с суффиксом отрицательного наклонения *-zu*. В отличие от *-ti* к видо-временным формантам *-ji* почти не присоединялось: *Ikitaraji to wotofishizumitamaferu* (G, c. 748) 'Погрузилась в тяжелые думы о том, что жить не стоит'.

Сослагательное наклонение

Форма на *-ma shi* (этимологически, возможно, связанная с *-ti*) обозначала следствие, которое могло бы иметь место, если бы условие не было нереальным; нередко предложение выражает при этом риторический вопрос или восклицание: *Nokorazu-fa | Mukashi-no ato-wo | Ikadē shiramashi* (Sa, c. 481) 'Если бы [они] не сохранились, как бы [мы] узнали следы старины?'; *Kono ja-po wōrite makitukinati nifa, nani ūaga-wo ka shemashi* (Kon XXIX, 32) 'Что бы [я] стал делать, если бы эта змея спустилась и обвила [меня]?'; *Otofi-no fokani | Wokite mimashi wo* (T, c. 15) '[Я] положила бы [шубку] в другое место'; *Ware mo tadura-ni ||ukamashi monōsho* (Ishe, 57) 'И я пошел бы в поле!'; *Wasururu toki mo | Atamashi monōsho* (Ishe, 119) 'Было бы [у меня] время [тебя] позабыть'; *Faruru manitani | Ureshikaramashi* (Ya, 28) букв. 'По мере того, как расходится [туман], становилось бы [все] радостнее'.

При наличии частицы *koso* применялась форма на *-mashika*: *Ka-bakari kosofa | Atamashika* (ISN, c. 136) 'О если бы было только так!'

В форме условного деепричастия: *Mishi fito-no | Matu-no titoshe-ni | Mimashikaba | Tofoku kanashiki | Wakare-shemashi ya* (Tosa, 16/II) 'Если бы [мы] могли всегда (букв. тысячу лет) видеть — как сосну — ту, которую [мы] видели, [лишь пока она была жива], разве [мы] испытали бы горестную разлуку [с ней] вдали [от дома]?'; *Shirushi-no kanzashi-naramashikaba to wotofosu mo* (G, c. 16) '«Если бы [это] была [ее] заколка для волос — как память», — думал он'.

Форма совершенного вида на *-nata shi* обозначала несвершившееся в действительности предельное действие: *Kono kuni-ni to mote maude kinamashi* (T, c. 12) 'Могли бы привезти и в эту страну'; *Kefu kozufa | Asu-fa uki to zo Furinamashi* (Ishe, 16) 'Если бы [я] сегодня не пришел, то завтра [цветы вишен] опали бы как снег'; *Kono tabi moshi mafeno futatabi-no gotoku aramashikaba, kono tabi-fa atama-wo kirinamashi* (Kon X, 29) 'Если бы в этот раз было так, как в предыдущие два раза, то на этот раз [ему] отрубили бы голову'.

В форме условного деепричастия: *Fune-ni tobiirinamashikaba warera-fa mina ... shininamashi* (Kon XXIX, 31) 'Если бы [тигр] прыгнул в лодку, мы все ... погибли бы'; *Mono ifade Yaminamashikaba | Kakete dani | wotomofiidemashi ya | Tamakura- yo sode* (ISN, с. 168) 'Если бы [я] оставил [это], не сказав ничего, вспоминала ли [ты] бы рукава под головой?'.

Форма совершенного вида на *-temashi* образовывалась от переходных глаголов; обозначала гипотетическое предельное действие: *Moshi umibe-nite uomatashikaba «...» tomo uomitemashi ya* (Tosa, 8/I) 'Если бы [он] слагал [это стихотворение] на берегу моря, [он] сложил бы так: «...»; *Yuki tomo miyede Kimi-fa mitemashi* (Ya, 20) 'Даже когда не видно, [куда ты] ушел, [я] хотела бы видеть тебя'.

В форме условно-временного деепричастия: *Ito ayashiki koto kana. Kaku-made mo arikera fito-no inoti-wo, yagate utisutete mashikaba* (G, с. 2099) 'Было бы ужасно, если бы мы не сохранили жизнь девушки, которая продержалась до сих пор!'.

Форма перфекта на *-tagamashi* обозначала несвершившееся перфектное действие, результат которого сказывался бы в дальнейшем: *Saru mono-nite ware mo woitararamashi tonowo to wobosu* (G, с. 2062) '[Он] думал, что такой человек и сам поступил бы так'.

В форме условного деепричастия: *Mashite tatu-wo torafetaramashikaba, mata koto mo naku, ware-fa gai-sherarenamashi* (T, с. 19) 'Больше того: если бы дракона поймали, я получил бы от этого прямой ущерб'; *Koroshitaramashikaba ika-bakari kuyashikaramashi* (Kon XXIX, 32) 'Если бы [я] убил [собаку], как бы [я] раскаивался!'.

Отрицательная форма на *-zaramashi* выражала действие, которое не имело бы места, если бы нереальное условие осуществилось: *Utikoroshitaramashikaba ...shawomoto-no ko-fa torarezaramashi* (Kon XXIX, 35) 'Если бы [я] убила [обезьяну], ... твой ребенок не был бы захвачен [ею]'; *Atara won-sama-wo mo mishirazaramashi* (G, с. 1889) 'Тогда не знал бы [ее] в лицо'.

В форме условного деепричастия: *Amari kataku imite iezaramashikaba, fofushi-fa kanarazu korosarenamashi to zo* (Kon XXIX, 5) 'Если бы, слишком строго соблюдая запреты, бонза не впустил бы [рыцаря, он сам] был бы непременно убит'; *Moshi sarazaramashikaba ika-naramashi* (Kon XIV, 42) 'Если бы [я] так не сделала, то что бы получилось?'.

Таким образом, сослагательное наклонение (в отличие от предположительного) имело несколько срединных форм, образованных от разных видовых или модальных основ. И нереальное условие, и неосуществившееся следствие могли быть выражены формами этого наклонения.

Желательное наклонение

Форма на *-ma foshi* (заключительная) имела адъективное спряжение (подобно форме на *-tai*). Связана с прилагательным *foshi* 'желательный' (но почему *tafoshi* присоединялось к 1 основе — неясно). Нередко (хотя и не всегда) этой формой выражалось неосуществимое желание: *Wonna-nite mitatematuramafoshi* (G, с. 38) 'Будь [Гэнжи] женщиной, [и тогда] хотелось бы смотреть [на него]' (настолько он обаятелен); *Wosanaki kokoro-ni ito narekiko yemafoshi to wotofeba, isogi mawiritamafinu* (G, с. 1508) 'Очень желая приучить к себе [ее] с [ею] неопытным сердцем, [он] поспешил пойти [к ней]'. При наличии частицы *koso*: *Ifa-no naka koso | Sumamafoshikere* (К XVIII; ISN, с. 433) '[Я] хотел бы жить среди скал'; *Kau koso-fa aramatamafoshikere* (G, с. 1639) 'Хочется, чтобы было именно так'.

Форма на *-ma foshiki* (определительная): *Ifamafoshiki koto mo ye ifazu, shemafoshiki koto-mo ye sheri nado ari ga* (Sa, с. 504) 'Бывает, что то, что хочется сказать, сказать нельзя, а то, что хочется сделать, нельзя сделать'; *Mata mata mo mimafoshiki ni...* (Sa, с. 490) 'Когда снова и снова хотели посмотреть...'; *Arui-fa wolo-ga ikamafoshiki tokoro-fe inu* (T, с. 16) 'Другие направились туда, куда сами захотели идти'.

Форма на *-ma foshiku* (срединная): *Ito kofishike-reba, ikamafoshiku otomu ni...* (Sa, с. 481) '[Ее] было очень жаль, поэтому [мне] захотелось пойти [к ней]...'; *Tuduki no mimafoshiku wobouyuredo...* (Sa, с. 492) 'Хотя хотелось почитать продолжение...'. Как и в других формах прилагательных на *-ku*, и здесь иногда наблюдалось выпадение *-k-*: *Mimafoshiku suru fitodomoto...* (T, с. 2) 'Люди, желающие [ее] увидеть...'.

Условно-временное деепричастие: *Ito fito-ni mishemafoshikereba...* (Mu, с. 457) 'Так как очень хотелось показать [нашу радость] другим...'.

Уступительное деепричастие: *Koyofi mo wofashimasamafoshikeredo...* (ISN, с. 405) 'Хотя и в этот вечер [он] хотел пойти [к ней]...'. Форма настолько длинна, что в поэзии могла уместиться только в двух синтагмах (=стихах):

*Nagusamu to
Kikeba katarama-
Foshikeredo...*
(ISN, с. 401)

'Хотя, когда [я] слышу, как [ты говоришь, что] развлекаешься, [я] хотела бы поговорить [с тобой]...'.

Такой разрыв оказался возможным потому, что *foshi* 'желательный' существует и как самостоятельное слово. Но поскольку никакие основы на *-a-* не употребляются в качестве самостоятельных форм, пример остается весьма редким исключением.

Как и другие адъективные формы, основа на *-mafoshi* может принимать суффикс *-ge*, выражающий видимые признаки действия: *Udi-ni ito wataramafoshigeni woboitamatumeru wo* ... (G, с. 1817) 'Видимо, [ей] очень хотелось переехать в Уди, но...'. Присоединяя к себе *aru* 'быть', форма приобретала чисто глагольный характер: *Wonkoto-no woto mo uketamataramafoshigaru fito nati faberu* (G, с. 548) 'Есть люди, которые хотят послушать звуки вашей лютни'.

Совершенный вид: *Mairinamatafoshiki ni...* (ISN, с. 435) 'Когда [она] захотела отправиться [к принцу]...'. Срединная форма: *Tati mo kaferinamatafoshiku...* (G, с. 1699) '[Он] захотел встать и уйти домой...'. При наличии *koso*: *Ge-ni adiki-naki yo-ni, kokoro-no kagiri yuki waza-wo shite koso sugushifaberinamatafoshikere* (G, с. 699) 'В [этом] поистине унылом мире хочется проводить [время], занимаясь искусством, насыщенным чувством до предела'. Уступительное деепричастие: «...» *tote utisuginamatafoshikeredo...* (G, с. 266) 'Хотя, сказав: «...» — [он] хотел обойти [этот момент]...'. Форма на *-ge*: *Mata kaferinamatafoshigeni woboshite notamatfasuru koso, ito kokoroukere* (G, с. 1848) 'Очень жаль, что [вы] говорите [так], думая, видимо, снова вернуться домой'.

В просмотренных памятниках формы завершенного вида на *-temafoshi* не обнаружены.

От других видо-временных категорий в сочетании с желательным наклонением встретились лишь разрозненные формы.

Инвентив: *Uta uomatafoshikarikereba...* (G, с. 746) 'Когда [он] захотел сложить стихотворение...'.

Время воспоминания: *Katati safe aramatafoshikariki ya* (G, с. 1556) 'Даже [ее] наружность была [такой, какую только можно] было пожелать'.

Предположительное наклонение: *Ifamatafoshikarati koto-wo to...* (G, с. 63) 'Даже то, что [вам] захотелось бы рассказать...'.

Как и от основы ряда прилагательных, от формы на *-mafoshi* при помощи суффикса *-sa* можно было образовать имя: *Kore-wo mite, yoku mimafoshisa-ni «...» to ifashekero* (Ya, 148) 'Увидев его, [она] захотела рассмотреть [его] получше и сказала...'.

Прочие грамматические средства выражения желания

1. Сложная частица *mogana*: а) непосредственно после наименования желаемого предмета: *Komatu mogana* (Tosa, 29/I) 'Ах, если бы [нам] елочки!'; *Kasa mogana* (Ishe, 121) 'О, если бы [была у меня] шляпа!'; *Mukashi-wo ima-ni nasu yoshi mogana* (Ishe, 31) 'Ах, если бы [был] способ сделать прошлое настоящим!'; *Maboroshi mogana* (G, с. 17) 'О, если бы [был здесь]

кудесник!'; *Mono shen fito mogana* (О, с. 127) 'Ах, если бы [был] человек, умеющий шить!'; б) после канго, обозначающих действие: *Ikade taimen mogana* (О, с. 70) 'Хотелось бы как-нибудь повидаться [с тобой]!' (тетка племяннице); *Akarasama-ni taimen mogana* (Г, с. 448) '[Я] хочу, чтобы [вы] встретились!' (отец о дочери и молодом человеке); в) после имени в том или ином падеже: *Tadaima mo shinuru mono-ni mogana* (О, с. 58) '[Я] хотела бы сейчас же умереть!'; *Miyako-fe mogana* (Tosa, 11/I) 'Ах, если бы [мне] в столицу!'; *Tayori aramu te-wo mogana* (Кон XXIX, 4) '[Мне] бы жену, имеющую состояние!'; г) после срединной формы предикатива: *Saranu wakare-fa naku mogana* (Г, с. 100; Ishe) 'Ах, если бы не было расставания с умирающими (букв. неуходящими)'; *Wagami tadaima fito-to fitoshikute mogana* (О, с. 127) 'О, если бы я была ровня им!'.

2. Соединительная основа (большей частью непереходного) глагола + *ni* (сов. вид) + *shi* (время воспоминания) + частица *gana*: *Ikadeka ikisudama-ni mo irinishigana* (О, с. 147) 'Как бы [я] хотела превратиться в мстительный дух!'; *Ikade yoroshiku otofarenishigana to koso ototame* (О, с. 88) 'Лучше бы [ты] позаботилась о том, чтобы [мачеха] была [о тебе] хорошего мнения!'; *Kokorotagafade yaminishigana to, wotofu...* (Г, с. 1702) 'Не изменяя своих чувств [к ней, он] хотел было прекратить [это ухаживание]...'.

3. Соединительная основа (в основном переходного глагола) + *te* (завершенный вид) + *shi* (время воспоминания) + частица *gana*: *Ikade yokute misheteshigana* (О, с. 89) 'Хочу показать [им], как [она] хороша!'; *Ikade ... otoko-ni afiyeteshigana* (Ishe, 61) 'Ах, как бы [мне] увидеться с этим ... мужчина!'; *Taduneteshigana* (Ya, с. 122) 'Хотел бы спросить'; *Mifateteshigana* (Г, с. 1595) 'Хотелось бы рассмотреть [их]'.

Характерно, что формы на *-nishi* и *-teshi* применялись в памятниках только в речи о прошлом. Лишь в сочетании с *gana* они относились к будущему.

Долженствование-потенциальное наклонение

Форма на *-beshi* выражала долженствование, необходимость, возможность совершения данного действия или наличия состояния, т. е. имела одно весьма широкое значение. Если шла речь о действии 2-го лица, такое значение практически было близко к повелению. Чаще применялась в речи о будущем: ... *to goranji mensubeshi* (Г, с. 16) 'Учтя то, что... можно (нужно) простить [ей] (=я могу простить); *Kake te koso | Womofazarishika...* | *Shibashi mo kimi-ni | Wakarubeshi to fa* (Sa, с. 505) 'А [я] и не думала, ... что должна буду расстаться с тобой хотя бы на некоторое время'.

О 2-м лице: *Sore-wō torite manabubeshi* (Kon XI, 5) 'Возьми ее (книгу) и учись!' (сыну); *Kimi ki-no kage-yori mirubeshi* (Kon IX, 19) 'А ты наблюдай из-за дерева!' (мужу). Но, разумеется, форма на *-beshi* лишена категоричности повелительного наклонения.

О 3-м лице: *Ito ofogoshe narubeshi* (Tosa, 7/l) 'Наверно [у него] очень сильный голос'; *Sakashiki mo nakagubeshi* (Tosa, 26/XII) 'Но отменных [стихов] как будто не было'; *Tasukezarami-fa, ito kanashikarubeshi* (G, с. 2092) 'Если [мы ей] не поможем, будет очень печально'.

Определительная форма встречалась часто: *Subeki kata nashi* (Kon X, 34) 'Не было возможности осуществить [это]'; *Ikaga subeki* (T, с. 20) 'Как же надо поступить?' *Sore-ni nati sadamubeki* (T, с. 4) 'Так и порешим'; *Ikadeka miyubeki* (T, с. 23) 'Как же [я] могу [ему] показаться?'; *Kuyashiki koto mo arubeki wo* (T, с. 4) 'Потом придется раскаиваться!'; *kiyubeki shimo* (ISN, с. 167) 'иней, который исчезнет'; *Ifubeki koto-no arunari* (Kon XXIX, 29) 'Есть кое-что, что [я] хочу [тебе] сказать'; *Kusaki tafubeki ni arazu* (Kon X, 16) 'Растения не могли вынести [засухи]'; *Idure-wō mitu-no shina-ni wokite ka wakubeki* (G, с. 34) 'Кого же можно отнести к [этим] трем слоям?'; *Fitori futari yo-no naka-wō maturigotishirubeki naraneba...* (G, с. 38—39) 'Так как один-два человека не могут управлять государством...'; *Kakute arubeki koto-ni araneba ...* (Kon XXIX, 22) 'Поскольку так невозможно было оставаться...' (т. е. отрицание выражено формой связки, аналитически); *Toku motometamafubeki nari* (Kon XXIX, 25) '[Вам] нужно поскорее достать [это лекарство]'. Связка могла принимать форму того или иного наклонения, вида или времени. Тем самым долженствование/потенциальность могли быть выражены и в речи о прошлом: «*Nashi* to kikoyesasubeki-ni mo arazu (ISN, с. 401) 'Не смогла приказать сказать, что [ее] нет [дома]'; *Sareba soragoto-naredomo koto-ni shitagafite ifubeki narikeri* (Kon X, 30) 'Значит, хотя [это] и выдумка, по ходу вещей [так] нужно было сказать'; *Tadipetni nati ureshikarubeki* (G, с. 2084) 'Буду рад посетить [vas]'.

Срединные формы. Соединительная форма: *Kuraku ikitukubeki to* (Sa, с. 489) 'Чтобы прибыть затемно...'; нередко глагол главного предложения стоит в отрицательном наклонении: *Nanino shirushi arubeki to miyegi* (T, с. 2) 'Не видно, чтобы были (подавались) какие-либо знаки'; *Yatubeki to arazu* (T, с. 3) 'Не могли перестать [думать о ней]'. Условные деепричастия: *Yuku fotaru | Kuto-po ufe-made | Inubekufa...* (Ishe, 44) 'Летающие светлячки! Если [вы] можете добраться до верха облаков...' (гипотетичность); *Tuki-no kage-fa onaji koto nargubekereba...* (Tosa, 20/l) 'Так как сияние луны должно быть одинаковым [в обоих странах]...'; *Kita-no tai-ni watara-shetamafubekereba...* (ISN, с. 442) 'Когда [он] должен был пе-

ревести [ее] в северный флигель...' (реально возможное действие). Уступительное деепричастие: *Miwokuri-ni to mairubekeredo...* (ISN, с. 409) '[Я] должен был бы поехать проводить [вас!, но...]; *Midukara koregra-wo mite sono fito-wo to sadametamafubekeredomo...* (Кон X, 5) 'Хотя [он] сам пересмотрел [их] и должен был выбрать эту женщину...'.

Условная основа употреблялась и при наличии в предложении частицы *koso*: *Wono-ga kimi-no ofoshegoto-woba kanaueti to koso ofofubekere* (Т, с. 15) '[Вы] должны думать о том, чтобы выполнять приказы своего господина'.

Выпадение интервокального *-k-* в *-beki* и *-beku* в основном имело место в вабуне [Ts, с. 532]: *Makoto shikabei koso to ...* (Sa, с. 507) 'Действительно, так и должно быть...'; *Sutetubei to arazu* (G, с. 718) 'Бросать не следует'. Встречаясь еще нечасто, такое явление было одним из проявлений общей тенденции к выпадению *-k-* в определительной форме всех адъективных форм и в срединной форме в западном диалекте.

Форма на *-bera* [+связка]: *Fito-wo fakarubera naru* (Tosa, 18/I) '[Ветер] может людей обманывать'; *Ola ji fukasani | Nagarubera nari* (Tosa, 16/II) 'Течет, наверно, на такой же глубине'. Но для эпохи Хэйан это уже реликт, сохраняющийся лишь в поэзии начального периода [19, с. 533].

Для превращения формы рассматриваемого наклонения в чисто глагольную к *-beku* добавлялось *ari*: *Rei-no anata-ni wo fashimasubekari na* (G, с. 2082) '[Вы,] как обычно, должны отправиться туда'. Но *-bekari* в текстах встречается крайне редко. Обычно *-bekari* используется как основа для присоединения формантов других наклонений и времен.

Перед связкой *nari* (в изъяснительном значении: «дело в том, что», или для указания на получение данных сведений от других лиц) *bekari* теряет гласный *i*, переходя в *bekannari* (в написаниях той эпохи *bekanari*): *Mina fikiwite wataritamatafubekanari* (O, с. 168) 'Все должны туда переехать'; *Ito ureshiki fima arubekanari* (O, с. 117) '[Я] слышала, что это будет очень радостное время'. В определительной форме: *Odite, yogidi shite ofasubeka[n]naru fa* (O, с. 163) 'Должно быть, [они] обезжают в страхе [нашего господина]'; *Korosashetamatafubekanaru koso* (ISN, с. 427) 'Вы можете приказать убить [этого подростка]».

Инвестив: *Fito matamu | Sato-woba karezu | Tofubekarikeri* (Ishe, 47) 'Надо, оказывается, без промедления посетить деревню, где [тебя] ждут люди'; *Ima-yori ato mo kokoro-fa takaku tukafubekarikeri* (G, с. 1896) 'И впредь, оказывается, можно быть [о ней] высокого мнения'. В определительной форме: *Tufi-no tanomidokoro-ni fa womofiwokubekarikeru* (G, с. 41) 'Можешь отныне считать [ее] надежной'; *Kono yo-li ambekarikeru kotodomo-nari ya* (Sa, с. 514) 'Разве дела в этом мире такие, как должно?'. При наличии частицы *koso*: *Kotofito-ni*

koso adukubekarikere (О, с. 123) 'Лучше бы [я] поручила [надзор за ней] другому'; *Kaku shiritaramashikaba, sofite yukite koso kakesasubekarikere* (Коп XXX, 1) 'Если бы [я] это знал, [я] пошел бы вместе [с ней]'. В форме условно-временного деепричастия: *Rei sumitama fu kata-fa imubekarikereba...* (Г, с. 2088) 'Так как направление, в котором [они] обычно жили, оказалось запретным...'. В форме уступительного деепричастия: *Kono fito-po koto-wo koso minarafitomubekarikeredo...* (Fa, с. 195) 'Хотя [я] должен был бы перестать приглядываться к этой женщине...'.

Время воспоминания: *Saigu:-fa kozo uti-ni iritama-fubekarishi wo, samazama safari koto arite...* (Г, с. 305) 'Принцесса-весталка должна была поступить во дворец в прошлом году, но были разные препятствия...'.

Совершенный вид: *Asatuyu-fa | Kiye nokorite mo | Arinubeshi* (Ishe, 49) 'Утренняя роса [может] исчезнуть, [но] может и остаться'; *Sate arinubeshi* (Г, с. 45) 'Что ж, может быть, бывает [и так, как нарисовано]'; *Tafenubeshi ya* (Коп XXIX, 3) 'Сможешь вытерпеть?'. В определительной форме: *Mekarureba wasurenubeki mono...* (Ishe, 45) 'Такие, которые могут [тебя] позабыть, лишь только [ты] скроешься из глаз...'; *Ma'a sayaino koto mo idekinubeki ni ya* (ISN, с. 438) 'Может ли снова случиться такое?'; *Ware safe mo naku | narinubeki kana* (Ishe, 43) 'Даже я без [траурной] одежды остаюсь'. В срединной форме: *Fune-wo iminaka-ni makaririnubeki fukimafashite ...* (Т, с. 17) 'На корабль дуло так, что [его] должно было унести в море'; *Awotatu makenubeku uowaki tiyu* (Коп X, 38) 'Голубой дракон, видимо, ослаб и должен был потерпеть поражение'; *Ashiki miti-ni mo tadayofinubeku zo woboyuru* (Г, с. 43) '[Мне] кажется, что [такие женщины] могут оказаться и на плохом пути'. С предшествующим *koso*: *Nafo kore koso-fa ... tamebito-ni fa tanomarenubekere to wobosu mono-kara...* (Г, с. 64) 'Но ведь именно это ...может быть желательно серьезному человеку,— думал [он]'. В форме условно-временного деепричастия: *Akaku narinubekereba...* (ISN, с. 409) 'Так как скоро станет светло...'; *Sukoshi fatarakaba ikorosarenubekereba...* (Коп XXIX, 21) 'Так как если бы [они] немного пошевелились, [они] могли бы быть застрелены...'. В форме уступительного деепричастия: *Ito wotoranaru nikoso narinubekeredo ...* (ISN, с. 404) 'Хотя [я] вел себя очень глуко...'; *Yuyushiu wobosarenubekeredo, ka je-ni atarite-fa ibayenubekereba* (Г, с. 453) 'Хотя вам может быть неприятно,— [это подарок] от грешника, но [лошадь, которую я вам дарю,] будет нестись, как ветер' (букв. 'ржать навстречу ветру').

В форме инвентива: *Ima shibashi kaku dani araba, nami-ni fikaretelrinubekarikeri* (Г, с. 455) 'Если бы так [бушевало] еще немного, [нас] могло бы унести волнами [в море]'; *Tuki-no kumanaku akakarami to, fashita naku, tabayukarinubekarikeri*

(Sa, с. 517) 'Когда луна ярко светит, даже неловко,— [ее] свет может оказаться ослепительным'. Определительная форма: *Utinakite yaminubekarikeru afidani* (Ishe, 38) 'Когда [ему] надоело [ждать] и [он] собирался было прекратить [ожидание]...'; *Tukafi-wo to fotofoto utarenubekarikeru wo* (O, с. 126) 'И [моего] посланца чуть было не избили'. При наличии *koso*: *Kono wontukafi naka, yami-no yoru-nite koso kurenubekari-kere* (G, с. 517) 'Если бы этого посланца не было, [его настроение] было бы мрачнее темной ночи'.

В форме времени воспоминания. Определительная форма: *Yo-po midare mo idekinubekarishi-wo to ...* (G, с. 1489) 'И то, что смуты в мире могли возникнуть...'; *Kokoroyasuku to arinubekarishi tukigoro-wo ...* (G, с. 411) 'И месяцы, [в течение которых он] мог жить с легким сердцем...'. Уступительное деепричастие: *Yogatai-pi to shifaberinubekarishikado ...* (G, с. 2167) 'Хотя [он], помнится, должен был участвовать и в светских разговорах...'; *Midokoro to arinubekarishikado ...* (G, с. 408) 'Хотя должно было быть, что посмотреть...'.

Почти все формы на *-nive-* образованы от непереходных глаголов.

Пример присоединения к форме совершенного вида суффикса совершенного вида: *Wonna-doti-fa, tonowosoroshiku wobo-shinubekarituru yoru-po yau-nareba, geni woroka-nari tomo woboituramu* (G, с. 890—892) '[Вы], наверное, думаете, что женщины, действительно, растерялись — в такую ночь, когда можно было испугаться [бури]'.

Завершенный вид (в основном от переходных глаголов): *Onna okina, teoshitubeshi* (Tosa, 7/I) '[Это] могли бы написать старуха [или] старик'; *Fotoke to pakapaka kokorogitanashi to mitamasitubeshi* (G, с. 43) 'Даже Будда может счесть [ее] очень грешной'. В определительной форме: *Mimi fito-po tame katakuna-naru na-woto tatetubeki mono-nari* (G, с. 55) 'У тех, кто будет [это] наблюдать, [вы] можете заслужить имя упрямцев'; *Samo nabikashitubeki keshiki-ni koso arame* (G, с. 88) '[У нее] был такой вид, словно [она] могла бы склониться [на его сторону]'. При наличии *koso*: *Kokoni wofasuru koso, sayaini mono-shitubekere* (O, с. 126) 'Находящаяся здесь [женщина] должна [вам] подойти'. В срединной форме: *Yomitubeku fa, faya ife kashi* (Tosa, 7/I) 'Если можешь сложить [стихотворение], скорей говори!'; *Nagusametubekute wofashe* (O; с. 53) 'Приходи развлечь нас!'. В форме уступительного деепричастия: *Koto-nadomo narafasu fito araba. ito yoki shitubekeredomo, tareka-fa woshifen* (O, с. 44) 'Хотя, если бы нашелся человек, который учил [бы ее игре] на кого и почему, [она] делала бы [все] очень хорошо, но кто бы [ее] учил?'; «*Ato totomo yaritubekeredo ...* (Sa, с. 68) 'Хотя можно спровадить [гостя], сказав «после [поговорим]»...'.

В форме инвентива: *Geni kau mo shitubekarikeri* (G,

с. 45) 'Действительно, оказывается, и так можно сделать'; *Afugi-narade kore-shite mo tuki-fa manekitubekarikeri* (G, с. 1582) 'Оказывается, можно привлечь луну и без веера — вот этим'. Определительная форма: *Ware mo fito mo sugushitamafitubekarikeru yo-wo...* (G, с. 424) 'Мир, в котором и она сама и другие должны проводить [свою жизнь]...'.

В форме времени воспоминания: *Fotofoto suke to shitamafitubekariki kashi* (G, с. 2154) '[Он] чуть было не ушел в монахи'. Определительная форма: *Satemo mitubekarishi kefa-fu-narishikaba ...* (G, с. 55) 'И так как [у нее] была внешность, на которую можно было заглядеться...'. При наличии *koso*: *Ko-fimegimi-po wontomo-ni koso, kayau-nite to mitatematuritubekarishika* (G, с. 1938) '[Он] и так мог [ее] видеть вместе с покойной старшей сестрой'. Уступительное деепричастие: *Itofoshikute, utildetubekarishikado, soge-ni to arazarami...* (G, с. 2158) '[Он] должен был бы выехать, но, грустя, наверно, даже этого не сделал'.

Отрицательное наклонение: *Kokorozashi-fa, kono uti-ni to otogažagibeshi* (Tosa, 9/I) 'Должно быть [их] чувства не уступают [по глубине] даже этому морю'. В определительной форме: *Natu fuyu tare ka |kakurezagibeki* (Ishé, 78) 'Летом [и] зимой кто же не смог бы спрятаться [в этой заросли]?'; *Kaferi ikazagubeki ni araneba ...* (Kon IX, 13) 'Так как [он] должен был вернуться...' (двойное отрицание). При наличии *koso*: *Yomitugitaru sudi koso, tuyou-fa kafragazagubekere* (G, с. 780) 'Именно темы, на которые слагают [стихи], сильно измениться не могут'. Но гораздо чаще формант отрицательного наклонения следует за показателем долженствовательно-потенциального (см. выше форму на *-bekarazu* и др.).

В целом можно сказать, что формы этого наклонения были весьма многочисленны и встречались очень часто.

Дубитативное наклонение

В микросистеме наклонений КЯЯ это наклонение противостояло долженствовательно-потенциальному по признаку «негативность/позитивность». Поэтому употреблялось оно гораздо реже. Кроме того, негативность должнаствования нередко выражалась аналитически при помощи форманта отрицательного наклонения. Чаще формы дубитативного наклонения применялись в речи о будущем. Морфологически они были адъективными.

Форма на *-ma ji* (заключительная): *Wonore-fa kefu-yori noti mata mawirisaburafumaji* (Kon XXIX, 4) 'А я с сегодняшнего дня впредь больше не буду приходить'; *Sayaipo koto-fa sumaji* (Kon XXIX, 39) 'Не следует делать таких вещей'; *Fito-no miurami to arumaj! (T, с. 4—5)* 'И никому не будет обидно';

Medurakanaru koto to kokoro mo odorokumaiji (G, с. 36) 'И [никто] даже не удивляется, как [она] изумительна'.

Форма на *-majiki* (определительная): *Tayasuku fito yorikumajiki ife-wo tukurite* (T, с. 7) 'Построил дом, куда не [так-то] легко было пробраться людям'; *Misokani afumajiki fito-ni afitamatafikeri* (Ya, с. 26) 'Встречалась с человеком, с которым не встретишься тайком'; *Yerabi-ni kanagazu togimajiki-fa ito katashi ya* (G, с. 33) 'Очень трудно [найти такую,] которая при отборе не отселялась бы'; *Gesu-no ifamu koto-ni fa tukumajiki nari* (Kon XXIX, 24) 'Не следует доверять тому, что будут говорить простолюдины'; *Fito-no inoti fisisashikarumajiki mono-naredo...* (G, с. 2092) 'Хотя жизнь человека — вещь недолгая...'.

Срединные формы. Соединительная форма на *-majiku*: *Kono wontame-ni fa kami-ga kami-wo yeriidete mo, nafo akumajiku miyetamafu* (G; с. 38) 'Для него, если даже выбрать высшую из высших, кажется, не будет слишком'; *Koko-nite mo, fito-fa mitumajiu ya fa* (S, VII) 'А здесь люди разве не могут (не могли) [вас] увидеть?'. Условно-временное деепричастие: *Mairitamafu ni, shin-nite fa afumajikereba ...* (Ya, 77) 'Так как, хотя [он] пришел, но во дворце [им] нельзя было встречаться...' (см. также О, с. 46). Уступительное деепричастие: *Kono kimi-no katati-fa, kaku kashidukitamafu won-musimedomo-yori mo wotorumajikeredo ...* (О, с. 43) 'Хотя внешность этой барышни, пожалуй, не уступала [внешности] сестер, которых так холили...'.

Инвентив: *Nodoyakani mishinobatu yori fokani, masu koto arumajikarikeri* (G, с. 44) 'Вряд ли есть лучшее поведение, чем отнести [к ошибке другого] спокойно'; *Geni yatigotonaki fito-ni wotorumajikarikeru* (G, с. 449) 'Действительно, [она] вряд ли уступала [в чем-либо] знатным'. В форме условно-временного деепричастия: *Tiwini fitori-fa sugushitamatamajikarikereba ...* (Ya, с. 94) 'Так как в конце концов [ему] не следовало оставаться одиноким...'. В форме уступительного деепричастия: *Kono tifisaki wotoko ... D.-ga katatume-li to atarumajikarikeredomo ...* (Kon XXIX, 30) 'Хотя этот коротышка ... и в подметки не годился Д...' (см. также G, с. 1570).

Предположительная невозможность выражалась преформативом *ye*, выступающим перед той или иной формой с суффиксом *-maji*: *Sa-fa ye kikoymaji* (ISN, с. 422) 'Вряд ли [я] смогу так сказать'; *Ye natu misugusumajiki* (G, с. 51) '[Я] не буду смотреть [на это] сквозь пальцы'; *Kaku nomi-fa ye tawirikumajiki wo* (ISN, с. 424) 'Хотя так только [я] не в состоянии приходить [к вам]'; *Miru me-no nasake-woba, ye tanomitamajiku wotofitamatafefaberi* (G, с. 46) '[Я] считаю, что показному чувству не следует доверять'; *Samo ye woboshifatuma jikute...* (G, с. 81—82) 'Так как [он] никак не мог перестать думать [о ней]...'; *Ye yadorumajuite ...* (Sa, с. 527) '[Мы] не могли

[там] ночевать, поэтому...'; *Turaki yukari-ni koso, ye wotofifatuma jikere* (G, с. 94) 'Но [у тебя] невлюбчивая родня, и [ты сам] не сможешь влюбиться'.

Производные формы после *ye*: *Miyuki ye arumajikannari* (Коп XXIX, 20) 'Вряд ли можно будет проехать [карете миадо]'; *Kore to ye wo boshifanatuma jikarikeri* (G, с. 87) 'И это тоже, оказывается, нельзя было оставлять без внимания'; *Wofo-karu naka-ni to ye nami wotofisadatuma jikarikeru* (G, с. 38) 'Даже из большого числа, оказывается, трудно решиться выбрать [какую-нибудь одну]'; *Sa poti to ye wo boshinodotumajikarikereba ...* (G, с. 84) 'Так как на этом только [он] вряд ли мог успокоиться...'.

Изредка встречалась и форма на *-majikaramu* (хотя значение предположения заложено уже в самом *-maji*), но формы типа **arumajikarazu* не существовало [19, с. 535].

Суффикс *-maji* представляет собой сокращение от ДЯ *-mashi ji*, которого в текстах эпохи Хэйан уже не было. Древнейший пример формы на *-maji* относится к 830 г. [19, с. 535].

Гипотетическое наклонение

Форма на *-gat i*, выражая предположение; этимологически и семантически включает в себя формант *-ti*; применялась в речи о любом отрезке времени, нередко в вопросительных предложениях, как в определительной, так и в финитной позиции. В речи о настоящем: *Aki-po no-wo* | *Wakuramu mushi to ...* | *Ne-wōba* pakuran (Ya, с. 51) 'Даже цикада, пробирающаяся по осеннему полю, плачет, наверно, в голос'; *Arashi fukuramu* | *Fuyu-po uatagato* (Sa, с. 509) 'Зимняя деревня в горах, где дует, верно, сильный ветер'; *Ikadeka-fa* | *Tori-no* pakuramu (Ishe, 52) 'Отчего же поет петух?'; *Obosuramu koto nanigoto zo* (T, с. 28) 'О чем [ты] думаешь?'. Как видно, недостаточная осведомленность, выражаемая наклонением, может относиться не только к реальности самого действия, но и к его причине, содержанию и т. п. В речи о будущем: *Koyofi fito maturamu yado nami* (G, с. 52) 'Есть дом, где [меня] сегодня вечером будет ждать человек'; *Ware-wo to fikiwotoshite karera-ga yaapi utamuzuramu* (Коп XXIX, 14) 'Наверно, и меня собираются выволочь наружу и избить, как и их'; *Fumi tukurugan* | *Miti-wo shirabayu* (ISN, с. 181) 'Хотелось бы узнать путь [к тебе], который проложили бы [мои] письма!'. В речи о прошлом: *Ta-ga kayofidi to* | *Ima-fa* naguramu (Ishe, 42) 'Чьей же дорожкой стала теперь [моя тропинка]?'; *Ware ya miyuramu* (Ishe, 22) 'Наверно, это я привиделся [тебе]?';

Слог *-ru* перед *-ratu* нередко выпадал: *Kono urami-fa tenmento shite tayuru koto* pakuramu (Коп X, 7) 'Эта печаль, наверно, никогда не прекратится'; *Fana to ya miramu* (К [19, с. 536]) 'Наверно, [снег] кажется цветами'.

В предложениях с *-koso*, -и менялось на -е: *Kefu koso-fa* | *Kamayo-po koto mo* | *Womofildurame* (Ishe, 75) 'Сегодня вспоминается и «век богов»; *Sadamete wonore-ga shiritaru fito to koso utagafamuzurame* (Kon XXXI, 15) 'Наверно, [вы] сомневаетесь в том, что я известный человек'.

В форме уступительного деепричастия: *Womofazu fa* | *Ari mo suramedo* ... (Ishe, 54) 'Хотя [ты], наверно, не любишь [меня]...'.

Указывают, что форма на *-gati* гораздо чаще указывает на предположение, связанное с причиной, временем и тому подобными атрибутами процесса, чем в ДЯЯ, где речь шла о вероятности самого действия. Процент применения *-gati* в вопросительных предложениях также резко возрос [19, с. 537].

В комментаторской литературе форма применялась редко, притом только в главном предложении, хотя в вабуне она встречалась и в позиции определения [19, с. 538].

Суффикс *-gati* присоединялся также к заключительной основе обоих видов как в финитной, так и в заключительной позиции (большой частью в речи о прошлом).

Совершенный вид (на *-nigatii*) образовывался в основном от непереходных глаголов: *Nadote kaku* | *Afu gokatami ni* | *Nariniketu* (Ishe, 27) 'Почему же стало так трудно [с тобой] встречаться?'; *Kishi-no fitematu* | *Ikuuo fenigatii* (Ishe, 117) 'Сколько же вековостояла (букв. провела) сосна на берегу?'; *Sono ushi-fa kufi ya ushenuramu* (Kon XXIX, 38) 'Эту корову, наверно, съели [волки, и она] исчезла'; *Koromo-de-wo Kefu-po namida-ni Kuti ya shinuramu* (Ya, с. 58) букв. 'Наверно, рукава сгноил сегодняшними слезами'. При наличии *koso*: *Ima-fa yo-ni nakimono-ni koso-fa*, *ya* *uauau woboshinarinurame* (G, с. 2113) 'Теперь [он], наверно, тоскует именно о той, которой нет на свете'.

Завершенный вид (на *-tigatii*) чаще образовывался от переходных глаголов: *Waga tuma*, *kodomo sa-naritomo kono koto-wo kikitaramu* (Kon X, 35) 'Моя жена, дети так или иначе, наверно, прослышали об этом деле'; *Kitigatii kata to miyetti ni...* (Sa, с. 494) 'Хотя не было видно, с какой стороны [она] пришла...'; *Ito ayashiku tare-shite wokosheturamu* (Ya, с. 101) 'Очень странно. Кто же мог прислать [письмо]?'. В форме уступительного деепричастия: *Kokoroyezu woboshimesareturamedomo*, *kokoroduyoku uketatafarazu narinishi koto...* (T, с. 34) 'Хотя микадо, наверно, думал [об их старательности] с сомнением, но не обошелся [с ними] жестоко...'; *Yume-bakari* | *Namida-ni nigu to* | *Mituramedo* ... (ISN, с. 423) 'Хотя [я] видел только во сне, что [ты] утопаешь (букв. мокнешь) в слезах...'.

Предположение о происхождении *-gati* из *agati* ошибочно, так как глагол *ari* к заключительной форме других глаголов не присоединяется.

Наклонение видимости

Форма на *-rashi*. Применялась редко, только в поэзии. Определительная форма на *-rashiki*, существовавшая в ДЯЯ, в эпоху Хэйан исчезла [19, с. 538]. В КЯЯ форма на *-rashi* обозначала видимость совершения самого действия (а не его причины и т. п.) в отличие от формы на *-rati*: *Ware-wo kofurashi* (Ishe, 62) 'Видимо, [она] меня любит'; *Katura-narurashi* (Tosa, 17/I) 'Наверное [это] лавр'; *Kimi-ga sato-ni fa | Faru nakatirashi* (Ishe, 19) 'А в твоей деревне,' видимо, нет весны'; *Amatu-ka je koso | Fukite kiturashi* (Ya, с. 132) 'Видимо, сюда подул ветер с небес' (*koso* не повлияло на форму *kiturashi*).

Форма на *-meri*. Заменяет в прозе форму на *-rashi* в поэзии. Употреблялась в КЯЯ довольно часто (в ДЯЯ только один пример). Происходит, как полагают, из *mi* ('видя')+*ari*. Фонетически и семантически это вероятно, но предшествующей основой глагола в этом случае должна была бы быть определительная. Примеры: *Asafi sasumeri* (ISN, с. 167) 'Наверно, светит утреннее солнце'; *Ima towoyashiku tugitugini kikoue-kafashitamafumeri* (G, с. 658) 'И теперь, видимо, отечески один за другим говорят [с ней]'. Если перед *-meri* оказывался слог *-ru*, гласный в нем исчезал, а согласный превращался в *-t-* в результате регressiveной ассимиляции. Однако на первых порах он никак не передавался на письме: *Nengoroni fa wobosarenu nameri kashi* (ISN, с. 403) 'Видимо, [он] не был влюблен [в нее] сильно'; *Kokoro-wo ugokasu koto mo ameri* (G, с. 33) 'Бывают, видимо, и случаи, когда испытываешь волнение'.

Форма на *-meri* использовалась как определительная (это подтверждает связь *-meri* с *ari*): *Nurumetu fito-ni kishete kafesamu* (Ishe, с. 121) 'Надел бы [шляпу] на мокнущего [под дождем] человека'; *Nanatabi megurite nami, umitosumeru* (T, с. 21) 'Семь раз облетев [гнездо, птица] сносит [яйцо]'; *Waramono-fa wo uobani tokoro wofokameri* (G, с. 45–46) '[В искусстве есть,] видимо, много такого, до чего плохой мастер не доберется!'.

При наличии *-koso* конечным гласным было *-e*: *Sheusoko-mo naki-ni koso-fa amere* (ISN, с. 413) 'Видимо, [поэтому] нет и вестей [от него]'; *Madakini yamigotonaki yosu-ga sadamari-tamaferu koso sauzaushikamtere* (G, с. 66) 'То, что спозаранку объявилась благородная дама, видимо, не очень хорошо'.

Условно-временное деепричастие: *Fito shirezu nagekifaberimereba ...* (G, с. 746) 'Если [она] будет вздыхать потихоньку от людей...'; *Fito amata faberimereba ...* (G, с. 82) 'Так как, видимо, много людей прислуживают [ей]...'.

Уступительное деепричастие: *Yo-po fito-fa samazamani ifumeredo ...* (ISN, с. 406) 'Хотя люди, видимо, говорили [о ней] всякое...'; *Fimegimi-fa ito kiyorani wofashimasumeredo...* (G, с. 76) 'Хотя барышня, видимо, очаровательна...'.

Sasugani inoti-fa ... nagarafumeredo ... (Sa, с. 533) 'Хотя [моя] жизнь будет, видимо, долгой...'.

Судя по отнесенности к разным отрезкам времени, эти деепричастия не были временными формами.

Время воспоминания: *Koto-ni idete-fa notamafanedo, woboshiwatarumerishi wo ...* (G, с. 2049) 'Хотя [вы] и не выражали это словами, но, видимо, приезжали с [такой] мыслью...'; *Ito shigeu womofoshi madofasumerishi wo...* (G, с. 1509) 'Хотя раньше [вас] призывали очень часто, [так что это,] видимо, причиняло [вам] беспокойство...'. При наличии *koso*: ... *to koso, sono tiunagon mo sadamumerishika* (G, с. 1848) 'Видимо, ваш тюнагон тоже сказал, что ...'. В форме условно-временного деепричастия: *Figoro ito imijiku mono-wo woboshiirumerishikaba ...* (G, с. 2028) 'Так как [она], видимо, несколько дней предавалась очень тяжелым мыслям...'; *Naka-no kimi-fa wotofu kata koto-pammerishikaba ...* (G, с. 1681) 'Так как средняя сестра, видимо, думала иначе...'. В форме уступительного деепричастия: *Won-fumi-fa ito tabitabi faberumerishikado, goramiijiruru koto mo faberazariki* (G, с. 2051) 'Хотя письма [от него] приходили, видимо, очень часто, [она,] бывало, даже не читала [их]'; *Itu to naku mono-wo nomi wobosumerishikado ...* (G, с. 2049) 'Хотя [вы], видимо, думали только о том, когда же это будет...'.

Совершенный вид: «...» *tote, okarenimeri* (Tosa, 7/I) '[Похвалив]... так, видимо, записали [стихотворение]'; *Afumi-di-fa | Wasurenimeri to ...* (ISN, с. 154) 'Дорогу встреч (=в Афуми) [он], видимо, забыл!...'. В определительной форме: *Wagami-fa ima zo |Kiyefatenimeru* (Ishe, 23) 'А я сейчас исчезну (=умру)'. В форме условно-временного деепричастия: *To kakikiroyesumafite yamitamafinumereba, ito kutiwoshin woboou* (G, с. 1597) 'Когда [она], высказавшись и так и этак, видимо, прекратила [играть, всем было] очень жалко'; *Yo-ni shiraretamafinumereba, kokorouki pati* (G, с. 2161) '[Будет] неприятно, если в свете [об этом] станет известно'.

Завершенный вид: *Fito-fa mina | Faru-ni kokoro-wo | Yoshetumeri* (Sa, с. 518) 'Видимо, все люди склонили [свои] сердца к весне'. При наличии *koso*: *Imani ware-ni kakarite koso aritumere* (O, с. 209) 'До сих пор [зятья] мне только досаждали'.

Однако есть и примеры, в которых *-meri-* предшествует суффиксу 'завершенного вида': *Fitoge naki fadi-wo kakushititu, majirafitamafumerituru wo, fito-no sonemibukaku tumori...* (G, с. 13) 'Хотя, скрывая нечеловеческий стыд, [она] вращалась [в обществе], но люди глубоко завидовали [ей]'; *Koyofi wataritamatafan tote, idashiguruma-no koto, ontomo-no fitobito-no koto-nado, totonofesawagumerituru wo* (O, с. 177) 'Сложилось впечатление, что телеги, свита, люди создают суматоху, готовясь к переходу сегодня вечером'.

Перфект: сложный суффикс *-tari+meri* перешел уже в *tammeri*: *Ito kokoro oyozuketammeri* (О, с. 124) 'Но характер [у тебя], видимо, очень твердый'; *Kinu susuketameri* (S, 87) '[Твоя] одежда грязная'. В определительной форме: *Koyo nashi to zo fito womofitammeru* (G, с. 1530) 'Видимо, люди считали [себя] несравненными'; *Yagate t'au-nadomo shitateraretammeri kata-wo, koto nifikani narinitammereba, toriwatashi, to kaku aramatama ji* (G, 1890) 'Видимо, сшили новые занавеси и т. п., но так как все это произошло неожиданно, перевешивать [их] и заменять не надо'. При наличии *koso*: *Mukashi-monogatari-ni mo, fito-no won-sauzoku-wo koso-fa madu ifitammerere* (G, с. 228) 'И в старых повестях, видимо, прежде всего говорили о том, как человек одет'. В форме условно-временного деепричастия: *Sono kokoro-wo mina fito mishiritatammereba* (G, с. 1922) 'Хотя эти чувства все люди (слуги), видимо, знали...'. В форме уступительного деепричастия: *Wotonabitamafitammedero, mada ito wotofiyari mo naku...* (G, с. 673) 'Хотя [он] уже как будто взрослый, но большой заботы [о делах у него] еще нет'.

Перфект + *meri* + время воспоминания: *Kita-po kata takara to omofitameriki* (О, с. 179) 'Ведь [госпожа из] северных покоев считала, видимо, [шкатулку] сокровищем'. В определительной форме: *Fitobito-no kefafi-nado-no, natukashiki fodoni nauebamitammerishi...* (G, с. 1824) 'К этим людям [он] относился запросто, поэтому и [одежды надел], видимо, поношенные'. При наличии *koso*: ... *mi-no ushirometasa-fa, kazu sofitaru uai-ni koso wobosaretammerishika* ... (G, с. 1666) 'Видимо, беспокойство о [своей] судьбе [у него] все росло...'.

Отрицательное наклонение имело сложный суффикс *-zammeri* (<-*zaru+meri*): *Sate kikisugushitamafubeki wonkokorozama-ni mo arazammeri* (G, с. 1946) 'Видимо, [у него] не такой характер, чтобы можно было пропустить [это] мимо ушей'; *Tada kaku-nagara, kufafubeki koto faberazammeri* (G, с. 147) 'Если [написать] только так, добавлять, видимо, ничего не нужно'. В определительной форме: *Sugoshitamafazazammeru-fa to wotofu to wokashiate* (ISN, с. 414) 'Даже думать о том, что [он] не упустил [случая прислать стихотворение], было приятно'; *Ito sa ifu-bakari-no wosanaki-nifa arazammeru wo ...* (G, с. 1921) 'Та, которая так говорит, видимо, не очень уж наивна...'. В форме условного деепричастия: *Mada wokisashetamafazazammereba...* (О, с. 63) 'Так как [она] еще не вставала...'; *Kore-fa mada Nanifadu-wo dani, jakabakashiu tudukefaberazammereba, kafi naku nati* (G, с. 177) 'Так как даже из гавани Нанива еще, видимо, нельзя было как следует продолжать переписку, толку не было'. В форме уступительного деепричастия: *Won-kutitukidomo-fa, koto-nagi koto miyezazammedero, shirushi-bakari-tote fitotu futatu zo tofikiktarishi* (G, с. 1861) 'Хотя произнесенные ими стихи не казались чем-то

особенным, некоторые из них в знак [внимания] переспросили'; *Murasaki-po uikari-ni mo nizammeredo* ... (G, с. 1515—1516) 'Хотя [он], видимо, не похож и на родню Мурасаки...'.

Долженствование - потенциальное наклонение имело сложный суффикс *-bekammer-* (<-*beku* + *aru* + *meri*): *Kimi to ... saru koto to fa wobosubekammeri* (G, с. 55) 'И хозяин... видимо, мог подумать, что так оно и есть'; *Wondukara faberubekammeri* (G, с. 1594) 'Видимо, [я] сам смогу [это] сделать'. В определительной форме: *Fotoke-po won-katani fa, sauji-bakari-wo fedatete zo wofasubekammeri* (G, с. 1577) 'Видимо, [барышни] должны [были] жить, отделенные только ширмой от буддийского киота'; *Sanjaku-po won-kit'au fitotu zo ihibekameru* (O, с. 65) 'Видимо, нужна [была] и одна занавеска [длинной] в три сяку'; *Ayashiki sama-ni zo ifubekameru* (ISN, с. 425) 'Видимо, могут говорить [о ней] дурное'. При наличии *koso*: *Tuki to fana to kokoro-ni someraruru ni koso abekamere* (Sa, с. 518) 'Видимо, [это] может зависеть от того, как и луна и цветы воспринимаются сердцем'; *Soudun-ni asite koso fa ... tomo kakuto tofubekamere* (G, с. 2161) 'Видимо, надо, встретившись с наставителем, ... так или иначе распросить [его]'. В форме условно-временного деепричастия: *Ito fukai nikumitama fubekamereba, mi-to iku shomofifatenu* (G, с. 94) 'Так как [она], видимо, должна [меня] очень сильно ненавидеть, я тоже думаю [об этом] с грустью'; *Fukaku torikakushitama fubekamereba ...* (G, с. 32) 'Так как [он] должен был хранить [такие письма] в надежном месте (букв. глубоко...)'. В форме уступительного деепричастия: *Fito sumubekammeredo, konata-ja fanaretari* (G, с. 120) 'Хотя в [этом доме], видимо, могли бы жить люди, это место было заброшенное'; *Mata yo-ni tagufi naki yaapi nomi koso-fa wobo yubekameredo...* (G, с. 1567) 'Хотя, видимо, надо помнить, что в мире [это] беспримерный случай...'.

Совершенный вид + должноствование - потенциальное наклонение + *meri*. Сложный суффикс *-bekammeri* мог присоединяться к основе совершенного вида на *-ni*: *Asu-po maturi-ni mi-ni idetamafinubekameri* (O, с. 119) 'Собираются, видимо, поехать посмотреть завтрашний праздник'; *Ugufisu mo tadunekinubekammeri* (G, с. 1858) 'Видимо, должны прилететь и камышовки'; *Akogi-fa tumi aramu fito-fa oditamafinubekameri* (O, с. 82) 'Акоги, видимо, побаивается того, кто [перед ней] виноват'. В определительной форме: *Yo-no naka-fa kefu asu tomo shirazu kafarinubekameri wo* (ISN, с. 408) 'Мир так изменив — не знаешь даже, что будет сегодня-завтра'. При наличии *koso*: *Saraba shiudai-po moto koso saburafinubekamere* (Коп. XXIX, 17) 'Тогда [мне], видимо, можно будет поселиться под колокольней'; *Sarazu-tomo kaku medurakanaru koto-fa, yogatari-ni koso-fa narifaberinubekamere* (G, с. 843) 'Если даже это и не так, такое странное обстоя-

тельство должно, видимо, стать предметом пересудов в свете'. В форме условно-временного деепричастия: *Yuyushiki koto to arinubekamereba, wadurafashi tote* ... (Mu, с. 466) 'Было беспокойно, так как могло произойти что-то неподобающее'; *Keshiki-no, sukoshi utiyurubite kaku wataritamafinubekamereba* ... (G, с. 1995) 'Так как, немного успокоившись, [ты] должна будешь переехать [к нему]...'

Завершенный вид + долженствование - *meri*. Сложный суффикс *-bekammeri* мог агглютинироваться также к заключительной основе завершенного вида на *-tu* в основном переходных глаголов: *Uti-но onkata-nado-по mi-ofokoto aran-nifa, kikoyetu-bekameri* (O, с. 140) 'Видимо, надо будет сказать [ей], когда будем [шить] вещи для особы во дворце'; *Yaipaku koto tabi isakafi-shitubekameri* (O, с. 163—164) 'Бесполезно на этот раз спорить'; *Utini koboshitubekammeri* (Mu, с. 466) 'Видимо, в душе [им] хотелось проливать [слезы]'. В определительной форме: *Inishife-no sumigaki-no jauzudomo, ato-wo kurau nashitubekammeru-fa, kaferite keshikaranu waza-nari* (G, с. 594) 'То, что старинные мастера живописи тушью, видимо, можно [сказать], заметали за собой следы,— напротив, неприятная манера'.

Но при сочетании *-bekammeri* с формантом завершенного вида наблюдалась колебания — есть и примеры, когда последний следует за первым: *Womofitatu koto safe fonokikituru fito mo abekamerituru wo, wokonaru te-wo mo mirubekameru kana* (ISN, с. 433) 'Хотя, видимо, нашлись люди, которые краем уха слышали о Вашем решении, придется, видимо, наблюдать и глупости' (см. выше подобное же колебание при сочетании *-meri* и *-tu*).

По Комацу, *-meri* первоначально выражал зримый факт, но с XI в. стал присоединяться к глаголам мысли, обозначая вероятность вообще. В комментаторской литературе это наклонение встречалось нечасто. Обычно речь шла при этом о 3-м лице [19, с. 540].

Императивные наклонения

Повелительное наклонение

Прямое повеление выражается флексивной формой на *-e* (от глаголов 1-го спряжения): *Naku kow-e-wo kike* (Ishe, 38) 'Слушай плачущий голос!'; *Sumiyoshi-no fama to yome* (Ishe, 67) 'Воспой берег в Сумиёси!'; *Kaditoru, ife* (Tosa, 21/l) 'Кормчий, скажи!'. Эта форма, как и в последующие эпохи, не была вежливой. Так говорили младшим, низшим: *Ikite kike* (S, VIII) 'Поди, выслушай [его]!' (императрица — придворной даме);

Kanarazu mitatematurite maire (Т, с. 24) 'Непременно посмотри [ее] и приходи!' (микадо — сановнику); *Yama-no oku-fe makari ire ire* (Кон XXIX, 23) 'Заходи в глубь леса, заходи!'. От *ku* 'приходит' формой повелительного наклонения было *ko*: *U.-ni sashitorashete ko* (ISN, с. 412) 'Вручи письмо У. и возвращайся!'. Как и в другие эпохи, при приказе совершить два действия лишь последнее из них выражалось глаголом в повелительном наклонении (см. выше).

Глаголы других спряжений образовывали эту форму из соединительной основы + *yo* (восклицательная частица): *Ware-ni kikashe yo* 'Скажи мне!' (экс-император — кудеснику); *Kore-wo mite woboshiideyo to mawoshe* (Кон X, 7) 'Скажи [ему] — пусть, глядя на это, вспоминает [меня]!' (Ян Гуй-фэй — кудеснику).

Та же форма могла относиться и к 3-му лицу: *Ashiku to aye, ikani to aye* (Tosa, 7/I) 'Будь [это стихотворение] плохое, какое бы [оно ни] было...'; *Sono wotoko, aruji-to shitashiku narinaba, koromo-woba torade ine kashi* (Кон XXIX, 22) 'А этот мужчина, если уж [он] сблизился с хозяйкой, ушел бы себе, не забирая одежды!'. Частица *kashi* несколько снижала резкость приказа: *Faya ife kashi* (Tosa, 7/I) 'Скорей говори [свое стихотворение]!' (поощрительно); *Nafo yoroshii fure kashi* (О, с. 73) 'Пусть бы [дождь] шел потихоньку!'.

Степень вежливости повышалась, если сам глагол был не нейтральным или грубым/скромным (как *mafosi* 'говорить', *makaru* 'идти'), а вежливым: *Kore, meshe* (Кон XXIX, 9) 'Кушай это!' (путник, уговаривающий монаха). При обращении к низшим употреблялись грубые глаголы: *Sore-wo torafete tatemature* (Кон IX, 44) 'Схватите (поймайте) его!' (стражникам); *Wifabere* (О, с. 72) 'Садитесь на землю!' (прохожим). Китайский император, даже схваченный мятежниками, обращается к ним просто: *Wotodo, waga inoti ikeyo* (Кон X, 1) 'Везир, сохрани мне жизнь!'.

В стихах вежливые формы не были приняты. И основу + *yare* (<are>) можно было считать формой средней степени вежливости: *Womofiyare* | *Nagametutu nomi* | *Sugusu kokoro-wo* (ISN, с. 133) 'Представьте себе чувства той, кто проводит [время] только в созерцании!'.

Повелительная форма на -*e* могла быть образована и от формы соршеннего вида: *Worine* (ISN, с. 409) 'Сходи!', 'Выходи!' (из кареты); *Kaferine* (Кон X, 4) 'Возвращайся!', Вежливые формы: *Moto-no won-katati-to naritamafine* (Т, с. 25) 'Примите прежний образ!' (девушке-невидимке); *Sumiyakani nigetamafine* (Кон XXIX, 28) 'Скорей бегите!'; *Ofotonogomorine* (О, с. 118) 'Извольте ложиться спать!'.

Перфект на -*tare*: *Shibashi witare* (О, с. 72) 'Постойка минутку!'; *Tikaku witare* (О, с. 124) 'Побудь возле [госпожи]!'; *Zuwi jin fitori futari wofashewokitetare* (Г, с. 196) 'Пусть

[со мной] поедут один-два оруженосца!'. От перфекта на -er: *Shibashi irite fushitamafere* (O, с. 89) 'Немножко приягте!'.

Прилагательные, как правило, не образуют повелительного наклонения. Исключением является *nakare* (от *naku* 'нет' + *are*), встречающееся вcommentаторской литературе: *Tineni jishite wasururu koto nakare* (830 г. [19, с. 483]) 'Все время держите при себе и не забывайте!'. Такая конструкция имеет запретительное значение, но по морфологическому признаку должна считаться формой повелительного наклонения: *Yumeuite kono fituji-wo korosu koto-fa* *nakare* (Kon IX, 18) 'Пусть ни в коем случае не убивают эту овечку!'; *Kore firomuru koto nakare* (Kon XI, 4) 'Этого не распространяйте!'. При обращении к высшим спрягаемым глаголам снабжался вежливым *tatamafu*: *Notini sarani uramitamafu koto nakare* (Kon X, 34) 'Потом совсем не жалейте об этом!' (= 'Смотрите, не придется ли вам пожалеть об этом!').

Вежливой формой повелительного наклонения была форма страдательного залога (в значении действительного): *Sono motitamafu yumi-ni kaferareyo* (Kon XXIX, 23) 'Выменяйте [мой меч] на лук, который вы несете с собой' (прохожий — попутчику); *Saraba soko-ni wofashite woraretare kashi* (Kon XXIX, 17) 'Ну, тогда живите себе там!' (настоятель — пожилому монаху).

Не менее вежливы были почтительные глаголы в форме на -e: *Tada wofashimashe* (Kon XXIX, 24) 'Будьте спокойны!' (слуга — госпоже).

Наиболее употребительной формой вежливого повеления была соединительная основа глагола + *tatamafe*: *Kore mitamafe* (Kon XXIX, 23) 'Вот посмотрите [на мой меч]!'; *Sono kame-wo ware-ni uritamafe* (Kon IX, 13) 'Продайте этих черепах мне!'; *Faya yakite mitamafe* (T, с. 15) 'Скорей попробуйте бросить [шубку] в огоны!'; *Negafaku-fa fafa waga inoti-wo yurushitamafe* (Kon IX, 18) 'Прошу, вас, мама, сохраните мне (букв. мою) жизни!'.

Форма побудительного залога на -ashe/sashe+yo (а еще вежливее *tatamafe*) также применялась в качестве вежливой формы повелительного наклонения действительного залога: *Kore tawirashetamafe* (S, с. VIII) 'Передайте, пожалуйста, это!' (хозяин дома — придворной dame); *Won-wokonafi nado mo kokoro podokani shesashetamafe kashi* (Kon XXIX, 24) '[Вы] со спокойной душой совершили бы поминальные обряды!' (слуга — госпоже).

В близком к повелению значении применялась форма на -beshi (см. выше раздел «Долженствовательно-потенциальное наклонение»).

Довольно редко форма повелительного наклонения образовывалась от основы отрицательного: *I-wo wosamete warafazare* (1099 г.) (Ts, с. 521) 'Поняв смысл, не смейтесь!'.

Запретительное наклонение

Морфологически не имеет ничего общего с повелительным, хотя и противостоит ему в системе наклонений по признаку негативности/позитивности (т. е. семантически). Обозначает запрещение (или просьбу, мольбу не) производить какое-либо действие.

Преформатив *na + II основа + so*: *Onokodomo to na makariso* (T, c. 19) 'И [вы], ребята, тоже *не ходите туда!*' (слугам); *Waga yado-wo | Miki to na ifiso* (Ya, 26) 'Не говори, что видел мое жилище!'. *Na* является преформативом (а не префиксом), так как между ним и глаголом можно было вставить одно и даже несколько слов: *Torashetu topo na uite-uite toriso* (Kon XXIX, 3) 'Не бери ничего из того, что [тебе] будут давать!'.

При вежливом обращении употребляли почтительный эквивалент спрягаемого глагола: *Worokani na woboshiso* (ISN, c. 408) 'Не думайте, что [я] невнимателен [к вам]!'; ...*mono to na woboshimeshiso* (Kon XXIX, 4) 'Не думайте, что...'.

Чаще ко II основе нейтрального глагола присоединяли еще *tamafi*: *Na shitamafiso* (T, c. 25) 'Не делайте так!'; *Tuki na mitamafiso* (T, c. 28) 'Не смотрите [на] луну!'; *Te na pokoitamafiso* (G, c. 54) 'Не играйте для него одного' (букв. 'руки не оставляйте!'); *Fito na itaku wabisashe-tatematurafetamafiso* (T, c. 14) 'Не огорчайте его [так] сильно!'.

Изредка *na* опускалось: *Nanigoto naritomo kakushiso* (Kon XXIX, 27) 'Что бы то ни было, *не скрывай!*'; *Ito kaku na ifiso, sawagiso* (Kon XXX, 2) 'Не говорите так, *не шумите!*' (служанкам).

Заключительная основа + *na* — такая форма встречалась несколько реже, но структурно (отсутствие преформатива) ближе к другим чисто суффиксальным агглютинативным формам наклонений: *Shitafimo tokuna* (Ishe, 36) 'Не развязывай нижних завязок!'; *Ume fito-ni ifuna* (ISN, c. 400) 'Ни в коем случае *не говори другим!*'; *Uti-ni kaferikuna* (T, c. 16) 'Не возвращайтесь домой!' (слугам); *Ume inuna* (Sa, c. 525) 'Совсем не спи!'.

В вежливой речи после II основы спрягаемого глагола употреблялось *tamafu+na*: *Sayauni woboshinabikashetamafuna* (G, c. 712) 'Не думайте так склоняться [на его сторону]!'; *Anakashiko, wobiyesa fagashetamafuna* (Sa, c. 525) 'Нй в коем случае не пугайтесь и не шумите!'.

В значении запрещения использовались и формы типа *subekagazu* 'ты не должен делать' (см. выше), которые по морфологическим признакам в число форм данного наклонения нельзя включать.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Старая форма типа *ifayugi* в эпоху Хэйан выходит из употребления. Недолго сохраняются лишь изолированные формы от глаголов речи и мысли: *Ima-fa kafi naku Womofouyugi kana* (Ya, 93) 'А теперь думается, нет ракушек (=результатов)'. Лексикализовавшиеся формы *agayugi* 'всевозможные' и *ifayugi* 'так называемый' (сохраняющиеся и в современном языке) обнаруживаются в мужской речи, встречающейся в комментаторской литературе. Страдательный залог имеет только один формант *-are* для 1-го спряжения, *-rare* — для остальных. Если деятель называется, он обычно выражается именем в дательно-местном падеже: *Kono ja-ni torakasarenitaru ni koso arumere* (Kon XXIX, 33) 'Видимо, [орел] был схвачен этой змеей'.

Нельзя сказать, будто деятель и предмет, подвергавшийся воздействию, непременно должны были быть одушевленными, если о действии говорилось в страдательной конструкции: *Sore-fa fito-ni shirasenu kusuri-nari* (Kon XXIX, 25) 'Это лекарство, не известное людям'; *Kinari kami-ni, ni shite, koku igitashiku kakaretari* (Sa, с. 487) 'На желтой бумаге красным было написано красиво'; *Iro yurusaretaru arikeri* (Ishe, 65) 'Жила-была [женщина], которой было разрешено [носить] цветные [одежды] (букв. цвета были разрешены)'; *Tuki-ni fikarete...* (Tu, с. 695) 'Увлеченный луной...'; *Kigureba utiwosofarete...* (Kon X, 36) 'Если произойдет обвал, [меня] засыплем'.

Есть предложения, в которых соединительная форма глагола в действительном залоге понимается в страдательном смысле под влиянием следующего глагола в форме на *-rare-*: *Kaje-ni fuki sukimetaretatafinati* (Kon XXIX, 17) '[Там вас] будет обдувать ветер, [вам] будет неудобно' (точнее, 'ветром обдувая, [вы] будете стеснены').

Особенностью ЯЯ на протяжении всей его истории является нередкое сохранение винительного падежа прямого дополнения при сказуемом-глаголе в страдательном залоге: *Saru-no te-wo kufaferarete ...* (Kon XXIX, 35) 'Рука обезьяны была захвачена [моллюском]...'; *Mafe-no futayo-nifa sayu:-no te-wo kiraren* (Kon X, 29) 'Обе руки [у него] были отрублены предыдущими царями'; *D.-fa yoki tokogo-wo tukarenikereba...* (Kon XXIX, 30) 'Так как Д. был ранен в опасное место...'. Как видно, в винительном падеже выступают имена, обозначающие части тела.

В переводной литературе на деятеля может указывать *-no tame ni*: ...*mizu ni makoton i faya, tora-po tameni sokonafaretari* (Kon X, 17) '... смотрит, действительно, мать убита тигром'; *Sono toki-ni, Yauyu-ga tameni iwotosaruru tokoro-po kokonotuno fi-woba...* (Kon X, 16) 'В это время девять солнц, сбитые из лука Яньюем...'; *Tufini sono dokija-po tameni reijerarete...* (Kon XIV, 3) 'В конце концов [я] оказался во власти этой ядовитой змеи...'.

Книжным оборотом можно также считать оформление названия деятеля при страдательном залоге при помощи *-ni yorite*: *Tai-no Genshu-no kisaki Yau Kifi kwaut'au-ni yorite korosaru-koto* (Кон X, 7) 'Рассказ о том, как супруга Танского [императора] Суань Цзуня Ян Гун-фэй была убита военачальником императора'.

Первоначально формы на *-are/-rare* передавали пассивность. Однако затем возникают и другие значения: самопроизвольно возникающее действие, потенциальность: *Koshi nati ugokarenai* (Т, с. 22) 'Поясница не гнулась' (букв. 'не двигается'); *Tanomaruru kana* (Т, с. 6) 'Можно ли [мне] надеяться?'; *Nerarenedo* (ISN, с. 169) 'Хотя не могу заснуть...'; *Me-nifa mite*

Te-nifa torarenu ... | Kimi-ni zo arikerau (Ishe, 72) 'Ta, которую видишь глазами, но не можешь взять руками ... это ты'; *Sora-ni tobiagarite toraferarezu* (Кон X, 3) 'Взлетел в небо, и поймать [его] было невозможно'. Широко использовались формы страдательного залога в значении вежливой формы действительного залога. При этом конструкция предложения была сходна с конструкцией в действительном залоге: *Kane-shoto tukaremu fa ito yoki koto nari* 'To, что [вы] будете звонить в колокол, это очень хорошо'; *Tatimatini worarubeki tokoro koso nakare* (Кон XXIX, 17) 'В настоящее время нет места, где [вы] могли бы жить' (настоятель — чужому монаху старше себя); ... *to ofosherarureba* ... (Т, с. 26) 'Когда [микадо] так сказал'; *Suminaretamaishi furusato-no ikemidu-ni womofitamagaferaretamafu ni* ... (G, с. 471) 'Когда [он] предавался размышлением у вод пруда в родных местах, где [он] так привык жить...'.

ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Выражает побуждение или предоставление возможности деятелю совершить то или иное действие. Лицо, являющееся инициатором, выражается подлежащим. Лицо побуждаемое, исполнитель действия, выражается дополнением (прямым при формах, образованных от непереходных глаголов, и косвенным при формах от переходных). Разумеется, в предложении упоминание обоих лиц вовсе не обязательно.

Форма на *-shimi* уже в то время считалась устаревшей, употреблялась в комментаторской и переводной литературе: *Sake-wo nomashimu* (Кон IX, 12) 'Угощает [его] вином (букв. поит)'; *Tenwau ... dautafu-wo yaburi, butkei-wo ukashimu* (Кон XI, 1) 'Император повелевает [ему] разрушить храмы и скечь буддийские сутры' (т. е. прямое дополнение оформляется так же, как и при сказуемом в действительном залоге, а соединительная форма действительного залога, обозначающая акт, совершаемый тем же деятелем, может иметь

побудительное значение); *Murasaki-no kesa-wo kishimetarikeri* (Kon XI, 1) 'Разрешил [ему] носить фиолетовую рясу'; *Ware-ni yeshimen to suru narikeri* (Kon X, 38) '[Он] собирается отдать [их] мне'.

Цукисима отмечает отдельные примеры на *-shimu* в дневниковой литературе на кане, в «Такэтори», в предисловии к «Кокинсю» и т. п. Во всех его примерах за *-shime* следует *tamafu*: *Koto-ni tukete uta-wo tatematurashimetamafu* (K [19, с. 508]) 'По [разным] поводам велел слагать стихи'.

Форма на *-ashe/-sashe* появляется в начале эпохи Хэйан [19, с. 506]. В ДЯЯ господствовала форма на *-shim-*. Логика присоединения формантов страдательного и побудительного залогов к I основе (ирреальной) заключается, видимо, в том, что лицо, выражаемое подлежащим, действия не производит. Примеры: *Wonna-ni mo wotoko-ni mo kufashetari* (Kon XXIX, 3) 'Дали поесть (=покормили) и женщине и мужчине'; *Ikade na wo | Akatukiwoki-wo | Kimi-ni shesasheji* (ISN, с. 409) 'Как не заставлять вас вставать с рассветом!'; *Tada tokashe-ni tokashetu* (Kon XXIX, 15) 'Заставили [его] снять [одежду]'; *Mono yoku shite kufashe sake nado nomashete ...* (Kon XXIX, 6) 'Угощали [его] вкусными вещами, поили сакэ и т. п.'. Иногда деятелем мог быть и неодушевленный предмет: *Midufashireshe nado ...* (Ishe, 78) 'Пустили ручьем (букв. заставили бежать) воду...'; *Sore-yori mikoshi-fa irashetamafu* (S, VIII) 'Через них (через ворота) внесли (букв. заставляют войти) носилки'.

Побудительные формы, подобно страдательным, употреблялись для выражения вежливости. Тем самым как бы отмечалось, что собеседник (или высокопоставленное 3-е лицо) производит действие не сам, а поручает его другим (вассалам, слугам и т. п.), хотя на самом деле это было не так: *Fayate mo tati-no fukasugi nari* (T, с. 18) 'И ураган — [его] дует дракон' (но не исключена возможность того, что понималось так: дракон заставляет ураган дуть); обычно форма на *-ashe/-sashe-* или сочеталась с вежливым глаголом, или имела после себя вежливый вспомогательный глагол *-tamafu* [Ts, с. 507]: *Nado ka notamafashenu* (ISN, с. 443) 'Почему [вы мне] не сказали?' (*notamafu* <*nori+tamafu*, т. е. включает в себя *tamafu* этимологически; если бы лексикализация *notamafu* не произошло, форма звучала бы *norashetamafanu*).

В КЯЯ еще не было побудительно-страдательного залога в вежливом значении [19, с. 507]. Хотя сочетание формантов обоих залогов в одной глагольной форме изредка встречалось, один из них имел свое собственное значение, а другой — вежливое: *Ko-miya-no fate-made soshiraresashetamafishi mo* (ISN, с. 403) 'И покойный принц до конца [своей жизни] подвергался нападкам (-*sashe* в вежливом значении).

В произведениях, описывающих жизнь придворных, побуди-

тельный залог в вежливом значении употребляется не только в диалогах, но и в речи от автора о высокопоставленных лицах: *Ufe-fa-win-no mikata-ni watarashetamafu to wobosu* 'Супруга [его] думала, что [принц] уехал к экс-императору'; ... *tote todomarashetamafinu* (ISN, с. 409) '[Принц,] сказал.., остался'.

Оцубо Хэйдзи показал, что употребительность залогов в разных стилях литературы эпохи Хэйан не одинакова: в стихах больше пассивных форм, в вабуне количество пассивных и каузативных форм примерно одинаково, в переводных с камбуном произведениях преобладает каузатив [16, с. 25].

ЦИТАТНОЕ ПРИЧАСТИЕ

В языке эпохи Хэйан сохранялось еще особое причастие, употреблявшееся перед прямой речью. Оно могло быть образовано только от глаголов речи и мысли. Образованное от глаголов 1-го спряжения, это причастие обладало морфологическим строением, допускающим два объяснения: а) образованием от I основы при помощи суффикса *-ki*; б) составом — корень глагола + суффикс *-aku*. Видимо, эта форма не была временной или видовой.

От глаголов 1-го спряжения: *Fitobito-no ifaku...* (Tosa, 16/II) 'Люди говорили...'; *Tugete ifaku ...* (Kon XIII, 42) 'Докладывая, сказал...'; *Titi-ni tawasaku...* (Kon XIV, 6) 'Сказала отцу...'; *Sono toki-ni Ritshi omofaku...* (Kon XIV, 1) 'В это время Ритси подумал...'; *Negafaku-fa ...* (Kon XIII, 42) 'Прошу вас...'. Изредка причастие на *-aku* сопровождалось той или иной служебной морфемой: *Fito-no kikaku ni* (Ya, 26) 'А то люди узнают (букв. услышат)'. Так же образовывалась эта форма и от глаголов типа *ari*.

От глаголов других спряжений эта форма образовывалась присоединением *-aku* к определительной форме (конечное *-i* которой выпадало): *Shifo miteba | Irinuru iso-no | Kusa-nare ya | Miraku sukinaku | Kofigaku-no(o)foki* (Shu:i [19, с. 495]) '[Ты как] трава на морском берегу, куда, как видно, проник прилив: смотришь — [ее] мало, а полюбишь — много'.

Прилагательные образуют эту форму, присоединяя *-keku* к основе, — скорее всего она происходит из определительной формы на *-ki+aku*, т. е. образуется одинаково из определительной формы глаголов всех спряжений и прилагательных + *aku*. А это дает основание считать *aku* именем. *Karu kaya-no | Midarete aredo | Ashikeku mo nashi* (K [19, с. 495]) 'Тростник, который [я] кошу, хотя и спутан, но плохих [стеблей] [у него] нет' (прилагательное субстантивировано); *Nagakeku- mo tanotekera kana* (Ya, 116) 'Как же долго [я] надеялась!'.

Иногда форма образовывалась от одного из прошедших вре-

мен: *So-ga ifikeraku* (Tosa, 29/I) 'Она сказала...'. От предположительного наклонения: *Mimaku foshisa-ni Izanafaretutu ...* (Ishe, 64) 'Увлеченный желанием [тебя] увидеть...'; *Ojomiyabito-no | Mimaku foshisa-ni* (Ishe, 70) 'В страстном желании увидеть женщину из большого дворца' (объект выражен определением, а не прямым дополнением).

Однако форма на *-aku* характерна лишь для ранних произведений эпохи. Даже в сборнике новелл она постепенно исчезает, заменяясь глаголом говорения в той или иной форме, стоящим после прямой речи, что характерно и для новояпонского языка. В «Гэнзи» формы на *-aku* найти трудно. Можно считать, что с середины эпохи в живой речи они исчезают.

ПОСТПОЗИТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Нарушением обычного порядка слов является постановка определения после определяемого, возникшая в КЯЯ, возможно, не без влияния китайского, где подобные примеры также имеются. В ряде случаев выбор такой конструкции можно объяснить наличием нескольких определений-предикативов: *Kouran-no moto-ni awoki kame-po wofoki naru-wo suwete...* (S, c. 23) 'У балюстрады поставили голубую вазу *большую...*'; *Ito otoshiroki ite-po ariketu-wo worite ...* (O, c. 153) 'Сломав [ветку] очень красивой сливы, оказавшейся [там]...'; *Ken-wo nusumite uritaru-wo kafitari ni mo arazu* (O, c. 176) 'Документ, *украденный и проданный*, [я] не покупал'; *Tiunagon-naru fito-no, omitusume amata motitamaferu ofashiki* (O, c. 43) 'Жил человек, званием тюнагон, имевший много дочерей'. Определяемое оформляется формантом *-no*, если постпозитивное определение — прилагательное или непереходный глагол: *Sono wofuto-no ushetaru-wo anagatini hofikanashimikeredomo ...* (Kon XXIX, 24) 'Хотя [она] очень любила своего мужа *покойного* и скорбела [о нем]...'; *Yo fitoyo, ifo-no ife-ni kaki-po wotikakarinagi-wo, fitobito firofi nado su* (Sa, c. 488) 'Всю ночь напролет люди подбирали и ели хурму, которая падала на шалаш'. Но если определяемое обозначает лицо, оно может оформляться суффиксом *-ga*: *Fangwandai-ga uta-ni noritaru-wo ariji to womofite...* (Kon XXIX, 25) '[Я] принял чиновника, ехавшего верхом на лошади, за главного...'; *Ukon-ga tikau fushitaru-wo wo-koshitatafu* (G, c. 123) 'Разбудил Укон, спавшую *неподалеку*'.

Предложение с рассматриваемой конструкцией — сложное. Сама конструкция во всех приведенных выше примерах является членным предложением — прямым дополнением. Но если глагол-сказуемое главного предложения непереходный, то конструкция представляет собой предложение-подлежащее: *Mizogafi to ifu mono-no wofokinaru ga kuti-wo akete arikeru wo...* (Kon XXIX, 35) 'Моллюск, называемый мизогафи, крупный, лежал, раскрыв створки (букв. рот)'.

Надо отметить, что постпозитивное определение формально служит сказуемым членного предложения. Чтобы оно стало самостоятельным, нужно только придать сказуемому финитную форму и отсечь все, относящееся к главному предложению.

В изучение постпозитивного определения, в том числе и в КЯЯ, большой вклад внесли мои учителя — Е. М. Колпакчи и А. А. Холодович.

ИНВЕРСИЯ В СТИХАХ

Как и в поэзии многих других народов, в стихах на КЯЯ нередко менялся обычный порядок слов. Причин инверсии много: а) необходимость уложитьться в строгий размер танка — 5—7—5—7—7 слогов. Если слово или словосочетание, которое следовало бы поместить на первом или третьем месте, заключало в себе более 5 слогов, его приходилось перемещать на второе, четвертое или пятое места; б) возможно, были и ритмические причины, по которым даже подходящее по длине слово перемещалось как несовместимое с ритмическим рисунком стиха; в) композиционные соображения вынуждали отнести главное в стихе на последнее место; сюда относятся и многие из случаев «тайгэндомэ», т. е. стихов с именем на последнем месте (вместо более обычного помещения в конце сказуемого-предикатива); г) вопросительное слово с начала предложения могло переноситься в конец, превращаясь в сказуемое (иногда даже в прозе); д) есть и случаи переноса сказуемого на первое место: *Mube-narikeri kimi-no adawaza-wo shitamafanu-fa to otofu* (О, с. 160) ‘Неудивительно, что господин не изменяет [такой жене], — подумала [кормилица]’.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ КЯЯ

1. В целом систему спряжения КЯЯ можно оценить как в высокой степени синтетическую. Даже связи между предложениями (в составе сложного) выражались деепричастиями, т. е. одна форма глагола (или прилагательного) служила как сказуемым придаточного предложения, так и показателем характера синтаксической связи (соединительной, выражающей одновременность, условно-причинно-временной или уступительной). Это важная типологическая черта, свойственная всем алтайским языкам.

2. Из микросистем грамматических категорий наиболее сложной и многообразной была микросистема наклонений. Времена, хотя и существовали, были неразрывно связаны с модальными значениями, которые можно считать главными,

мен: *So-ga ifikeraku* (Tosa, 29/I) 'Она сказала...'. От предположительного наклонения: *Mimaku foshisa-ni Izanafaretutu ...* (Ishe, 64) 'Увлеченный желанием [тебя] увидеть...'; *Osomiyabito-no | Mimaku foshisa-ni* (Ishe, 70) 'В страстном желании увидеть женщину из большого дворца' (объект выражен определением, а не прямым дополнением).

Однако форма на *-aku* характерна лишь для ранних произведений эпохи. Даже в сборнике новелл она постепенно исчезает, заменяясь глаголом говорения в той или иной форме, стоящим после прямой речи, что характерно и для новояпонского языка. В «Гэндзи» формы на *-aku* найти трудно. Можно считать, что с середины эпохи в живой речи они исчезают.

ПОСТПОЗИТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Нарушением обычного порядка слов является постановка определения после определяемого, возникшая в КЯЯ, возможно, не без влияния китайского, где подобные примеры также имеются. В ряде случаев выбор такой конструкции можно объяснить наличием нескольких определений-предикативов: *Kouran-no moto-ni awoki kame-po wofoki naru-wo suwete...* (S, с. 23) 'У балюстрады поставили голубую вазу *большую...*'; *Ito otoshiroki ite-po ariketu-wo worite ...* (O, с. 153) 'Сломав [ветку] очень красивой сливы, оказавшейся [там]...'; *Ken-wo nusumite uritaru-wo kafitari ni mo arazu* (O, с. 176) 'Документ, *украденный и проданный*, [я] не покупал'; *Tiipagon-naru fito-no, omusume amata motitamaferu ofashiki* (O, с. 43) 'Жил человек, званием тюнагон, *имевший много дочерей*'. Определяемое оформляется формантом *-no*, если постпозитивное определение — прилагательное или непереходный глагол: *Sono wofuto-no ushetaru-wo anagatini kofikanashimikeredomo ...* (Kon XXIX, 24) 'Хотя [она] очень любила своего мужа *покойного* и скорбела [о нем]...'; *Yo fitoyo, ifo-po ife-ni kaki-no wotikakarinaagi-wo, fitobito firofi nado su* (Sa, с. 488) 'Всю ночь напролет люди подбирали и ели хурму, которая падала на шалаш'. Но если определяемое обозначает лицо, оно может оформляться суффиксом *-ga*: *Fangwandai-ga itta-ni poritaru-wo ariji to wotomifite...* (Kon XXIX, 25) '[Я] принял чиновника, *ехавшего верхом на лошади*, за главного...'; *Ukon-ga tikau fushitaru-wo wokoshitamafu* (G, с. 123) 'Разбудил Укон, *спавшую неподалеку*'.

Предложение с рассматриваемой конструкцией — сложное. Сама конструкция во всех приведенных выше примерах является членным предложением — прямым дополнением. Но если глагол-сказуемое главного предложения непереходный, то конструкция представляет собой предложение-подлежащее: *Mizogafi to ifu mono-no wofokinaru ga kuti-wo akete ariketu wo...* (Kon XXIX, 35) 'Моллюск, называемый мизогафи, *крупный, лежал, раскрыв створки* (букв. рот)'.

Надо отметить, что постпозитивное определение формально служит сказуемым члена предложения. Чтобы оно стало самостоятельным, нужно только придать сказуемому финитную форму и отсечь все, относящееся к главному предложению.

В изучение постпозитивного определения, в том числе и в КЯЯ, большой вклад внесли мои учителя — Е. М. Колпакчи и А. А. Холодович.

ИНВЕРСИЯ В СТИХАХ

Как и в поэзии многих других народов, в стихах на КЯЯ нередко менялся обычный порядок слов. Причин инверсии много: а) необходимость уложиться в строгий размер танка — 5—7—5—7—7 слогов. Если слово или словосочетание, которое следовало бы поместить на первом или третьем месте, заключало в себе более 5 слогов, его приходилось перемещать на второе, четвертое или пятое места; б) возможно, были и ритмические причины, по которым даже подходящее по длине слово перемещалось как несовместимое с ритмическим рисунком стиха; в) композиционные соображения вынуждали отнести главное в стихе на последнее место; сюда относятся и многие из случаев «тайгэндомэ», т. е. стихов с именем на последнем месте (вместо более обычного помещения в конце сказуемого-предикатива); г) вопросительное слово с начала предложения могло переноситься в конец, превращаясь в сказуемое (иногда даже в прозе); д) есть и случаи переноса сказуемого на первое место: *Mube-narikeri kimi-no adawaza-wo shitamafanu-fa to ofo-fu* (О, с. 160) 'Неудивительно, что господин не изменяет [такой жене], — подумала [кормилица].'

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ КЯЯ

1. В целом систему спряжения КЯЯ можно оценить как в высокой степени синтетическую. Даже связи между предложениями (в составе сложного) выражались деепричастиями, т. е. одна форма глагола (или прилагательного) служила как сказуемым придаточного предложения, так и показателем характера синтаксической связи (соединительной, выражавшей одновременность, условно-причинно-временной или уступительной). Это важная типологическая черта, свойственная всем алтайским языкам.

2. Из микросистем грамматических категорий наиболее сложной и многообразной была микросистема наклонений. Времена, хотя и существовали, были неразрывно связаны с модальными значениями, которые можно считать главными,

определенными. Так, два времени, специально употреблявшиеся в речи о прошлом,— «время воспоминания» и «время обнаружения» (инвентив) — отличались одно от другого по модальности, а не по разному отношению к моменту речи или времени, о котором идет речь.

3. Отсутствие будущего времени характерно для всей известной нам истории ЯЯ. Но в отличие от НЯЯ в эпоху Хэйан в речи о будущем еще не могли использоваться формы категорических наклонений (изъявительного и отрицательного), так как будущее мыслилось лишь предполагаемым. Найдены лишь отдельные нарушения этого правила (в определительной позиции).

4. Виды уже были, но видовые показатели находились в отношении дополнительного распределения (*-li* чаще употреблялось при непереходных глаголах, *-tu* — при переходных). Глаголы без этих показателей совершенности видового значения не имели. Аналитические видовые конструкции только складывались.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ

IROFA-UTA

*Iro-fa nifofedo,
Tirinuru wo.
Waga yo tare zo
Tune-naramu.
Uwi-no okuyama .
Kefu koyete,
Asaki yume miji,
Wefi mo shezu.*

ПЕСНЯ «ЦВЕТЫ»

'Хоть цветы цветут, [они]
Опадают [все]!
В нашем мире кто же
Вечным может быть?
[Все] границы бытия
Ныне перейдя,
Не увидим мелких грез,
Не упьемся [вновь]!'.
.

Это стихотворение написано в форме *itaya* (букв. 'современная форма'), размер 7—5—7—5—7—5—7—5 слов. Оно представляет собой довольно точный перевод (с китайского) буддийского стихотворения о бренности всего земного. Искусство безымянного переводчика выразилось в том, что он сумел дать точный японский эквивалент, не выйдя за рамки формы и применив каждый существовавший в КЯЯ его времени (конец X в.) слог только по одному разу. Скорее, впрочем, он намеревался не повторить ни одной буквы. Поскольку знака озвончения еще не было, слоги с начальным звонким и с начальным глухим трактуются как один и тот же слог (т. е. если дается *ga*, то *ka* уже не дается, если применено *ki*, то *gi* мы не найдем). По этому стихотворению видно, что разница между *e* и *ue* была к этому времени утрачена. Сохранено лишь одно сложное канго *ishī* 'бытие'.

Irofa-uta широко использовалась как алфавит. Многие словари располагают слова в порядке *irofa* — слогов этого стихотворения. Буква I обозначает первый порядковый номер, буква RO — второй и т. д. и в современной печати [ср. рус. а), б) ...].

СЛОВАРЬ К ТЕКСТУ

<i>iro</i>	'цвет', эд. 'цветы'
<i>nifofu</i>	'благоухать'
<i>tir-u</i>	'опадать'
<i>waga</i>	'мой', 'наш'
<i>yo</i>	'свет', 'мир'
<i>tare</i>	'кто'
<i>tune</i>	'всегда', 'вечно'
<i>uwi</i>	'бытие', 'сущность' жизни

<i>okuyama</i>	'далние горы'
<i>kefu</i>	'сегодня'
<i>koyete</i>	'перейдя'
<i>asaki</i>	'мелкий' (против. 'глубокий' — о чувствах и т. п.)
<i>yume</i>	'сон'
<i>mi-ru</i>	'видеть'
<i>wefi</i>	'опьяниться'
<i>su</i>	'делать'

Грамматический комментарий. Обычный для КЯЯ порядок слов (определение — определяемое, подлежащее — сказуемое) здесь не нарушен. Все шесть сказуемых занимают последнее место в предложениях. Но все

они имеют разные формы: *nifofedo* — уступительное деепричастие 'хотя и благоухают', *tirinuru* 'сыпаются' (сов. вид); *nagati* — предположительное наклонение от связки *nari*; *koyete* — срединная форма завершенного вида (от перех. глагола *koy-i* 'переходить'); *miji* — отрицательно-предположительное наклонение в речи о будущем; *weji* — отглагольное имя; *shezu* — отрицательное наклонение от *su* 'делать'. Поскольку ни одного падежного форманта повторить было нельзя, все имена оформлены по-разному или не оформлены вовсе. *-Fa* — суффикс выделительного падежа, *-ga* — притяжательного. *Yo* 'мир' можно было бы снабдить суффиксом дательно-местного падежа *-ni*, но буква NI была употреблена выше, поэтому *yo* осталось неоформленным, хотя стих от этого стал короче, чем нужно, на один слог. *Wo*, *zo* — восклицательные частицы, *-po* — суффикс родительного падежа, *to* — частица 'и', 'также', 'даже'. Можно считать, что слово-тема *yo* выделено здесь паузой (равной по длине слогу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллакчи Е. М. Очерки по истории японского глагола. Т. 1. Морфология глагола. М.—Л., 1956.
2. Неверов С. В., Попов К. А., Сыромятников Н. А., Цын М. С., Фельдман Н. И. Большой японо-русский словарь. Т. I—II. М., 1970.
3. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972.
4. Сыромятников Н. А. Система фонем японского языка.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV. М., 1952.
5. Сыромятников Н. А. Существуют ли разные типы условной связи в японском языке?—«Советское востоковедение», М., 1955, № 3.
6. Холодович А. А. Очерки по строю японского языка. Докт. дис. Л., 1949.
7. Inukai Takashi. «Man'yo:-gana»-kara kana-e (The Development of the Japanese Syllabic System from «Man'yo:-gana» to «Kana»).—«Kokugogaku», № 93, 1973.
8. Ishigaki Kenji. Joji-no rekishiteki kenkyu: (Историческое исследование частиц). Токио, 1947.
9. Ko:za, Kokugoshi (История родного языка, в 7 томах). Т. 2. On'inshi, mojishi (История фонем и письменности). Токио, 1972.
10. Lewin B. Abriss der Japanischen Grammatik auf der Grundlage der klassischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1959.
11. Mabuchi Kazuo. Kokugo on'inron (Фонология родного языка). Токио, 1972.
12. Miller R. A. The Japanese Language. Chicago, 1967.
13. Miyake Takeo. Kihondo:shi-no meishika-akusento ho:soku.—«Kotoba», 1940, II, № 9.
14. Nihongo-no rekishi (История японского языка). Т. 2. Токио, 1963.
15. Ono Susumu, Satake Akehiro, Maeda Kingoro. Ko:go-jiten (Словарь старого языка). Токио, 1974.
16. Otsubo Heiji. Heian-jidai-ni okeru ukemi to shieki no jodo:—shi-no buntaironteki ko:satsu (A Stylistic Study of Auxiliary Verbs in the Passive and Causative in the Heian Period).—«Kokugogaku», № 120, To:kyo:, 1980.
17. Sansom G. A Historical Grammar of Japanese. Oxford, 1928.
18. Shimmura Izuru. Ko:jien. 2-е изд. Токио, 1969.
19. Tsukishima Hiroshi. Heian-jidaigo-shinron (Новое исследование языка эпохи Хэйан). Токио, 1969 (Ts.).
20. Yamaguchi Yoshinori. Kodai-Nihongo-ni okeru boin-datsuraku-po gensho:-ni tsuite (On the Elision of Vowels in Ancient Japanese).—«Kokugogaku», № 85. Токио, 1971.

ИСТОЧНИКИ¹

- G — Murasaki-nō Shikibu. Genji-monogatari (1000 г.); по изд.: Kaneko Motoomi. Meiji-shoin. T. I—III. Изд. 28-е, 1939.
- Ishe — Ishe-monogatari (IX—X вв.); по изд.: Nihon-koten-bungaku-taikei, т. 9. 1969.
- ISN — Idumi-shikibu-nitki (1004); по изд.: Nihon-koten-bungaku-taikei. Т. 20. Изд. 14-е, 1970.
- J* — Jidaibetsu-kokugo-daijiten, jo:daihen (Большой словарь родного языка по эпохам. «Древность»), 1967.
- K — Kokinshū: (сост. в X в.). Предисловие (проза Ки-но Цураюки) и стихи (антология) в 20 томах (см. М.).
- Kon — Konjaku-monogatari (XI в.), сборник новелл; т. I—XV по изд.: Nihon-bungaku-taikei, dai-8-kan. Изд. 2-е, 1927; Т. XXVIII—XXXI по изд.: Nihon-koten-bungaku-taikei, Т. 26, Изд. 4-е, 1969.
- M — Motoori Norinaga. Kokinwakashū:to:kagami (оригинал и перевод антологии «Kokinshū» на языке конца XVIII в.).— Motoori Norinaga-zenshu: Т. 7. To:kyo:, 1927.
- O — Otikubo-monogatari (X в.), роман; по изд.: Nihon-koten-bungaku-taikei. Т. 13. Изд. 14-е, 1970.
- S — Shei Shōnagon. Makura-no saushi (около 1000 г.); по изд.: Nihon-bungaku-taikei. Т. 19. Изд. 12-е, 1970.
- Sa — Sarashina-nitki (около 1050 г.); по изд.: Nihon-koten-bungaku-taikei. Т. 20. 1970.
- T — Takegori-monogatari (IX в.); по изд.: Nihon-bungaku-taikei, dai-2-kan, 1925.
- Tosa — Tosa-nitki (930 г.); изд.: Nihon-koten-bungaku-taikei. Т. 20, 1970.
- Tu — Tutumi-t'u:nagon-monogatari (1055 г. и позже); по изд.: Nihon-bungaku-taikei, dai-2-kan, 1925.
- Ya — Yamato-monogatari (947—957); по изд.: Nihon-bungaku-taikei, dai-2-kan, 1925.
- V* — Vocabulário da lingoa de Japam com adeclaração em Portugues. Nan-gasaqui... ANNO MDCIII. По фототипическому перенеданию Дон Тадао, Токио, 1960. В настоящее время вышло и новое превосходное издание с переводом португальской части на современный японский язык.: Ho:yaku Nippo-jiten (Doi Tadao, Morita Takeshi, Cho-nan Mi-pogi). To:kyo:, 1980.

Были использованы следующие русские переводы этих памятников:

Исе-моногатари. Повесть Древней Японии. Перевод и примечания. Н.И. Конрада. Л., 1926, М., 1979.

¹ Римская цифра после шифра памятника в скобках означает том или главу оригинала; арабская цифра — номер новеллы по порядку (или в пределах тома, если в памятнике есть такое деление). После G, ISN, O, Sa указаны страницы использованных изданий.

* В тексте ссылки на данные источники даны в квадратных скобках.

Дед Такэтори (Японская сказка IX века). Перевод с японского и вступительная статья А. А. Холодовича («Восток». Сборник первый. «Литература Китая и Японии». Academia, 1935, с. 53—83).

Ки-но Цураюки. Путевые заметки из Тоса. Перевод с японского, вступительная статья и примечания О. В. Плетнер[а]. («Восток». Сборник первый. «Литература Китая и Японии». Academia, 1935, с. 87—112).

Мурасаки Сикибу. Фрейлина Кирицубо (глава из романа «Гэндзи-моногатари» XI века). Перевод с японского, вступительная статья и примечания Н. И. Конрада («Восток». Сборник первый. «Литература Китая и Японии». Academia, 1935, с. 165—178).

Сэй Сёнагон. Из «Записок у изголовья» (XI в.). Перевод с японского, вступительная статья и примечания Е. М. Колпакчи («Восток». Сборник первый. «Литература Китая и Японии». Academia, 1935, с. 181—198).

«В дождливую ночь» (перевод половины 2-й главы из «Genji» и вступительная статья Н. И. Конрада).— Японская литература в образцах и очерках. Под ред. Н. И. Конрада. Л., 1927.

Волшебные повести (Повесть о старице Такэтори и Повесть о прекрасной Отикубо). Перевод с японского и предисловие В. Марковой. М., 1962.

Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. Перевод со старояпонского, предисловие и комментарии В. Марковой. М., 1975.

Из переводов на английский язык была использована книга: The Izumi Shikibu Diary. A Romance of the Heian Court. Translated with an Introduction by Edwin A. Cranston. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Введение	8
Фонетика	11
Подсистема гласных фонем	11
Подсистема согласных фонем	14
Система ударений	30
Письменность	31
Лексика	41
Грамматика	48
Местоимения	49
Имена существительные	53
Спряжение	78
Некоторые результаты исследования грамматического строя КЯЯ	145
Приложение	147
Текст	147
Словарь к тексту	147
Литература	149
Источники	150

